

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1902.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знаменитая „Переписка Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ“ представляетъ памятникъ, имѣющей одинаково важное значеніе какъ въ литературной, такъ и въ политической исторіи нашего отечества. Потомокъ князей ярославскихъ, высоко ставившій преданія и права своего происхожденія, одинъ изъ видныхъ полководцевъ царя Ивана Васильевича, участвовавшій еще молодымъ человѣкомъ во взятіи Казани, потомъ немало оказавшій услугъ государству во время ливонской войны, Курбскій былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ просвѣщенный, ученикъ и почитатель Максима Грека, раздѣлявшій его взгляды. Въ періодъ особенно усилившихся гоненій на бояръ со стороны Іоанна IV, приблизительно въ 1563 или 1564 году, Курбскій бѣжалъ въ Литву, получилъ отъ польскаго короля помѣстья и посвятилъ себя защитѣ православія въ западной Руси; отдался книжному труду, въ старыя годы научился латинскому языку, переводилъ святоотеческія книги и этимъ продолжалъ служить потерянному отечеству, къ которому не переставалъ мысленно стремиться. Отсюда онъ и началъ свою переписку съ Іоанномъ Грознымъ, состоящую изъ 4-хъ писемъ, съ 2-мя отвѣтными на нихъ посланіями самого Грознаго. Наполненная взаимными укорами и обвиненіями, одинаково рѣзкими и страстными съ обѣихъ сторонъ, пере-

*

писка эта чрезвычайно характерна для опредѣленія особенностей русской исторической жизни того времени, представлявшей послѣдніе моменты борьбы царской власти съ удѣльно-княжескимъ и боярскимъ преданіемъ.

Значеніе этой переписки принадлежитъ къ вопросамъ, много разъ привлекавшимъ вниманіе историковъ, но остающимся и до сихъ поръ неразрѣшеннымъ. Большинство историковъ, преимущественно послѣдняго времени, склонны видѣть въ дѣятельности Іоанна Грознаго успѣхъ государственной идеи надъ отживающей стариной. Въ ихъ глазахъ, картина мрачныхъ свирѣпостей Грознаго застилается представленіемъ объ его стремленіи къ государственному единству, которому продолжали грозить притязанія отжившаго, но еще опаснаго удѣльнаго сепаратизма и боярскихъ притязаній. Другіе историки находили, что для достиженія подобной цѣли не было надобности въ тѣхъ страшныхъ и странныхъ мѣрахъ, какія принималъ Грозный, и что эта правительственная система едва ли можетъ оправдать послѣдовавшую за нею деморализацію. Короче: кто изъ двухъ борцовъ здѣсь является жертвой и кто гонителемъ,—остается вопросомъ открытымъ. Едва ли не болѣе близкимъ къ истинѣ намъ представляется взглядъ одного изъ послѣднихъ изслѣдователей этого памятника: М. Петровскаго (Кн. Курбскій. Казань. 1873), который считаетъ Курбскаго, при всѣхъ его ошибкахъ и недостаткахъ, „лучшимъ выразителемъ тѣхъ идей русской гражданственности, которыя, очевидно, были доступны и другимъ лицамъ той же партіи, но ни въ одномъ изъ нихъ не выказалось столько энергіи въ борьбѣ, какъ въ Курбскомъ. Послѣдній представляетъ намъ образецъ тѣхъ доблестей, какія могла дать Русь XVI-го вѣка. Курбскій—это граж-

данинъ, представитель идеи прогресса, воіюющій противъ тупого абсолютизма Грознаго; это—воинъ, не щадящій жизни за дѣло Руси; это—ученый, не довольствующійся тѣмъ недостаточнымъ образовательнымъ матеріаломъ, съ которымъ уживались другіе книжники его времени; наконецъ, это—первый русскій публицистъ, неуклонно идущій по предположенному заранѣе пути... Іоаннъ IV понималъ Курбскаго, не могъ не чувствовать его превосходства въ ряду остальныхъ бояръ, не стыдился вступить съ нимъ въ переписку, въ которой тщетно старался уязвить своего врага вымышляемыми преступленіями и укорами“.

Въ настоящемъ изданіи, помѣщены четыре письма Курбскаго къ Іоанну IV и два отвѣтныхъ посланія послѣдняго; этой „перепискѣ“ предпослана „Исторія Грознаго“, написанная Курбскимъ. Послѣднее сочиненіе, весьма интересное и само по себѣ, представляется существенно важнымъ дополненіемъ къ „письмамъ“, разъясняющимъ взаимныя отношенія обоихъ авторовъ. Помѣщены эти произведенія въ редакціи единственно доступнаго публикѣ изданія Устрялова, нынѣ составляющаго библиографическую рѣдкость. Ореографія „Сказаній“ Курбскаго тоже сохранена безъ измѣненій. Такъ какъ языкъ Курбскаго изобилуетъ польскими, а подчасъ и латинскими словами и выраженіями, то въ концѣ книги мы сочли необходимымъ помѣстить краткій словарь такого рода словъ. Въ качествѣ комментарія къ содержанію настоящаго выпуска, напечатаны 4 статьи, извлеченныя изъ извѣстныхъ изслѣдователей этой эпохи; освѣщающая дѣятельность Курбскаго съ различныхъ сторонъ, онѣ облегчатъ пониманіе какъ самого памятника, такъ и историческаго значенія автора его.

Въ заключеніе, считаемъ нелишнимъ указать слѣдующія монографіи, посвященныя Курбскому: С. Горскій, „Жизнь и историческое значеніе кн. А. М. Курбскаго“. Казань. 1854.—Опоковъ, „Кн. А. М. Курбскій“. Кіевъ. 1872.—М. Петровскій, „Кн. А. М. Курбскій“. Казань. 1873.

Къ книгѣ прилагается портретъ Іоанна ІV.

А. Ч.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Предисловіе. . .	СТР. I
------------------	-----------

I. ИСТОРИЯ КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО.

Соч. кн. А. М. Курбскаго. Гл. 1. Юность Иоаннова.	1
Гл. 2. Покореніе Казани .	<u>9</u>
Гл. 3. Бесѣда царя съ Вассіаномъ.	30
Гл. 4. Война Лифляндская	45
Гл. 5. Начало злу	66
Гл. 6. О побіеніи вилжескихъ родовъ .	76
Гл. 7. О побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ.	89
Гл. 8. О страданіи священномучениковъ.	99
Гл. 9. Завлюченіе.	122

II. ПЕРЕЦИСКА КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО СЪ ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ ВАСИЛЬВІЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

1) Эпистолія 1-я князя Андрея Курбскаго .	127
2) Посланіе царя Іоанна Васильевича къ Курбскому	<u>131</u>
3) Краткое отвѣщаніе кн. А. Курбскаго . . .	189
4) Грамота, посланная отъ государя ко князю А. Курбскому .	<u>191</u>
5) На вторую эпистолію отвѣщаніе царицы Московскому убогаго Андрея Курбскаго . . .	196
6) Второе посланіе Курбскаго изъ Полоцка.	213

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Любовь Курбскаго къ научному образованію.	216
2) Записки Курбскаго о Грозномъ, проф. <i>Лаинюкова</i>	219

	СТР.
3) Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его исторіи, <i>С. М. Соловьева</i>	221
4) Форма изложенія писемъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, <i>С. М. Соловьева</i>	226
5) Борьба Грознаго съ боярствомъ, проф. <i>Ключевскаго</i> .	232
Словарь	251

І. ИСТОРІЯ КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО

О

Д Ъ Л Ъ Х Ъ,

ЯЖЕ СЛЫШАХОМЪ У ДОСТОВѢРНЫХЪ МУЖЕЙ И ЯЖЕ ВИДѢХОМЪ
ОЧИМА НАШИМА.

КОВЧЕГЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Г Л А В А І.

ЮНОСТЬ ІОАННОВА.

1534—1552.

Предисловіе автора. Разводъ в. к. Василя съ Соломовією. Гнѣвъ его на Вассіана, Семена Курбскаго и Максима Грека. Рожденіе Іоанна. Воспитаніе его. Бѣдствія Россіи. Смерть П. Бѣльскаго, И. Кубенскаго, Ѡ. и В. Воронцовыхъ, Б. Трубецкаго, И. Дорогобужскаго, Ѡ. Овчины. Пожаръ Москвы. Бунтъ народа. Убіеніе Ю. Глинскаго. Чудное исправленіе Іоанна Сильвестромъ и Адашевымъ.

Много кратъ ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: „откуда сія приключишася, „такъ прежде доброму и нарочитому царю, многожды за отечество и о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ вѣщахъ, сопротивъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе, „и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде „отъ всѣхъ добрую славу имущему?“ И многожды умолчавъ со въздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошаній, принужденъ быхъ нѣчто

РУС. КЛ. БИВЛ.—ВЫП. XXXIII.

1

рещи отчасти о случаяхъ, приключшихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволь злѣ нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголють многіе премудрые: „доброму началу и конецъ бываетъ добръ“; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается; а наипаче, отъ самовластнаго человѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противу Божіихъ заповѣдей дерзати.

Князь великій Василій Московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ (иже и писати, и исчитати, краткости ради книжицы сел, не вмѣстно, а еже достойтъ воспомянути, зѣло вкратцѣ напишемъ по силѣ): живши со женою своею первою, Соломонидою, двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество, не хотящу и не мыслящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащъ, и затворити казалъ ребро свое въ темницу, зѣло пужную и унынія исполненную, сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ, не токмо мнихомъ, но и сиклитомъ его; отъ пихъ же единъ Вассыянъ, пустынникъ, сродникъ ему сушь по матери своей, а по отцѣ, внукъ княжати Литовскаго, Патрикіевъ, и оставя мірекую славу, въ пустыню вселился, и такъ жестоко и свято житіе препровождаль во мнишествѣ, подобнѣ великому и славному древному Антонію. Да не зарите кто дерзостнѣ рещи, Іоанну Крестителю ревностію уподобился; бо и оный о законопреступномъ браку царю возбранялъ, беззаконіе творящу. Онъ въ Моисеевскомъ, сей же во Евангельскомъ беззаконоваль. А отъ мірскихъ сиклитовъ, возбранялъ ему Семень, речен-

ный Курбскій, съ роду князатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, о немъ же и о святомъ жителствѣ его не токмо тамо Русская земля вѣдома, но и Герберштентъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ, на Москвѣ былъ и увѣдалъ, и въ кроницѣ своей свидѣтельствуеть, юже Латинскимъ языкомъ, въ Медиоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ. Той Герберштентъ приходилъ два кратъ къ Москвѣ, посломъ великимъ отъ славнаго цесаря христіанскаго, Карлуса, о великихъ дѣлѣхъ, или паче, постановляющи миръ вѣчный между царствы христіанскими, и вооружающи ихъ и подвизающи сопротивъ поганомъ; и аще мужъ былъ искусный въ шляхетныхъ наукахъ п дѣлѣхъ, но въ варварскихъ языцѣхъ, глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла до конца исправить.

Онъ же, предреченный Василій, великій, паче же въ прегордости и въ лютости, князь, не только ихъ не послушалъ, такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго блаженнаго Вассьяна, по плоти сродника своего, изымавъ, заточити повелѣлъ, и связанна святаго мужа, аки злодѣя, въ прегорчайшую темницу, къ подобнымъ себѣ въ злости презлымъ Осифляномъ, въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ. Они же, яко лютости его скорые послушницы и во всѣхъ злыхъ потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ. И другихъ святыхъ мужей, овыхъ заточилъ на смерть, отъ нихъ же единъ, Максимъ философъ, о немъ же напередъ повѣмъ; а другихъ погубити повелѣлъ, ихъ же имена здѣ оставлю. А князя Семена отъ очей своихъ отогналъ, даже до смерти его.

Тогда зачался нынѣшній Иоаннъ нашъ, и родилася, въ законопреступленію и во сладострастію, лютость, яко рече Иоаннъ Златоустый, въ словѣ о женѣ злой, ему же начало днесъ намъ Иоанново преподобіе: *и Иродова лютость егда възвѣщалася, смутились внутреннія, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался, и прочее.* И аще святыя великіе учителя ужасалися, пишуще

*

отъ мучителей на святыхъ дерзаемыя: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, такуюю трагедію возвѣщати! Но послушаніе все преодолеваетъ, паче же стужанія, або докучанія вашего ради частаго. Но и сіе къ тому злomu началу еще возмогло: понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки дву лѣтъ; (по немногихъ же лѣтѣхъ, и мати ему умре; потомъ питаша его величые гордые паны, по ихъ языку боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеса другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію.

Егда же началъ (приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ двадцать, и впредъ что творилъ, умолчу инья и инья, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечуще ихъ (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), такожь и инья многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердное произволеніе въ себѣ, яко Соломонъ глаголетъ: *мудрый, рече, милуетъ души скотовъ своихъ, такожь и безумный бьетъ ихъ нещадно*; а пѣсгунюмъ ласкающимъ, попускающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще, тогда началъ челоуѣковъ уроняти. И собравши чети юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ челоуѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и инья злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: „о храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!“ Егда же прииде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣхъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду князятъ Литовскихъ, еданоколѣненъ кролеви Польскому Ягайлу,

именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ и въ священныхъ писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ.

По малѣ же времени, онъ же самъ повелѣлъ убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ. Потомъ, аки по двухъ лѣтѣхъ, убилъ трехъ великородныхъ мужей: единаго, ближняго сродника своего, рожденнаго съ сестры отца его, князя Иоанна Кубенскаго, иже былъ у отца его великимъ земскимъ маршалкомъ; а былъ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, и мужъ зѣло разумный и тихій, въ совершенныхъ уже лѣтѣхъ; и вкушъ побіени съ нимъ предреченные мужіе, Феодоръ и Василій Воронцовы, родомъ отъ Нѣмецка языка, а племени княжатъ рещскихъ. И тогда же убіенъ Феодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянинъ. А мало предъ тѣмъ, аки за два лѣта, удавленъ отъ него князя Богдана сынъ Трубецкаго, въ пятнадцать лѣтѣхъ младенецъ, Михаилъ именемъ, съ роду княжатъ Литовскихъ; и потомъ, памятамися, тогожъ лѣта убіени отъ него благородные княжата: князь Иоаннъ Дорогобужскій, съ роду великихъ княжатъ Тверскихъ, и Феодоръ, единочадный сынъ князя Иоанна, глаголемаго Овчины, съ роду княжатъ Торусскихъ и Оболенскихъ, яко ягнцы неповинные заколены, еще въ самомъ наусіи. Потомъ, егда началъ всякими безчисленными злостями превосходити, тогда Господь, усмиряющій лютость его, посѣтилъ градъ великій, Москву, презѣльнымъ огнемъ, и такъ явственнѣ гнѣвъ свой навелъ, аще бы по ряду писати, могла бы повѣсть цѣлая быти, або книжица; а предъ тѣмъ, еще во младости его, безчисленными плѣненными варварскими, ово отъ царя Перекопскаго, ово отъ Татаръ Нагайскихъ, сирѣчь Заволжскихъ, а наипаче и горше всѣхъ, отъ царя Казанскаго, сильнаго и возможнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадцать миль

до Московскаго мѣста. Такожъ и отъ Перекопскаго, або отъ Крымскаго царя, и отъ Нагай вся Рязанская земля, ажъ по самую Оку рѣку, пустошена; а внутрь челоуѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество. Тогдажъ случилось, послѣ того предреченнаго пожара, презѣльнаго и воистинну зѣло страшнаго, о немъ же никтожъ сумнится рещи, явственный гнѣвъ Божій: а чтожъ тогда бысть?

Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утещи отъ града со своимъ дворомъ; и въ томъ возмущеніи убіенъ вуй его князь Юрій Глинскій отъ всего народа, и домъ его весь разграбленъ; другой же вуй его князь Михайль Глинскій, который былъ всему злему начальникъ, утече, и другіе челоуѣкоугодницы сущіе съ нимъ разбѣгшася. И въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ отдохнуть землѣ христіанской, образомъ симъ: тогда убо, тогда, глаголю, приде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньями и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божиимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многожды и отцы повелѣвають слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхами, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сиде и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлѣти умыслилъ. Яко и врачеве дѣлають, по неволѣ, согнившія гагринны стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подобно, и онъ блаженный, льстецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ испѣлѣлъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и онимъ наставляюще на стезю правую. Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ

благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; цареви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявилъ о немъ, воистинну вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими человѣки. И аще же воззримъ, яко благодать святаго духа вѣрныхъ въ новомъ завѣтѣ украшаетъ, не по дѣломъ нашимъ, но по презობильности щедротъ Христа нашего, иже не токмо не дивно будетъ, ино удобно: понеже и крови своей сотворитель всяческихъ не жаловалъ за насъ изліяти. Но прекративъ сіе, до предреченныхъ паки возвратимся.

Что же сіе мужіе два творять полезное землѣ оной, спустошенной уже воистинну и зѣло бѣдѣ сокрушенной? Приклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творять, сіе дѣлають! Главную доброту начинаютъ — утверждаютъ царя, и якого царя? царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и презлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придають? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ завѣщааетъ онѣи презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ, на нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ царя къ покаянію, и исчистивъ сосудъ его внутренній, яко подобаеть, къ Богу приводятъ, и святыхъ, не-

порочныхъ Христа нашего таянъ сподобляють, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

И къ тому еще и сіе прилагають: собирають къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божиимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожь предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояють, яко безъ ихъ совѣту, ниче-соже устроити или мыслити. Воистину премудрому Соломону глаголющу: *Царь, рече, добрыми совѣтниками; яко градъ претвердыми столпы утвержденъ; и паки: любяй, рече, со-вѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совѣтъ изчезнетъ:* понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оныя совѣтницы у него *избранная рада;* воистину по дѣломъ и нареченію имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наицѣпшее; и къ тому воеводу, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопро-тивъ враговъ избирають, и стратилатскіе чины устрояють, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьи почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились. А паразитовъ, или тунеядцевъ, сирѣчь подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блаженствомъ или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными, прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество челоуѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или мздовоздаяньи, каждому по достоянію.

Г Л А В А II.
ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

1552.

Первый походъ Казанскій. Основаніе Свияжска. Намештвіе хана Крымскаго. Бѣгство его. Битва Курбскаго съ Татарами подъ Тулою. Походъ на Казань. Трудность пути. Прибытіе въ Свияжскъ. Мѣстоположеніе Казани. Осада оной. Первая битва. Курбскій и Щепятевъ начальствуютъ правую рукою. Устроеніе шанцовъ. Сильная вылазка. Нападеніе Луговой Черемисы. Побѣда Александра Горбатаго. Ожесточеніе Казанцевъ. Взятіе Арскаго города. Чары. Спасенное древо. Взорваніе тайника. Построеніе высокой башни. Штурмъ Казани. Братъ Курбскаго первый на стѣнахъ ея. Мужество Едигера. Корыстолюбіе воиновъ. Иоаннъ удерживаетъ бѣгущихъ. Взятіе Казани. Едигертъ въ плѣну. Доблесть Курбскихъ.

И абіе, за помощію Божіею, сопротивъ сопостатовъ возмогша воинство христіанское. И противъ якихъ сопостатовъ? такъ великаго и грознаго Измайлтескаго языка, отъ негожъ нѣкогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была; и не противъ единого царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ, сирѣчь, сопротивъ Перекопскаго царя, и Казанскаго, и сопротивъ княжатъ Нагайскихъ. И за благодатію и помощію Христа Бога нашего, абіе отъ того времени, всѣмъ тремъ возражаше нахождение, частыми преодолѣнными преодолюваху и преславными побѣдами украшашуся, о нихъ же по ряду писати сія краткая повѣсть не вмѣстятъ; но вкратцѣ рещи: по толику спустошенію Русскія земли, еже бѣ отъ нихъ, не по толику, но множайше предѣлы христіанскіе расширишася } за малія лѣта; идѣ же были прежде, въ спустошенныхъ краевъ Русскихъ, зимовища Татарскія, тамо грады и мѣста сооружишася; и не токмо кони Русскихъ сыновъ во Азіи съ текущихъ рѣкъ напишася, съ Танаиса и Куалы и прочихъ; но и грады тамо поставишася.

Видѣвъ же таковыя неизреченныя Божія щедроты, такъ вскорѣ бываемыя, и самъ царь, возревновавъ ревностію, началъ противъ враговъ самъ ополчатися, своею главою, и собирати себѣ воинство множайшее и храбрѣйшее, и не похотяше покою наслаждаться, въ прекрасныхъ палатахъ затворясь, пребывати (яко есть нынѣшнимъ западнымъ царемъ обычай: всѣ цѣлыя нощи истребляти, надъ карты сѣдяще и надъ прочими бѣсовскими бреднями); но подвигся многожды самъ, не щадячи здравія своего, на сопротивнаго и горшаго своего супостата, царя Казанскаго единаго въ лютую зиму, аще и не взялъ мѣста отъ него главнаго, сирѣчь Казани града, и со тщетою немалою отойде; но всяко не сокрушилось ему сердце и воинство его храброе, укрѣпляющу Богу оными совѣтниками его. И разсмотривъ тамо положенія мѣста, и аки по лѣтѣ единомъ или дву, градъ тамо превеликій, зѣло прекрасенъ, абіе ставити повелѣлъ, на рѣцѣ Свіягѣ, отъ Волги за четверть мили, а отъ великаго Казанскаго мѣста аки миль пять: такъ близку приближился. И тогожь лѣта выправя дѣла великія стѣнобитныя рѣкою Волгою, а самъ сухимъ путемъ хотяше абіе пойти.

И приде ему вѣсть, иже царь Перекопскій съ великими силами на него идетъ, возбраняюще хожденіе ему на Казань; онъ же, аще и войско великое прежде, града поставленія ради, послалъ, такожь и при дѣлахъ множество воиновъ; но обаче, того ради, на Казань хожденіе на мало время отложилъ. И еще, аки бы съ большею частью войска, иде сопротивъ предреченнаго онаго врага Христова, и самъ сталъ на Окѣ рѣкѣ, ожидающе его ко сраженію брани, во единомъ мѣстѣ, а другія войска разложилъ по другимъ градамъ, яже лежатъ при той же рѣцѣ, и вывѣдывати велѣлъ о немъ: бо не вѣдомо еще было, на которое мѣсто итти мѣлъ. Онъ же егда услышалъ, иже великій князь стоитъ съ войскомъ противъ его, готовъ надъ надежду его (бо певнѣ сповѣдался, иже уже на Казань пошелъ); тогда возвратился и облегъ мѣсто великое, мурованное, Тулу, аки во штинадесяти ми-

ляхъ отъ мѣста Коломны, идѣже царь христіанскій лежалъ съ войскомъ, ждуще его; а насъ тогда послалъ со другими о немъ вѣвѣдыватися, и земли отъ взгоновъ боронити; и было съ нами тогда войска аки пятнадцать тысячей. Мыжъ, преправяся чрезъ великую Оку рѣку со многимъ потщаніемъ, того дня зѣло скоро устремившася, и приѣхаша аки тринадцать миль, и положишася къ нощи, на единомъ потоцѣ, близу стражи царя Перекопскаго, отъ града же Тулы за полдвѣ мили, подъ нимъ же самъ царь стояше. Стража Татарская утече ко царю, и повѣда ему о множествѣ войска христіанскаго, и мняше, иже самъ князь великій приде со всѣмъ своимъ войскомъ; и тое нощи царь Татарскій отъ града утече, аки миль осемь, въ поле дикое, за три рѣки препроводившися, и дѣла нѣкоторыя и кули потопилъ, и пороховъ и верблюдовъ отбѣже, и войско въ войнѣ оставилъ: бо три дни хотяще воевати, а дваждъ дни точію подъ градомъ стоялъ, а противъ третьяго дни побѣжалъ.

Наутрожъ, мы, воставши рано, поидомъ ко граду и положихомся съ войскомъ, идѣже шатры его стояли. Войскажъ Татарскаго аки третина, або вяще, остала была въ загонѣхъ, и шли ко граду, надѣящася царя ихъ стояща. Егдажъ разсмотривши и увѣдаша о насъ, ополчившася противу насъ. Мыжъ абіе сразившася съ ними, и пребывала битва аки на полдвѣ години; потомъ помогъ Богъ намъ, христіаномъ, надъ бусурманы, и толико избивши ихъ, яко зѣло мало осталось ихъ, и едва вѣсть въ орду возвратилась. На той то битвѣ, и самъ азъ тяжкія раны на тѣлеси отнесохъ, яко на главѣ, такъ и на другихъ составѣхъ.

Егдажъ возвратихомся ко цареви нашему, со пресвѣтлымъ одолѣніемъ, онъ же тогда повелѣлъ опочивати оному утружденному войску аки восемь дней. И по осьми дняхъ, самъ поиде съ воинствомъ къ Казани, на мѣсто великое, глаголемое Муромъ, еже лежитъ отъ поля уже къ крайне, къ Казанскимъ предѣломъ, и оттуду, чрезъ поле дикое, аки мѣсяцъ шель ко оному предреченному новому граду, поставлен-

ному на Свіягѣ, идѣже воинство его ждало съ великими дѣлы и со многими запасы, яже приплыша Волгою рѣкою великою. А насъ тогда послалъ, со тремнадцатъ тысящей люду, чрезъ Рязанскую землю и потомъ чрезъ Мещерскую, идѣже есть Мордовскій языкъ. Потомъ препроводясь, аки за три дни, Мордовскіе лѣсы, изыдохомъ на великое дикое поле и идохомъ отъ него по правой рупцѣ, аки въ пяти дняхъ конемъ ѣзду: понеже мы заслониша его тѣмъ войскомъ, еже съ нами шло, отъ Заволжскихъ Татаръ (бо яшебоя онъ, да не приидуть на него безвѣстно тѣ княжата Нагайскія); и аки бы по пяти недѣляхъ, со гладомъ и съ нуждою многою, доидохомъ Суры рѣки великія, на устья Борыша рѣчки, идѣже и онъ въ томъ же дни съ войски великими прииде; и того дни хлѣба сухаго наядохомся со многою сладостию и благодареніемъ, ово зѣло дорогаго купующе, ово позычающе отъ сродныхъ, и пріятель и друговъ: бо намъ его было не стало аки бы на 9 дней, и Господь Богъ препиталъ насъ и войско, ово рыбами, ово иными звѣрьми: бо въ пустыхъ тѣхъ поляхъ зѣло много въ рѣкахъ рыбъ.

Егдажъ преплавишася Суру рѣку, тогда и Черемиса горная, а по ихъ, Чуваша зовомые, языкъ особливый, начаша встрѣчати по пяти сотъ и по тысяцѣ ихъ, аки бы радующеся цареву пришествію: понеже въ ихъ землѣ поставленъ оный предреченный градъ на Свіягѣ. И отъ тое рѣки шли есмь съ войскомъ 8 дней, полями дикими и дубровами, нѣгдѣ же и лѣсами; а сель со живущими зѣло мало: понеже у нахъ села при великихъ крѣпостяхъ ставлены и незримы, аще и по близку ходящимъ; и ту уже намъ привожено и, по странамъ ѣздя, добывано купити хлѣба и скотовъ; аще и зѣло дорого плачено, но намъ было, яко изнемоглимъ отъ гладу, благодарно; а малвазіи и любимыхъ трунковъ з'марцыпаны, тамо не воспоминай! Черемисскій же хлѣбъ сладистѣйшій, паче драгоцѣнныхъ колачей, обрѣтесе; и наипачежъ сего ради, яже подвизахомся за отечество правовѣрнаго христіанства, сопротивъ враговъ креста Христова, паче

же вкупѣ со царемъ своимъ: сіе было благодарнѣйши и радостнѣйши, и не чудось ни единыя нужды, другъ предъ другомъ къ добрымъ подвигамъ ретящеся; наипачежъ самъ Господь Богъ помогаль намъ.

Егдажъ придохомъ близу новопоставленнаго града, воистинну зѣло прекраснаго, тогда выѣхаша во срѣтеніе царя гетмани ови, яко градскіе, такъ которые и съ дѣлы приидоша, съ немалыми вой, по чину благочиннѣ устроени полки имуще; съ нимижъ коннаго войска, тысящъ аки пятьнадесять, изыдоша во срѣтеніе, такожъ и пѣшихъ множество много; къ тому и гуфвъ оныхъ варварскихъ, новопокорившихся царю, немало, аки четыре тысячи; ихъ же обиталія и села близу града онаго быша, яже, хотяще и не хотяще, покорисася. И бысть тамъ радость не мала о здравію пришествія царева со множества воевъ, такожъ и о побѣдѣ прежь реченной, яже на Крымскаго пса одержахомъ (бо зѣло трепетахомъ о приходе и помощи его Казани), и о поставленіи града онаго превеликаго. И такъ къ тому приѣхали есмы, воистинну, яко въ свой домъ, отъ того долгаго и зѣло нужнаго пути: понеже привезено намъ множество, отъ домовъ нашихъ Волгою, мало не каждому, въ великихъ галіяхъ запасу; такожъ и купцовъ безчисленное множество, съ различными живностью и со многими товары, приплыша, идѣже баше всего достатокъ, чего бы душа восхотѣла (точію нечистоты тамо купить не обрящешь). И опочинувъ тамо войско аки три дни, начаша великую рѣку Волгу превозитися; и превезошася все войско аки за два дни.

И на третій день двинушася въ путь, и преидохомъ четири мили, аки за 3 дни: бо тамо не мало рѣкъ, яже впадаютъ въ Волгу; препровожашася чрезъ мосты и гати (которые были предъ нами, показили Казанцы). И на четвертій день изыдохомъ сопротивъ града Казанскаго, на великіе, и пространные, и гладкіе, зѣло веселые луга, и положишася все войско подлѣ рѣки Волги, а луговъ оныхъ до мѣста аки мяля зѣло велика: бо стоятъ оный градъ и мѣсто не на

Волгѣ, но рѣка подѣ нимѣ, Казань реченная, отъ нея жѣ и нареченъ. И положеніе его на великой горѣ, а наипаче отъ приходу Волги сиче зрится; а отъ Нагайскія страны, отъ Камы рѣки, отъ реченнаго Арскаго поля, равно пріити къ нему. Опочинувши же аки день единъ, паки дѣла вѣкторыя съ кораблей выложены, яже предѣ полки хождаша. На другой же день рано, по Божіихъ литургіяхъ, воздвижесе войско отъ становъ, со царемъ своимъ, и развивши хоругви христіанскія, со многымъ благочиніемъ и устроеніемъ полковъ, поидоша ко граду супостатовъ. Градъ же видѣхомъ, аки пусть стоящъ, иже а ни человекъ, а ни гласъ человекъ ни единъ отнюдъ слышашесе въ немъ, яко многымъ неискуснымъ радоватися о семъ и глаголати, яко избѣгоша царь и все воинство въ лѣсы, отъ страха великаго войска.

Егдажъ пріидохомъ близу мѣста Казанскаго, еже въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, подѣ самое мѣсто течеть и впадаетъ подѣ угольную вежу въ Казань рѣку; а течеть изъ озера, Кабана глаголемаго, не малаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ мѣста; и якъ преправитися тую нужную рѣчку, тогда между езеромъ и мѣстомъ, лежитъ съ Арскаго поля гора зѣло прекрасная и ко восхожденію нужная. А отъ тое рѣки, около мѣста, ровъ копанъ, зѣло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Погананаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, иже окомъ воззрити прикро: на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети, зѣло высокія, мурованныя, идѣже ихъ умершіе царіе клались; числомъ, памятамыя, пять ихъ.

Егда же начаша обступати мѣсто оное бусурманское, и войско христіанское повелѣнно итти трема полкомъ, чрезъ предреченную рѣчку Булакъ, егдажъ первѣе препроводилсѣ, направля мостки чрезъ нее, передній полкъ, а тамо обykle его звати яртаулъ, въ немъ же бѣ войска избраннаго, аки семь тысящъ, а надъ ними стратилаты два, княжато Прон-

скій Юрій и княжато Теодоръ Львовъ, съ роду князятъ Ярославскихъ, юноши зѣло храбрыя; и прїиде имъ итти съ нуждою прямо на оную гору, на Арское поле, между мѣста и Кабана, предреченнаго озера, отъ вратъ градскихъ аки два стрѣлянїя лучныхъ; другїй же великїй полкъ начаша только препровождатися чрезъ оную рѣку по мостомъ: царь же Казанскїй выпустилъ войска коннаго изъ мѣста, аки пять тысящъ, а пѣшихъ отъ десяти тысящъ, на первый предреченный полкъ, конныя Татарова съ копыи, а пѣшіе со стрѣлами. И абїе удариша посреди полка христіанскаго, аки въ полгоры оныя, и прерваша его, дондеже поправившася оныя стратилатове: бо уже аки со двѣма тысящами и вяще взошли было на оную гору. И сразашася съ ними крѣпцѣ, и бысть сѣча не мала между ими. Потомъ поспѣшишася другїе стратилати съ пѣшими нашими ручннчными стрѣльцы и сопроша бусурмановъ, яко конныхъ, такъ и пѣшихъ, и гониша ихъ бїуще, ажъ до самыхъ вратъ градскихъ, и околько десять и живыхъ поймаша. Въ той же часъ, вкупѣ во сраженїе онос, и стрѣльбу огненную со града изъявивша, яко со вежъ высокїхъ, такъ и съ стѣны мѣскїя, на войско христіанское стрѣляюще; но ничтожъ, за Божїею благодатїю, тщеты сотвориша.

И абїе въ той день обступихомъ мѣсто и градъ бусурманскїй полки христіанскими, и отняхомъ ото всѣхъ странъ пути и проѣзды ко граду: не возмогли они никакоже ни изъ града, ни во градъ приходити. Таже стратилатове (а по ихъ воеводы полковъ), передовый полкъ, который ходитъ у нихъ за яртауломъ, прїиде на Арское поле и еще другїй полкъ, въ пемъ же бѣ царь Шигалей, и другїе великїе стратилатове залегоша тамо пути, яже отъ Нагайсїя страны ко граду лежатъ.

Мнѣ же тогда, со другимъ моимъ товарищемъ, правый рогъ, а по ихъ, правая рука, поручена была устроить, аще ми и во младыхъ лѣтѣхъ сущу: бо еще мнѣ тогда было лѣтъ аки двадесять и четыре отъ рожденїя; но всяко, за благода-

тію Христа моего, придохъ къ тому достоинству не туне, но по степенямъ военнымъ вздохъ. И было въ нашемъ полку вяще, нежели дванадесять тысящей, и пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ аки шесть тысящей. И повелѣно намъ итти за Казань рѣку; и прострошася войско полка нашего ажъ до Казани рѣки, яже выше града, а другій конецъ до мосту, яже по Галацкой дорогѣ, и до тоя же рѣки, яже ниже града; и залегохомъ пути, ото всея Луговья Черемисы, яже ко граду лежать. И случилось намъ стояти на мѣстѣ въ равнинѣ, на лугу, между великими блатѣ; граду же съ нашей стороны на превеликой горѣ стоящу, и сего ради зѣло намъ, паче всѣхъ, пужно было отъ огненныя стрѣльбы со града, а сзади, съ лѣсовъ, отъ частаго наѣзжанія Черемисскаго. Другіе же полки сташа между Булакомъ и Казанью, обѣ сю страну отъ Волги. Самъ же царь съ вальнымъ гуфомъ, або со множествомъ воевъ, сталь отъ Казани, аки за версту, або мало больше отъ града, съ приходу своего отъ Волги, на мѣстѣ на погористомъ. И сицевымъ чиномъ мѣсто и градъ бусурманскій облегоша. Царь же Казанскій затворися во градѣ со тремядесять тысящей избранныхъ своихъ воиновъ и со всѣми карачи духовными ихъ и мірскими и съ дворомъ своимъ; а другую половину войска оставилъ внѣ града на лѣсѣхъ; такожь и тѣ людіе, яже Нагайскій улубій прислалъ на помощь ему, а было ихъ аки двутысящи и колько сотѣ. И по трехъ дняхъ, начаша близу мѣста панцы ставити; того бусурманы зѣло возбраняша, ово біуще со града, ово вытекающе, вручь сѣкошася, и падаху со обѣихъ странъ множество люду, но обаче вяще бусурмановъ, нежели христіанъ; и сего ради знакъ Божія милосердія являшеся христіанамъ, и духъ храбрости нашихъ прискоряшеся.

Егда же добрѣ и крѣпцѣ заточаша панцы, и стрѣльцы со стратилати ихъ закопашася въ землю, аки уже безстрашны отъ стрѣльбы мѣскія и отъ вытечекъ мящеся; тогда привлекоша великія дѣла, и среднія и огненныя, близу града и мѣста, ими же вверхъ стрѣляютъ; а памятамися, всѣхъ

было аки полтораста и великихъ и среднихъ, за всѣми шанцами, ото всѣхъ странъ града и мѣста, поставлено; а и мѣйшее было по полторы сажени; окромѣ того были польныя многія, около царскихъ шатровъ. Егда же начаша бити со всѣхъ странъ по стѣнамъ града,—и уже очистиша стрѣльбу великую на градѣ, сирѣчь, не даша имъ стрѣляти съ великихъ дѣлъ на войско христіанское, точію гаковничныя и ручничныя не могоша отнати, ими же много тцеты дѣлали войску христіанскому въ людѣхъ и въ конѣхъ.

И еще къ тому тогда хитрость избрѣте царь Казанскій противъ насъ: яковую же? молю, повѣждь ми. Исте такуюю! Но слухай прилежнѣ, раздроченный воин! Ибо уложилъ онъ таковой совѣтъ со своими, съ тѣмъ войскомъ, ихъ же оставилъ внѣ града, на лѣсѣхъ, и положилъ съ ними такое знаменіе, (а по ихъ языку, ясакъ): егда изнесутъ на высокую вежу, або иногда на градъ, на высочайшее мѣсто, хоруговъ ихъ, зѣло великую бусурманскую, и начнутъ ею махать; тогда, глаголю (понеже далоса намъ знати), ударятъ со всѣхъ странъ съ лѣсовъ, зѣло грозно и прутко, во устроенію полковъ, бусурманы на полки христіанскіе; а отъ града во всѣ врата вытекали въ тотъ же часъ на наши шанцы, и такъ зѣло жестоцѣ и храбрѣ натекали, яко и вѣрѣ не подобно; и единого изыдоша сами карачи съ дворомъ царевымъ, а съ ними аки десять тысящъ войска, на тѣ шанцы, идѣже быша дѣла великія заточены, и такъ сотвориша сѣчу злую и жестокою бусурманы на христіанъ. Уже всѣхъ нашихъ далеко отъ дѣлъ отогнали были; и за помощію Божіею, приспѣша шляхта Муромскаго повѣту: бо нѣгдѣ ту близъ станы ихъ были, и межи Русскими, та шляхта зѣло храбрѣе и мужественные мужіе сущи, стародавныя въ родѣхъ Русскихъ. Тогда абіе взопроша карачей со всѣми силами ихъ, ажъ принудишася отъ нихъ подати тылъ; а они ажъ до вратъ мѣскихъ сѣкоша, біюще ихъ, и не такъ множество посѣкоша, яко во вратѣхъ подавишася, тѣснѣи ради; множество же и

живыхъ поймаша. Въ той же часъ и на другіе врата вытекаша, но не такъ крѣпцѣ бишася.

И воистинну на всякій день, аки три недѣли тое бѣды было, яко и брашна намъ онаго зѣло нужнаго не дали приимати многажды; но сице намъ Богъ помогаль, ово храбрѣ, за помощію Божією, сражахуся съ ними, пѣшіе съ пѣшими, отъ града исходящими, конники же съ конники, съ лѣса наѣзжающими; а къ тому и дѣла великія, яже суть съ желѣзными кулями, обращающе отъ града, стрѣляюще на тѣ полки бусурманскіе, яже отовнѣ града съ лѣсовъ наѣзжали. А горче всѣхъ было, отъ ихъ наѣзжанія, тѣмъ христіанскимъ полкомъ, яже стояли на Арскомъ полѣ, яко и намъ, съ Галицкія дороги, яже суть отъ Луговья Черемисы; а которое стояло войско наше подъ градомъ, за Булакомъ, на которой странѣ и царь нашъ стоялъ отъ Волги, тѣ ото внѣшняго нахожденія бусурманскаго въ покою пребывали; точію изъ града частыя вытечки имѣли, яко же ближайшіе стояли, подъ стѣнами града при дѣлѣхъ. А кто бы повѣдалъ, яковую намъ тщету въ людѣхъ и въ конехъ дѣлали: (которые слуги наши добывали травы, ѣздяще на кони наши, а ни ротмистры, стрегуще съ полки своими, не могуще вездѣ оброняти ихъ, злохитроства ради бусурманскаго и наглаго, незапнаго, пруткаго ихъ наѣзжанія); воистинну и пишучи, не исписаль бы порядку, колько бито ихъ и поранено.

Видѣвъ же царь Казанскій, яко уже изнемогло было зѣло войско христіанское, наипаче тое, еже близу стѣнъ мѣскихъ, пришанцовався, лежало, ово отъ частыхъ вытекекъ и наѣзжанія ихъ съ лѣсовъ, ово отъ скудости пищи: бо зѣло уже драго куповано всякія брашна; войску, за неспокоемъ, яко рѣхомъ, не дано и сухаго хлѣба наястися; а къ тому мало не всѣ нощи пребывахъ безъ сна, храняще дѣль, пачежъ живота и чести своей;—егда жъ, яко рѣхъ, уразумѣлъ сіе яко царь ихъ, такъ и внѣ града бусурманскіе воеводове утруженіе войска нашего: тогда тѣмъ сильнѣе и частѣйше отовнѣ наѣзжали и изъ града исходили. Царь же нашъ со

всѣми сигклиты и стратилаты вниде въ совѣтъ о семъ, и совѣтъ въ конецъ добръ, благодати ради Божія, произведе: раздѣлити повелѣлъ войско все на двое; аки половину его подъ градомъ при дѣлахъ оставя, части же не малой здравія своего стрещи повелѣлъ, при шатрѣхъ своихъ; а тридесять тысящей конниковъ, устроя и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставя надъ каждымъ полкомъ по два, нѣгдѣ и по три стратилатовъ, храбрыхъ, въ богатырскихъ вещахъ свидѣтельствованныхъ, такожь и пѣшихъ, аки пятнадцать тысящей, изведе стрѣльцовъ и казаковъ, и тако же раздѣлиша на гуфы по устроеніямъ стратилатскимъ. Поставя надо всѣми ими гетмана великаго, княжа Суздальскаго, Александра, нарѣченнаго Горбатаго, мужа зѣло разумнаго и статечнаго и въ военныхъ вещахъ свидѣтельствованнаго, повѣлѣлъ ждати, закрывъ все войско христіанское за горами; егдажь изыдутъ бусурманы съ лѣсовъ, по обычаю своему, тогда повелѣно сразитися съ ними.

Во утріе же, аки на третьей годинѣ дня, изыдоша на великое поле, глаголемое Арское, отъ лѣсовъ полки бусурманскіе, и первѣе удариша на ротмистровъ, яже на стражехъ въ полцѣхъ стояша, коимъ было заповѣдано уступити имъ, уклоняющеса ажъ до шанцовъ; они же уповающе, аки боящеса, христіане побѣгоша, гнаша за ними. Егда же втиснула ихъ уже въ обозъ, тогда начаша подъ шанцами круги водити и гарцовати, стрѣляюще изъ луковъ, по подобію частаго дождя; овы же во устроенію мноземъ, по малу полки грядуще, конные и пѣшіе, аки уже христіанъ пожрети хотяще. Тогда убо, тогда, глаголю, изыдоша абіе гетманъ съ войскомъ христіанскимъ, тако же во устроенію мноземъ, и приближася со тцаніемъ ко сраженію. Видѣвше же бусурманы, и рады бы назадъ къ лѣсу, но не возмогаша: уже бо далеко отгѣхали отъ него на поле; но обаче, хотяще и нехотяще, дали битву и крѣпцѣ сразишася съ первыми полки. Егда же надспѣлъ великій полкъ, въ немъ же самъ бѣше гетманъ, такоже и пѣшіе полки приближашася, обходяще

*

ихъ, наипаче отъ лѣсу; тогда абіе въ бѣгство обратшася всѣ полки ихъ; христіанское же воинство гониша за ними, біюще ихъ, и яко на полдвѣ миля трупія бусурманскаго множество лежаше, и къ тому аки тысячу живыхъ поимаша. Тогда, за помощію Божию, таковую пресвѣтлую побѣду христіане надъ бусурманн одержаша.

Егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣлъ, предъ шанцы выведши, привязати ихъ къ колью, да во градѣ сущихъ своихъ молятъ и напоминають: да поддадутъ Казанское мѣсто цареви христіанскому; тако же и наши ѣздяще, напоминали ихъ, обѣщавающе имъ животъ и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ, отъ царя нашего; они же, сихъ словесъ выслухавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: „Лучше, рече, увидимъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ бусурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ гауры необрѣзанные!“ и инья словеса отрыгающе хульня, съ яростію многою, яко и всѣмъ намъ дивитися зряще.

И по семъ, аки по трехъ днехъ, повелѣлъ царь нашъ итти тому князати, Александру Суздальскому, съ тѣмъ же войскомъ на засѣку, яже были бусурманн сооружили стѣну, между великими блаты, на горѣ единой, аки двѣ мили отъ мѣста, идѣже паки, по разбѣжанію ономъ, собрашася множество ихъ, и умыслиша оттуду, аки изъ града единого выѣзжаючи, паки ударяти на войско христіанское. И къ тому еще, ко оному предреченному гетману придано другаго гетмана, а по ихъ, великаго воеводу съ полки его, именовъ князя Семена Микулинскаго, съ роду великихъ князатъ Тверскихъ, мужа храбраго и въ богатырскихъ вещахъ искуснаго; и дано имъ повелѣніе таково: аще бы имъ Богъ помогъ оную стѣну проломити, да идутъ всѣмъ войскомъ ажъ до Арскаго города, который лежитъ отъ Казани дванадцать миль великихъ. Егда же придоша ко оной стѣнѣ, опрошася бусурманн и начаша брѣнитися крѣпцѣ, аки на двѣ години

біющеса; потомъ, за Божією помощію, одолѣша ихъ наши, яко огненною стрѣльбою, такъ ручною, и побѣгоша бусурманы; нашижъ гонили ихъ. Егда же препроводишеса все войско великое за оную стѣну, и оттуду цареви нашему съ сеунчемъ послали; а тамо наше воинство объ ночь пребывало и обрѣтоша въ шатрѣхъ бусурманскихъ не мало корысти; и придоша, аки за два дни, до онаго предреченнаго града Арскаго и обрѣтоша его пусть покиненъ: отъ страха бо избѣжаша изъ него всѣ, страха ради, въ далечайшіе лѣсы. И плѣниша тамо въ землѣ оной аки десять дней: понеже въ землѣ той поля великія, и зѣло преизобильныя и гобзуюція на всякіе плоды; тако же и двory княжатъ ихъ и вельможей зѣло прекрасны и воистину удивленія достойны, и села часты. Хлѣбовъ же всякихъ такое тамъ множество, воистину вѣрѣ ко исповѣданію неподобно: аки бы на подобіе множества звѣздъ небесныхъ; такоже и скотовъ различныхъ стадъ безчисленныя множества, и корыстей драгоцѣнныхъ, наипаче отъ различныхъ звѣрей, въ той же землѣ бывающихъ: бо тамо родятся куны дорогія, и бѣлки и прочіе звѣріе ко одеждамъ и ко яденію потребныя; а мало за тѣмъ далѣй соболей множество, такожде и медовъ: не вѣмъ, гдѣ бы подѣ солнцемъ больше было. И по десяти дняхъ, со безчисленными корыстями и со множествомъ плѣну бусурманскихъ женъ и дѣтей, возвратишася къ намъ здраво, такоже и своихъ древле заведенныхъ многихъ отъ бусурманъ свободиша, отъ многолѣтныя работы. И бысть тогда въ воинствѣ христіанскомъ велія радость и благодареніе къ Богу воспѣваны, и такъ было таней въ войску нашемъ всякія живности, ижъ краву куповано за десять денегъ Московскихъ, а вола великаго за десять аспръ.

Скоро по возвращенію онаго войска потомъ, аки по четырехъ дняхъ, собралося Черемисы Луговыя не мало, и ударили на наши станы задніе, съ Галицкія дороги, и не мало стадъ коней нашихъ отгромили; мы же абіе послали въ погоню за ними трехъ ротмистровъ, и за ними другіе послоч-

ные полки во устроенію, засады ради; и угонено ихъ въ трехъ, або въ четырехъ миляхъ, и овыхъ избиша, другихъ живыхъ поимаша.

А если бы писалъ по ряду, яко тамо подъ градомъ, на каждый день, дѣялось, тогобъ цѣлая книга была; но вкратцѣ еще вспомянуги достоить, яко они на войско христіанское чары творили и великую пльвію наводили: яко скоро по obleжанію града, егда солнце начнетъ восходить, въздутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящися неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такой дождь, и сухія мѣста въ благо обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, не точію по естеству аера случашеся. Видѣвше же сіе, абіе совѣтоваша цареви послати по древо спасенное до Москвы, еже во крестѣ вдѣлано, который всегда при царскомъ вѣнцѣ лежитъ. И сбѣгано, за Божією помощію, зѣло скоро, водою до Новаграда Нижняго, аки въ три, або четыре дни, Вятскими, зѣло скоро плавающими кораблецы, а отъ Новаграда до Москвы пруткошественными подводами. Егда же привезенъ честный крестъ, въ немъ же частка вдѣлана спасеннаго древа, на немъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотию страдалъ за чловѣки; тогда презвитеры соборнѣ, со церемоніями христіанскими, обхожденія творяху, и по обычаю церковному освятиша имъ воды, и силою животворящаго креста абіе отъ того часа изчезоша и безъ вѣсти быша чары оные поганскіе.

И въ то же время у нихъ подкопомъ воду отнято, за двѣ, або за три недѣли до взятыя: бо ся тамо подъ вежу великую и подъ тайники подкопано, оттуды они на весь градъ воду брали, и пороховъ подставлено, аки двадесять бочекъ великихъ: башню и вырвало. И къ тому у насъ вежу надъ обычаи великую и высокую за двѣ недѣли урублено

потаенно, за полмили отъ града, и единныя нощи близу рва мѣскаго поставлено и на нее взношено стрѣльбы десять дѣлъ и пятьдесятъ гаковницъ; и зѣло великую шкоду въ мѣстѣ и во градѣ на всякій день чинено съ нея: бо до взятія градскаго, побито люду бусурманскаго военнаго, кромѣ женъ и дѣтей, близу десяти тысящей со всѣхъ странъ, изъ дѣлъ и на вытекахъ ихъ, изъ тое то вежи. А яко ее ставлено, и яковымъ обычаемъ инья различныя стѣнобитныя хитрости творено, сіе оставляю, краткости ради, исторіи: бо широкѣ въ лѣтописной Русской книгѣ о томъ писано. Только о взятіи града мало вспомняемъ, елико можемъ вспамятати, вкратцѣ опишемъ. Понеже не токмо Богъ разумъ и даръ духа храбрости тогда подавалъ, но явленія нѣкоторыя достойнымъ и чистыя совѣсти мужемъ, въ нощныхъ видѣніяхъ, изъявилъ о взятіи града бусурманскаго, къ сему подвижущее воинство, яко мню, отомщающе безчисленное и многолѣтное разліаніе крови христіанскія, а оставшихся еще тамо живыхъ избавляюще отъ многолѣтныя работы.

Егда же, по скончанію седми недѣль отъ облежанія града, заповѣдано намъ еще во дни, утренней зари ждати до востока солнца, и повелѣно готовитися со всѣхъ странъ ко штурму, и дано таково знаменіе: егда взорвутъ стѣну порохи, иже въ подкопѣ; бо было въ другій разъ подкопано и засажено 48 бочекъ пороху подъ стѣною мѣскою; и большую половину войска пѣшаго ко штурму послано; акижъ третина войска всего, або мало больше, на полю осташася, паче же стрегуще здравія царева. Мы же, по повелѣнному, рано къ сему уготовашася, аки за двѣ години еще до зари: бо азъ тогда посланъ быхъ къ нижайшимъ вратомъ, съ верху Казани рѣки, приступати, а со мною было дванадцать тысящей войска. Ото всѣхъ же четырехъ странъ тако же устроено пресильныхъ и храбрыхъ мужей, нѣкоторыхъ и съ большими почты. Царь же сіе Казанскій и сенаты его увѣдали о семъ, и такъ же на насъ уготовались, яко же и мы на нихъ.

Предъ самымъ же солнечнымъ восходомъ, або мало что уже нача солнцу являтися, взорвало подкопъ: войско же христіанское абіе ударило со всѣхъ странъ на мѣсто и градъ, по повелѣнію цареву. Да свидѣтельствуеть каждый о себѣ; азъ же что предъ очима тогда имѣхъ и дѣлахъ, повѣмъ истину вкратцѣ. Разрядихъ войско мое дванадесять тысящей подъ устроеніямъ стратилатовъ, потекохомъ ко градскимъ стѣнамъ и къ той великой башнѣ, яже предъ враты стояла на горѣ. Егда же еще быхомъ подалече отъ стѣнъ, ни изъ единыя ручницы, або стрѣлю, на насъ стрѣляно; егда уже близу быхомъ, тогда первѣе много огненный бой на насъ пуценъ съ стѣнъ и съ башень; тогда стрѣль густость такая, яко частость дождя; тогда каменія множество безчисленное, яко и воздуха не видѣти! Егдажъ близу стѣны подбихомся съ великою нуждою и бѣдою, тогда вары кипящими начаша на насъ лити и цѣлыми бревны метати. Всякожъ Божія помощь помогаше намъ тѣмъ, еже храбрость и крѣпость и за-памятованіе смерти дароваше, и вистину съ поощреніемъ сердца и съ радостію бишася съ бусурманы за православное христіанство; и аки бы за полгодавы отбиша ихъ отъ оконъ стрѣлами и ручницами. А къ тому и дѣла изъ за шанцовъ нашихъ помогаша намъ, стрѣляюще на нихъ: бо они явственно уже стояша на башнѣ оной великой и на стѣнахъ града, не хранящеся, яко прежде, но крѣпцѣ съ нами, и обличнѣ и вручъ біущесъ. И абіе могли бы ихъ избити; но много насъ ко штурму поидоша, а мало подъ стѣны градныя придоша: нѣкоторые возвращающесъ, множество лежаще и творящеся побиты и ранены.

За тѣмъ Богъ поможе намъ! Первый братъ мой роднѣй на стѣну града взыде по лѣствицѣ, и другіе войны храбрые съ нимъ; а овые, сѣкущесъ и колющесъ съ бусурманы, въ окна оныя великія башни влѣзше, а изъ башни сметавшись во врата великіе градныя; бусурманы же абіе тылъ подаша, стѣны градныя оставивъ, побѣгоша на великую гору, ко двору цареву: бо бѣ зѣло крѣпокъ, между палатъ и мечетей

каменныхъ, оплотомъ великимъ обточевъ. Мы же за ними ко двору цареву, аще и утружденны во зброяхъ, а многіе храбрые мужіе на тѣлесахъ раны уже имуще, и зѣло ихъ мало осталось біющихся съ ними. А войско наше, яже было отстало виѣ града, яко увидѣло, иже мы уже во градѣ, а Татаровя съ стѣнъ побѣгоша, во градъ ринулось, и лежаціе, глаголемые ранены, воскочиша и творящіеся мертвые воскресоша. И со всѣхъ странъ не токмо тѣ, но и со становъ, и кашевары, и яже были у конехъ оставлены, и друзіе, яже и съ куплею приѣхаша, всѣ сбѣгошася во градъ, не ратнаго ради дѣла, но на корысть многую: бо то мѣсто воистину полно было дражайшихъ корыстей, златомъ, и серебромъ, и каменіемъ драгоцѣннымъ, и собольми кипѣло и другими великими богатствы. Татаровяжъ запрошася съ нашу страну на царевѣ дворѣ, а дольную часть мѣста покинули, елико ихъ могло утеша; а съ другую сторону, яже съ Арскаго поля, откуда подкопъ взорвало, царь Казанскій съ дворомъ своимъ уступа, аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ рвѣ, (по нашему на купецкомъ), біющесь крѣпцѣ со христіяны: бо того мѣста двѣ части, аки на равнинѣ, на горѣ стоятъ; а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперегъ, аки въ половицу мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольной части мѣста, ровъ не малый. А мѣсто оно не мало: мало что отъ Виленскаго мнѣйше.

И бысть сея предреченныя битвы, аки на четыре години и вяще, памятамысь, ото всѣхъ странъ добыванно на стѣны и во градѣ сѣчи. И якъ видѣвше бусурманы, иже христіанскаго войска мало оставляетъ, мало не всѣ на корысти падоша: мнози, яко глаголють, по два кратъ и по три въ станы отхождаху съ корыстными и паки возвращахуся, храбрые же воины безпрестанни бьющесь; — видѣвше же сіе бусурманы, иже утрудилася уже воины храбрые, и пачаша крѣпцѣ налегати, ополчающесь на нихъ. Корыстовники же оны предреченные, егда увидѣли, что наши по нуждѣ уступаютъ по малу, бранящесь бусурманомъ, въ таковое абіе бѣгство вда-

шася, яко и во врата многіе не попали; но множайшіе и съ корыстями чрезъ стѣну метались, а инше и корысти повергоша, только вопіюще: *сткуть! сткуть!* Но за благодатію Божію, храбримъ сердець не сокрушили: бо и съ нашу сторону зѣло было тяжко отъ належанія бусурмановъ (въ то время, отнелѣже во градъ внидоша и изыдоша, въ моемъ полку девяносто и осмь храбрыхъ мужей убито, кромѣ раненыхъ); но обаче, благодати ради Божіей, устояхомъ на нашей сторонѣ сопротивъ ихъ не подвижны. Со оныя же предреченныя страны мало что поступаша, яко рекохомъ, великаго ради множества належанія ихъ, и даша о себѣ вѣдати цареву нашему и всѣмъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: и зѣло ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокрушися, уповая, иже все войско уже христіанское бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелѣша хоруговь великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ царскихъ, подвинуть, и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругови поставиша: понеже были нѣдци, между сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ. Полку же царскому великому, въ которомъ было вяще, нежели двадесять тысящей воиновъ избранныхъ, абіе повелѣно сойти съ коней, аки половинѣ; такожде не токмо дѣтемъ своимъ и сроднымъ повелѣша, но и самихъ ихъ половина шедши съ коней, потекоша во градъ, на помощь утружденнымъ онымъ воиномъ.

Егда же придоша во градъ внезапно такъ много воинства свѣжаго, въ пресвѣтлыя зброи оболченнаго, абіе царь Казанскій со всѣмъ воинствомъ начаша уступовати назадъ, обаче броняшася крѣпцѣ; наши же по нихъ неотступно крѣпцѣй находяще, сѣкущася съ ними. Егда уже погнаша ихъ ажъ до мечетей, яже близу царева двора стоятъ, абіе изыдоша во срѣтеніе нашихъ обазы ихъ, сеиты, моллы, предъ великимъ

бискупомъ ихъ, а по ихъ, съ великимъ анарый, або амиромъ, именемъ Кулшерифъ моллоу, и сразипась съ нашими такъ крѣпцѣ, ажъ до одинаго избиша ихъ. Царь же со всѣми остатными затворился во дворѣ своемъ, нача бронитися крѣпцѣ, аки еще на полторы години біющеса. Егда же видѣвъ, яко не возможе уже помощи себѣ, тогда на едину сторону отобраша женъ и дѣтей своихъ, въ прекрасныхъ и въ преиспешренныхъ одеждахъ, околько десять тысящей, и стаха на единой странѣ великаго предреченнаго двора царева, уповающе, иже прельстится войско христіанское на красоту ихъ и живити ихъ будетъ. Сами же Татарова со царемъ ихъ отобрашась во единъ уголь и умыслиша не датися живымъ въ руки, точію бы царя живаго соблюсти; и поидоша отъ царева двора на дольную сторону мѣста къ нижайшимъ вратамъ, идѣже азъ сопротивъ ихъ у царева двора стояхъ, и не осталось уже было со мною полтораста воиновъ, а ихъ еще было о десять тысящей; обаче, тѣсноты ради улицы, бронились есмь имъ, отходяще и опирающеса, крѣпцѣ. Наше же войско великое съ горы оныя егда потиснуша ихъ зѣло, паче же задній конецъ Татарскаго полку, сѣкуще и біюще; тогда едва съ великою нуждою, за Божією помощію, изыдохомъ изъ вратъ градскихъ. Наши же съ великія горы крѣпцѣ належаше, тиснуша ихъ, намъ же объ ону страну стоящимъ, во вратѣхъ біющеса, не пуцающе ихъ изъ града: уже бо намъ на помощь два полка христіанскіе приспѣша. Имъ же такъ тиснушась неволею, великаго ради належанія съ горы, иже съ вежею высокою равно, яже надо враты бяше, полно трупія ихъ лежаше; среднимъ же и заднимъ людемъ, ажъ по людемъ своимъ идуше на градъ и на вежу. Егда же возведоша царя своего на вежу, тогда начаша вопіяти, просяще малаго времени на розмову; мы же, мало утихився, послушавше прошенія ихъ. Онижъ абіе сиче рѣша, глаголюще: „Поки, рече, юртъ стояше и мѣсто главное, идѣже престоль царевъ былъ, потыяжъ до смерти броняхомся за царя и отечество; а нынѣ царя вамъ отдаемъ здрава: ведите его ко

царю своему! А остатокъ насъ исходитъ на широкое поле — испити съ вами послѣднюю чашу“. И отдаша намъ царя своего со единымъ карачемъ, что наибольшимъ ихъ, и со двѣма имилдеши. Царю ихъ было имя бусурманское Идигеръ, а князю оному Зеніешъ. И отдавъ намъ царя здрава, по насъ абіе стрѣляли, а мы по нихъ. И не поидоша на насъ во врата, но абіе поидоша съ стѣны просто чрезъ Казань рѣку, и хотяша пробитися, прямо противъ моего стану, на шанцы тѣми дирами, идѣже шесть дѣлъ великихъ стояло.

И абіе по нихъ ударено изо всѣхъ тѣхъ дѣлъ: онажъ воздвигаюшася оттуду и поидоша налѣво внизъ, подлѣ Казань рѣку, берегомъ, аки три перестрѣла лучныхъ, и по конецъ шанецъ нашихъ: тамо стаха и начаша легчитися и метати у себя зброи и розувати себя, ко бреденію рѣки: аще бо бѣ ихъ осталъ полкъ, аки шесть тысящей, або мало мнѣйше. Мы же, видѣвши сіе, мало насъ нѣчто добыша себѣ коней отъ своихъ становъ за рѣку; и такъ сѣдши на свои кони, устремишася скоро сопротивъ ихъ и заступиша имъ путь, имъ же хотяху пойти. И обрѣтоша еще ихъ не прешедшихъ чрезъ рѣку, и собрашася насъ сопротивъ ихъ мало что больше дву сотъ коней, бо зѣло скоро сіе случишася: понеже что остало войска и сколько, обѣ ону страну мѣста, при царѣ было, паче же мало не всѣ во градѣ уже. Абіежъ они пребредши рѣку (бо мелка была въ томъ мѣспу, по ихъ счастью), зжидатися начаша на самомъ брегѣ, оюлчаюшеся, готови суще къ сраженію, съ различными броньми, паче же мало не всѣ со стрѣлами, и уже на тетивахъ луковъ стрѣлы имуще. И абіе начаша мало отъ берегу подвигатися, учиня чело не малое, а за нимъ и всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо и долго, аки два стрѣлянія не малыя лучныхъ, по примѣтѣ. Христіанскагожъ войска множество безчисленное на стѣнѣ града, такоже съ палатъ царскихъ зрящимъ, а помощи намъ; стремнины для великія и зѣло прекрасныя горы, никако же возмогаша подати.

Мы же, отпустя ихъ мало что отъ брегу, бо еще самому концу остальному изъ рѣки не явившусь: тогда удариша на нихъ, хотяще ихъ прервати и устроенные полки ихъ расторгнути. Молюся, да не возмнитъ мя кто безумна, самъ себя хваляща! Правду воистину глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю; къ тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ. И всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ онъ бусурманскій, и памятаю то, иже сѣкущесь, три разы въ нихъ конь мой оперся; и въ четвертый разъ зѣло рапенъ повалился въ срединѣ ихъ со мною, и уже отъ великихъ ранъ не памятаю вяще. Очнувшеса уже потомъ, аки по малѣ годинѣ, видѣхъ, аки падъ мертвецомъ плачущихъ и рыдающихъ, двѣма слугамъ моимъ надо мною стоящимъ, и другимъ двѣма воиномъ царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна, а животь цѣль: понеже на мѣ зброяка была праотеческая, зѣло крѣпка, паче же благодать Христа моего такъ благоволила, пже ангеломъ своимъ заповѣдалъ сохранить мя недостойнаго во всѣхъ путехъ. Послѣди же, потомъ уже, увѣдахъ, иже тѣ всѣ благородные, ихъ же уже собралось было, аки со триста, иже общались и устремитись со мною вкупѣ и на нихъ ударити, да поглядѣли возлѣ полка ихъ, не сразився съ ними: подобно для того, иже преднихъ ихъ нѣкоторыхъ зѣло поранили, близу себя припусти ихъ, или негли убояшася толщи ради полку; возвратився паки, сзади онаго бусурманскаго полку сѣщи начаша, наѣзжаючи и топчючи ихъ. Чело же ихъ иде невозбранно, чрезъ широкій лугъ, къ великому блату, идѣже конемъ не возможно, а тамо уже, за блатомъ, великій лѣсъ.

Потомъ, глаголють, приспѣлъ онъ, мой братъ предреченный, иже первѣе на стѣну градскую възде: аки бы среди онаго лугу еще засталъ ихъ, и въ самое чело ихъ зѣло быстро, всѣми уздами распустя коня, вразився въ нихъ, такъ мужественно, такъ храбро, иже вѣрѣ неподобно, яко всѣмъ свидѣтельствовати: аки два кратъ проѣхалъ посреди ихъ,

сѣкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. Егда же въ третій разъ вразился въ нихъ, поможе ему нѣкоторый благородный воинъ, помогающе ему, вкупѣ бьюще бусурмановъ, всѣмъ же со града зрящимъ и дивящимся; которые же не вѣдяще о царевѣ отданію, мняше царя Казанскаго между ихъ ѣздяща. И такъ его уранили, иже по пяти стрѣлъ въ ногахъ ему было, кромѣ иныхъ ранъ; но животъ сохраненъ былъ Божією благодатію: понеже зброю на себѣ зѣло крѣпку имѣлъ. И такого былъ мужественнаго сердца, егда уже того коня подъ нимъ ураниша такъ, иже съ мѣста не може двинутися, другаго коня обрѣлъ, просто водяща у единаго дворянина царева брата, и испрося его, и забывши, паче же нерадящи такъ о прелютыхъ своихъ ранѣхъ, угонивъ паки полкъ бусурманскій, сѣкуще ихъ со другими войны, ажъ до самаго блата. И воистину имѣлъ таковаго брата храбра, и мужественна, и добронравна, и къ тому зѣло разумна, иже во всемъ войску христіанскомъ не обрѣташеса храбрѣйшій и лучшій, паче его; аще бы обрѣлся кто, Господи Боже! да таковъ же бы былъ! Паче же мнѣ зѣло былъ превозлюбленъ, и воистину мѣлъ бы за него душу свою положити и животомъ своимъ здравіе его откупити: понеже умре потомъ, на другое лѣто подобно, отъ тѣхъ лютыхъ ранъ. — Сіе конецъ краткаго писанія о Казанскаго великаго града бусурманскаго взятію.

Г Л А В А III.

БЕСѢДА ЦАРЯ СЪ ВАССИАНОМЪ.

1553.

Слово царя воеводамъ. Совѣтъ бояръ и шурьевъ царскихъ. Возвращеніе въ Москву. Рожденіе царевича Димитрія. Болѣзнь Іоанна. Путешествіе въ Кирилловъ монастырь. Свиданіе съ Максимомъ Грекомъ. Совѣтъ его и предсказаніе. Бесѣда царя съ Вассіаномъ Топорковымъ. Смерть царевича Димитрія. Волненіе Казанцевъ. Курбскій усмиряетъ ихъ. Плѣнъ Ячюра

и многихъ мурзъ. Нашествіе хана Крымскаго. Благоразуміе Шереметева. Безразсудность царскихъ сановниковъ. Пораженіе Россіянъ Татарами. Новое волненіе Казанцевъ. Бунтъ и усмиреніе Луговой Черемисы.

По оной же преславной побѣдѣ, аки бы на третій день, царь нашъ отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, вмѣсто благодаренія, воеводамъ и всему воинству своему; на одинаго разгнѣвався, таковое слово рекъ: „Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ!“ Аки бы рекль: „не возмоглъ есмь васъ мучити, поки Казань стояла сама въ собѣ: бо ми естя потребны были всячески; а нынѣ уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывати“. О слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О наполненіе мѣры кровопійства отческаго! Паче къ намъ, христіаномъ, достойно рещи отъ всего сердца человѣкови сиде-вое слово, между благодарными глаголы къ Богу всемогущему: „Благодарю тя, Господи! иже нынѣ оборонилъ еси насъ отъ враговъ нашихъ!“ Пріявши же сатана человѣческой скверный языкъ, яко орудіе, сице похвалися губити роды христіанскіе со своимъ стайникомъ, аки бы мстяще христіанскому воинству, иже воиновъ его, скверныхъ измаильтянъ, мужествомъ храбрости своей, Богу имъ помогающу, побили!

Царь же вниде въ совѣтъ о устроенію града нововзятаго: и совѣтоваше ему всѣ мудрыя и разумныя, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество съ Русскія земли галіями напривожено, яко же и въ той землѣ безчисленное богатство всякихъ достатковъ, и до конца выгубилъ бы воинство бусурманское и царство оное себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки; бо кромѣ Татарска языка, въ томъ царствѣ 5 различныхъ языковъ: Мордовскій, Чувашскій, Черемисскій, Воитецкій, або Арскій, пятый Башкирскій (тѣ живутъ Башкирцы вверхъ великія рѣки Камы, въ лѣсѣхъ, яже въ Волгу впадаетъ, ниже Казани дванадесять миль). Онъ же совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко ца-

рицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами.

Онъ же, стоявъ недѣлю, и оставя часть воинства въ мѣстѣ, и огненные стрѣльбы съ потребу, и сѣдши въ суды, ѣхалъ къ Новгороду Нижнему, еже есть крайнее мѣсто великое Русское, которое лежитъ отъ Казани шестьдесятъ миль; а кони наши всѣ послалъ не тою доброю дорогою, ея же самъ шелъ къ Казани, но водлѣ Волгу, зѣло претрудными стезями, по великимъ горамъ лежащими, на нихъ же Чувашскій языкъ обитаетъ: и того ради погубилъ у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двѣсти коней, едва два або три вышли. Се сія первая дума челоукоугоднича! Егдажъ пріѣхавъ въ Новгородъ Нижній, и пребывалъ тамо три дни и распустилъ по домамъ воинство все; самъ же пустился на подводахъ сто миль до главнаго мѣста своего, Москвы: бо уродился ему былъ тогда сынъ Дмитрій, его жъ своимъ безуміемъ погубилъ, яко напереді вкратцѣ о семъ повѣмъ. Пріѣхавъ же до Москвы, аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже никтоже уже ему жити надѣялся. Не по малыхъ дняхъ, по малу оздравляти почалъ.

Егдажъ уже оздравѣвъ, общался, скоро по недузѣ ономъ, и умыслилъ ѣхати сто миль отъ Москвы до единого монастыря, глаголемаго Кириллова. Послѣжъ великаго дня воскресенія Христова, аки на третьей или на четвертой недѣлѣ, поѣхалъ первѣе въ монастырь Троицы живоначальныя, глаголемый Сергіевъ, иже лежитъ отъ Москвы дванадесять миль, на великой дорожѣ, которая идетъ къ Студеному морю. Поѣхалъ же не одинъ, но со царицею своею и съ новорожденнымъ отрочатемъ, на такъ долгій путь, и пребылъ въ Сергіевѣ монастырѣ аки три дни, опочиваючи себѣ: бо еще былъ не зѣло оздравѣлъ. А въ томъ тогда монастырѣ обиталъ Максимъ преподобный, мнихъ святыя горы Аѳонскія Ватопеда монастыря, Грекъ родомъ, мужъ зѣло мудрый, и не токмо въ риторскомъ искусствѣ многъ, но и философъ иску-

сень, и ужъ въ лѣтѣхъ превосходныя старости умачень, и по Бозѣ въ терпѣннѣ исповѣдалческомъ украшенъ: много бо претерпѣлъ отъ отца его многолѣтнихъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ, и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даниїла митрополита, прегордаго и лютаго, и ото вселукавыхъ мнховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ; а онъ былъ его изъ заточенія свободилъ, по совѣту нѣкоторыхъ сигклитовъ своихъ, исповѣдающихъ ему, иже отнюдь неповиннѣ страждетъ таковнй блаженный мужъ. Той предреченнй мнихъ Максимъ началъ совѣтовати ему, да не ѣдетъ на такъ далекий путь, наипачежъ со женою и съ новорожденнымъ отрочатемъ.

„Аще, рече, и обѣщался еси тамо ѣхати, подвижуще „святаго Кирилла на молитву ко Богу; но обѣты таковыя съ „разумомъ не согласуютъ, а то сего ради: егда доставалъ еси „такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и „воинства христіанскаго храбраго тамо не мало отъ погановъ „падоша, яже брашася съ ними крѣпцѣ по Бозѣ за право- „славіе, и тѣхъ избіенныхъ жены и дѣти осиротѣли и ма- „тери обезчадѣли, во слезахъ многихъ и въ скорбѣхъ пре- „бываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тебѣ пожаловати и „устроить, утѣшающе ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, „собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели „тѣ обѣщанія не по разуму исполняти. А Богъ, рече, вездѣ „снй, все исполняетъ и всюды зрѣтъ недреманнымъ своимъ „окомъ, яко пророкъ рече: *сей не воздремлетъ, ни уснетъ,* „*храняще Израїля;* а другій пророкъ: *у негоже,* рече, *очи* „*седьмь кратъ солнца свѣтлѣйши.* Тѣмъ же не токмо свя- „тый Кириллъ духомъ, но и всѣ первородныхъ праведныхъ „духи написанныя на небесѣхъ, иже предстоятъ нинѣ у „престола Господня, имущи очи духовныя острозрительнѣй- „ши, паче съ высоты, нежели богатнй во адѣ, и моляся „Христу за всѣхъ челоуѣковъ на земномъ кругу обитающихъ, „паче же за кающихся грѣховъ и волею обращающихся

„отъ беззаконій своихъ ко Богу: понеже Богъ и святые его „не по мѣсту объятія молитвамъ нашимъ внимають, но „по доброй волѣ нашей и по самовластію. И аще, рече, по „слушаеши мене, здравъ будеши и многолѣтенъ, со женою „и отрочатемъ.“ И иными словесы множайшими наказуя его, воистину сладчайшими паче меда, каплющаго ото устъ его преподобныхъ.

Онъ же, яко гордый человекъ упрямясь, толико *пхати*, да *пхати*, рече, ко святому *Кириллу*; къ тому ласкающе его и поджигающе міролюбцомъ и любоименнымъ мнихомъ и похваляюще умиленіе цареву, аки богоугодное общаніе: бо тѣ мнихи богатолюбны не зрятъ богоугоднаго, а ни со-вѣтуютъ по разуму духовному, чему были должны суще паче въ мірѣ живущихъ человекъ, но всячески со прилежаніемъ слушають, что бы угодно было царю и властемъ, сіе рѣчь, чѣмъ бы выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое, и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся.... Прочее же умолчимъ, да не речемъ чего горшаго и сквернѣйшаго, и ко предреченнымъ возвратимся, о ономъ добромъ совѣтѣ глаголюще. Егда же видѣвъ преподобный Максимъ, иже презрѣлъ его совѣтъ и ко ѣханію безгодному устремился царь, исполнився духа пророческаго, началъ про-рицать ему: „Аще, „рече, не послушаеши мене, по Бозѣ „совѣтающаго ти, и забудеши крови оныхъ мучениковъ, из-„біенныхъ отъ погановъ за правовѣріе, и презриши слезы „сиротъ оныхъ и вдовиць, и поѣдеши съ упрямствомъ: „вѣдай о семъ, иже сынъ твой умретъ и не возвратится „оттуды живъ; аще послушаеши и возвратишися, здравъ „будеши, яко самъ, такъ и сынъ твой.“ И сіи словесы прика-залъ ему четырема нами: первый исповѣдникъ его, презви-теръ Андрей Протопоповъ, другій Іоаннъ княжа Мстиславскій, а третій Алексѣй Адашевъ, ложничій его, четвертымъ мною; и тѣ слова слышавъ отъ святаго, исповѣдахомъ ему по ряду; онъ же не радяще о семъ, и поѣхалъ оттуды до града, глаголемаго Дмитрова, и оттуды до монастыря единаго, речен-

наго на Песочнѣ, иже лежить при рѣцѣ Яхромѣ; туто имѣлъ суды уготованы ко плаванію.

Ту ми зри со прилежаніемъ, что врагъ нашъ непримирительный, діаволъ, умышляетъ и къ чему челоуѣка окаянаго приводитъ и на что подвижетъ, влагающе ему аки благочестіе ложное и обѣщаніе къ Богу сопротивное разуму! И аки бы стрѣлою по примѣтѣ, царемъ стрѣлилъ до того монастыря, идѣже епископъ, уже престарѣвшійся во днехъ многѣхъ, пребывалъ: прежде былъ мнихъ отъ Осифлянскія оныя лукавыя четы, иже былъ великій похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордымъ и проклятымъ Даниломъ митрополитомъ, предреченныхъ оныхъ мужей многими лжешпиваньми оклеветаша и великое гоненіе на нихъ воздвигаша. Той-то митрополитъ Силвана преподобнаго, Максимова ученика, обоего любомудрія, внѣшняго и духовнаго, искусства мужа, во своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ; и скоро по смерти князя великаго Василія, яко митрополита Московскаго, такъ того Коломенскаго епископа, не токмо по совѣту всѣхъ сигелитовъ, но и всенародѣ, изгнано отъ престоловъ ихъ, явственныя ради злости.

Что же тогда приключишася? Таково то воистинну: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: „Како бы моглъ добрѣ царствовать и „великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“ И подобало рещи ему: самому царю достойтъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достояло епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ, и таково слово реклъ: „Аще хочещи самодержцемъ быти, не „держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя: понеже

*

„самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и „все имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣти „мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ.“ И сиче соплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловаль и рече: „О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, „таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!“

Ту ми размотри прилежно, яко согласуетъ древній гласъ отецъ съ новымъ гласомъ сына! Искони отецъ, прежде бывшій Фосфорось, глаголють, видѣвъ себя пресвѣтла и сильна и надо многими полками ангельскими чиновачальникомъ отъ Бога постановленна, и забывъ, иже сотвореніе есть, рече себѣ: „Погублю землю и море и поставлю престолъ мой выше „облакъ небесныхъ и буду равенъ Превышнему;“ аки бы рекль: „и могу сопротивиться ему;“ и абіе денница низпаде восходящая заутра, и низпаде ажъ въ преисподнюю: возгордѣвъ бо и не сохранивъ своего чина, яко писано есть: „и „отъ Фосфора Сатана нареченъ,“ сирѣчь отступникъ. И сынъ гласъ подобенъ провѣщаль, паче же онъ самъ точію дѣйствовалъ устами престарѣвшимися старца, и рече: „ты лучше „всѣхъ, и недостойтъ ти никого имѣти мудраго,“ аки бы рекль: „понеже еси Богу равенъ.“

О гласъ воистинну діаволій! всякія злости и презорства и забвенія преполонъ! Забылъ ли еси, епископе! во второмъ царствѣ реченнаго? Егда совѣтоваль Давидъ со сиклиты своими, хотяще считати людей Израильскихъ, яко речено: *совѣтоваша ему всѣ сиклитове, да не сосчитаетъ, понеже умножилъ Господь людъ Израилевъ, по обѣщанію своему ко Аврааму, аки песокъ морской, и превозможе,* рече, глаголь *царевъ:* сирѣчь не послушалъ совѣтниковъ своихъ и повелѣлъ считати людъ, дани ради большія. Забылъ ли еси, что принесло непослушаніе сиклитскаго совѣта, и яковую бѣду навелъ Богъ сего ради? Мало весь Израиль не погибе, аще бы царь покаянiемъ и слезами многими не предварилъ. Запомнилъ ли еси, что гордость и совѣтъ юныхъ, а презрѣніе старѣйшихъ совѣту, Ровоаму безумному принесло? И инья

всѣ безчисленныя во священныхъ писаніяхъ о семъ учащія оставя, вмѣсто тѣхъ шептаній, пребеззаконный глаголь царю христіанскому, поканіемъ очищену сущу, во уши всѣяль еси. Подобно лѣнился еси прочести златыми усты вѣщающаго о семъ въ словѣ о Духу святомъ, ему же начало: *Вчера отъ насъ любимицы*; такоже и во другомъ словѣ, въ послѣдней похвалѣ о святомъ Павлѣ, сирѣчь во 9-й, емужь начало: *Обличили насъ друзи нѣкоторые*, яко онъ похваляетъ нарицающе даръ духа совѣтъ отъ Бога данный, идѣже въ нихъ разсуждаетъ о различныхъ дарованіяхъ духа, яко мертвыхъ воскрешати и предивныя чудеса творити и различными языки глаголати, дары духа нарицаетъ, такожь и совѣтовати полезныя на прибыль царства, даръ совѣта нарицаетъ, и свидѣтельство на то приводитъ не худаго мужа, ни незнаемаго, но самого славнаго Мойсея, со Богомъ бесѣдовавшаго, моря раздѣлителя, и Фараонова бога и пресильныхъ Амалехитовъ потребителя, и предивныхъ чудесъ дѣлателя, а дара совѣта неимѣюща, яко писано: *но принималъ*, рече, *совѣтъ окромнаго*, сирѣчь отъ чужеземца алибо отъ страннаго чело-вѣка, отъ тестя своего; *и не токмо*, рече, *Богъ совѣтъ Рагуила тестя его похвалилъ*, но *и въ законъ написалъ*, яко пространнѣе въ предреченныхъ его словесахъ зрится. Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ чело-вѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству виѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зрять Богъ на мугутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ. Ты же все сіе забылъ! Отрыгнулъ же еси вмѣсто благоуханія смрадь! И еще къ тому, что запамяталъ еси или не вѣси, иже всѣ безсловесныя душевнымъ естествомъ несутся, або принуждаются и чувствомъ правятся; а словесныя не токмо чело-вѣцы плотныя, но и самыя безтѣлесныя силы, сирѣчь святые ангели, совѣтомъ и разумомъ управляются? яко Діонисій

Ареопагитъ и другій великій учитель пишутъ о семъ. А что древнихъ оныхъ блаженныхъ ликъ исчислялъ бы? Иже всѣмъ еще тамо во устѣхъ обносится, о томъ мало достойтъ воспомянути, сирѣчь дѣда того царя, Іоанна князя великаго, такъ далече границы свои разширивша, и къ тому еще дивнѣйшаго, у негожъ въ неволѣ былъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ, не кровопійства ради своего и любимаго для грабленія: не буди, но воистинну многого его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сиклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многого совѣта. Тыжь, аки сопротивъ всѣхъ оныхъ, не токмо древнихъ оныхъ великихъ святыхъ предреченныхъ, но и новаго того славнаго вашего сопротивъ сталъ: понеже всѣ тѣ согласнѣ вѣщаютъ: *любай совѣтъ, любить свою душу*; а ты рече: „не держи совѣтниковъ мудрѣйшихъ себя!“

О сыне діаволъ! прочто человѣческаго естества, вкратцѣ рещи, жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ нея же во всей Святорусской землѣ таковъ пожаръ лють возгорѣлся, о немъ же свидѣтельствовать словеси мноу непотреба? Понеже дѣломъ сія прелютѣйшая злость произвелася, якова никогда же въ нашемъ языкѣ бывала, отъ тебя бѣды начало пріемше, яко напереді нами плодъ твоихъ прелютыхъ дѣлъ вкратцѣ изъявится. Воистинну мало по нареченію твоему и дѣло твое показася: бо нареченіе ти *Топоркозь*; а ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкеркою: воистинну великою и широкою, и самымъ оскордомъ благородныхъ и славныхъ мужей во великой Руси постиналъ еси. Къ тому яко многое воинство, такъ безчисленное множество всенародныхъ человѣковъ ни отъ кого прежде, по добромъ покаянію своему, только отъ тебя Васьяна Топоркова царь будучи прелютостію наквашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смертьми погубилъ. И сіе оставя, до предреченныхъ возвратимся.

Напившись царь христіанскій отъ православнаго епископа таковаго смертоноснаго яду, поплылъ въ путь свой Яхромоу рѣкою, ажъ до Волги, Волгоюжъ плылъ колько десять миль, до Шексны рѣки великія, и Шексною вверхъ ажъ до озера великаго Бѣлаго, на немъ же мѣсто и градъ стоитъ; и не доѣзжаячи монастыря Кириллова, еще Шексною рѣкою плывучи, сынъ ему, по пророчеству святаго, умре. Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа! Се полученіе мзды за обѣщанія не по разуму, пачеже не богоугодныя!... И отгуду пріѣхалъ до онаго Кириллова монастыря въ печали мнозѣ и въ тузѣ, и возвратился тощима руками во мнозѣй скорби до Москвы.

Къ тому и то достойтъ вкратцѣ вспомянуги, перваго ради презрѣнія совѣта добраго, яже еще въ Казани будуще, совѣтовали ему сиклитове не исходити отгуды, дондеже до конца искоренить отъ земли оныя бусурманскихъ властелей, яко прежде написахомъ,—чтожъ, смиряюще его гордость, попускаетъ Богъ? Паки ополчаются противъ его оставшіе князя Казанскіе, вкупѣ со предреченными прочими языки поганскими, и воюють зѣльнѣ, не токмо на градъ Казанскій приходяще съ великихъ лѣсовъ, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижнаго наѣзжаютъ и плѣнятъ. Того было безпрестаннѣ, аки шесть лѣтъ послѣ взятія мѣста Казанскаго, иже въ оной землѣ грады новопоставленные, нѣкоторежежъ и въ Русской землѣ, во осадѣ были отъ нихъ. И свели тогда битву съ гетманомъ его, мужемъ нарочитымъ, ему же имя было Борисъ Морозовъ, глаголемый Салтыковъ: и падоша полки христіанскіе отъ погановъ; и самъ же гетманъ пойманъ, и держаша его жива, аки два лѣта, и потомъ убиша его, не хотѣша его же а ни на окупъ, а ни на отмѣну своихъ дати. И въ туя шесть лѣтъ битвы многія быша съ ними и воеванія; и толикое множество въ то время погибе войска христіанскаго, біющеса и воющеса съ ними безпрестанно, иже вѣрѣ неподобно.

И по шестомъ лѣтѣ собра войска не мало царь нашъ, вяще, нежели тридесять тысящей, и поставилъ надъ ними воеводъ трехъ: Иоанна Шереметева, мужа зѣло мудраго и острозрительнаго и со младости своея въ богатырскихъ вещахъ искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня; и съ нами немало стратилатовъ, свѣтлыхъ, и храбрыхъ и великородныхъ мужей. Мы же пришедше въ Казань и, опочинувшу мало воинству, поидохомъ въ предѣлы оныя далеко, идѣже князіе Казанскіе съ воинствы бусурманскими и другими поганскими ополчались, и было ихъ во ополченію вяще, нежели пятьнадесять тысящей, и поставляху битвы съ нами и со предними полки нашими; сражашася мало не двадесять кратъ, памятамыя: бо имъ удобно бываше, яко знаемымъ во своей ихъ землѣ, пачеже съ лѣсовъ приходяху, сопротивляющижеся намъ крѣпцѣ; и вездѣ, за богатію Божію, поражаемы были отъ христіанъ. И къ тому погодно время Богъ далъ намъ на нихъ: понеже зѣло въ тую зиму снѣги были великіе безъ сереновъ, и того ради мало что ихъ осталось: понеже хождаху за ними мѣсяць цѣлный, а предніе полки наши гоняху за ними ажъ за Уржумъ и Мешь рѣку за лѣсы великіе, и оттуду ажъ до Башкирска языка, иже по Камѣ рѣкѣ вверхъ ко Сибири протяжается; и что ихъ было осталось, тѣ покоришася намъ. И воистину: было, что писати по ряду о оныхъ сраженіяхъ съ бусурманами; да краткости ради оставляется: бо тогда больше десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихомъ со атаманы ихъ; тогда же славныхъ кровопивцевъ христіанскихъ, Янчюру Измаильянина и Алеку Черемисина, и другихъ князей ихъ немало погубихомъ. И возвратихомся, за Божію богатію, во отечество со пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстями; и оттуду начала усмиратися и покорятися Казанская земля царви нашему.

И потомъ, того же лѣта, пріиде вѣсть ко царю нашему иже царь Перекопскій, со всѣми силами своими препроводясь чрезъ проливы морскіе, пошелъ воевати землю Черкасовъ Пя-

тигорскихъ; и сего ради послалъ царь нашъ войска на Перекопъ аки тринадцать тысящей, надъ ними же поставилъ гетманомъ Іоанна Шереметева и другихъ съ нимъ стратилатовъ. Егда же наши пойдоша чрезъ поле великое, къ Перекопи дорогою лежащею, глаголемою на Изюмъ-курганъ, царемъ же бусурманскимъ яко есть обычай издавна инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять, сирѣчь на иную страну славу пустятъ, аки бы хотящи воевати, а инуды пойдуть, и возвративши войска отъ Черкасскія земли, поиде на Русь дорогою, глаголемою на Великій перевозъ, отъ тое дороги, яже лежитъ на Изюмъ-курганъ, аки день ѣзду конемъ, п не вѣдаше о христіанскомъ войску. Іоаннъ же, яко мужъ разумный, имяше стражу со обохъ боковъ зѣло прилежную и подѣзды подѣ шляхи, и увѣдавшѣ о царевѣ хожденіи на Русскую землю, и абіе послалъ вѣсть ко царю нашему до Москвы, иже грядетъ недругъ его на него въ силѣ тяжстѣй, а самъ зайде ему созади, хотяще на него ударити въ то время, егдаже въ Русской землѣ войска распустилъ. Потомъ, увѣдавшѣ о кошѣ царя Перекопскаго, послалъ на него аки третину войска, бо отъ шляху былъ, имъ же Іоаннъ идяще, аки полднища въ странѣ: бо обычай есть всегда Перекопскаго царя днищъ за пять, або за шесть, оставляти половину коней всего воинства своего, пригоды ради.

Писари же наши Русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣрить, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творить вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему, *хотяще единъ веселитися на землѣ*, — чтожь тые сотворили писари? То воистину: что было таити, сіе всѣмъ велегласно проповѣдали. „Се! рекше, изчезнетъ убо царь Перекопскій со всѣми силами своими! Царь нашъ грядетъ со множествомъ воинства противъ его, а Іоаннъ Шереметевъ надъ главою его идетъ за хребтомъ“. И то во всѣхъ украинъ написали проповѣдающе; царь же Перекопскій, до самыхъ Русскихъ предѣловъ пришедши, ни о чемъ же не

вѣдѣше; но такъ было Богъ даль, иже ни единого челоуѣка не возможе нигдѣ обрѣсти, и о томъ зѣло тружашеся, тамо и овамо по странамъ ищуще языка; послѣди же, по несчастію, найде дву: единъ же ему вся по ряду исповѣда, муки не претерпѣвъ, яже написали мудрые наши писари. И первѣе тогда, глаголютъ, во велицемъ ужасѣ былъ и въ недоумѣніи со всѣми своими, и абіе возвратился шляхомъ своимъ къ ордѣ. И по дву дняхъ встрѣтился съ войскомъ нашимъ, и то не со всѣмъ: понеже еще не пришла была она предреченная часть войска, яже на кошъ была послана; и сподошася оба войска о полудня въ среду, и битва пребывала ажъ до самыя нощи. И такъ было перваго дня посчастлилъ Богъ надъ бусурманы, иже множество побито ихъ; во христіанскомъ же войску зѣло мало шкоды быша. И по излишнему смѣлству, вразишася нѣкоторые наши въ полки бусурманскіе, и убитъ единъ зачнаго отца сынъ, и два шляхтича изымано живы, и отъ Татаръ приведено ихъ предъ царя. Царь же нача со прещеніемъ и муками пытати ихъ; единъ же повѣдалъ ему то, яко достояло храброму воину и благородному; а другій, безумный, утрашился мукъ, повѣдалъ ему по ряду: „иже, рече, малый людъ, и того вѣще четвертая часть на кошъ твой послано“.

Царь же Татарскій аще и хотяше пощю тою отоити и бѣжати въ орду: зѣло бо бояшеся сзади войска христіанскаго и самого князя великаго; но онъ его, предреченный безумникъ, во всемъ утвердилъ; и сего ради задержался. На утрожъ, въ четвергъ, дню свѣтающу, паки битва начася, и пребывала ажъ до полудня: такъ бишася крѣпцѣ и мужественнѣ тѣми малыми людьми, иже всѣ были полки Татарскіе разогнали. Царь же единъ остался между янычары: бо было съ нимъ аки тысяща съ ручницами и дѣлъ не мало. И по грѣхомъ нашимъ, въ томъ часу самъ гетманъ воинства христіанскаго зѣлнѣ раненъ, и къ тому конь застрѣлиша подъ нимъ, иже еще къ тому сбилъ его съ себя (яко обычай раненнымъ конемъ), и оброниша его храбрые воины нѣкоторые

едва жива и напоцъ мертва; Татаровяжъ, видѣвше царя своего между янычары при дѣлѣхъ, паки обратшася; а нашимъ уже справа безъ гетмана помѣшалась: аще и были другіе воеводы, но не были такъ храбры и исправны. Потомъ еще трвала битва мало не на двѣ години, яко глаголютъ пословицу: „аще бы и львовъ стадо было, безъ добраго пастыря неспорно“. И большую половину войска христіанскаго разогнаша Татаровя, овыхъ побиа, храбрыхъ же мужей не мало и живыхъ поймано; а другая часть, аки двѣ тысящи и вяще, въ байраку единомъ обѣкопашь: къ нимъ же царь со всѣмъ войскомъ своимъ три краты тогожъ дни приступалъ, добывающе ихъ, и отбшась отъ него, и поиде отъ нихъ предъ солнечнымъ заходомъ со великою тщетою. Поиде же скоро ко ордѣ своей: бояшебоя сзади нашего войска за собою. И пріѣхаша тѣ всѣ стратилати съ воями здравы ко царю нашему.

Царь же нашъ, егда о пораженіи своихъ не вѣдѣше, скоро шель и со великимъ потщаніемъ сопротивъ царю Перекопскому: ибо егда пришелъ отъ Москвы ко Оку рѣкѣ, не сталъ тамо, идѣже обычай бывалъ издавна застановлятися христіанскому войску противъ царей Татарскихъ; но превезшеся за великую Оку рѣку, пошелъ оттуду къ мѣсту Тулѣ, хотяще съ нимъ битву великую свести. Егдажъ аки половину отъиде отъ Оки до Тулы, приде къ нему вѣсть, иже поражено войско христіанское отъ царя Перекопскаго; потомъ, аки по годинѣ, раненые наши воины нѣцны усрѣтошася. Царевичъ нашему и многимъ совѣтникомъ его абіе мысль отиѣнишась, и начаша инако совѣтовать ему, сирѣчь: да идетъ паки за Оку, а оттуды къ Москвѣ. Нѣцны мужественнѣйшіе укрѣпляюще его и глаголюще: „да не дастъ хребта врагу своему и да не посрамить прежнія славы своя добрыя и лицъ всѣхъ храбрыхъ своихъ, и да градеть мужественнѣ сопротивъ врага креста Христова“. И рече: „аще онъ и выигралъ, за грѣхи христіанскіе, битву, но обаче уже утруджено войско имѣеть, такоже множество раненыхъ и побитыхъ: бо брань крѣпкая съ на-

шими пребывала два дни“. И сице ему добрый и полезный совѣтъ подающе: понеже еще того невѣдающе, иже царь пошелъ уже къ ордѣ, но чающе его, что часъ, пришествія. Царь же нашъ абіе совѣта храбрыхъ послушавъ, и совѣтъ страшливыхъ отвергъ, иде къ Тулѣ мѣсту, хотяще сразитися съ бусурманы за православное христіанство. Се таковъ нашъ царь былъ, пока любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ, а не презлыхъ ласкателей, надъ нихъ же губительнѣйшаго и горшаго во царствѣ ничтожъ можетъ быти!

Егдажъ пріѣхаль на Тулу, тогда съѣхашася къ нему немало разогнаннаго войска, и оныя предреченныя пріѣхали со своими стратилаты, яже отъ царя отбихася, аки двѣ тысящи ихъ, и повѣдаша: „уже, аки третій день, царь поиде къ ордѣ“. Потомъ паки, акибы въ покаяніе вниде, и не мало лѣтъ царствовалъ добрѣ: ужаснулся бо о наказаніяхъ оныхъ отъ Бога, ово Перекопскимъ царемъ, ово Казанскимъ возмущеніемъ, о нихъ же мало предъ тѣмъ рекохъ: понеже такъ уже, глаголють, было отъ тѣхъ Казанцевъ изнемогло воинство христіанское и въ нищету пришло, иже уже у множайшихъ насъ и послѣднихъ стяжаній не стало; къ тому болѣзни различныя и моры частыя бывали тамо, яко многимъ уже совѣтовати со вопіаніемъ, да покинетъ мѣсто Казанское и градъ, и воинство христіанское сведеть оттуду; а рада то была богатыхъ и лѣнливыхъ мниховъ и мірскихъ, яко глаголють пословицу: добрѣ бываетъ, кому родити, тому и кормити младенца, или попеченіе о немъ имѣти, сирѣчь: кто тружался зѣло, и болѣзновать о семъ тому достойно и совѣтовати о таковыхъ.

А потомъ взяла была Черемиса Луговая царя собѣ съ Нагайскія орды, бронящася христіаномъ и воююще: бо тотъ Черемисскій языкъ не малъ есть и зѣло кровопійственъ, и обирается ихъ, глаголють, вѣще двадесять тысящей войска; потомъ же егда разсмотривши, иже мало имъ прибыли съ того царя, убиша его и суцахъ съ нимъ Татаръ, аки три ста, и главу ему отсѣкоша и на высокое древо взоткнули и глаго-

лали: „Мы было взяли тебя того ради на царство, съ дворомъ твоимъ, да обороняеши насъ; а ты и сущіе съ тобою не сотворилъ намъ помощи столько, сколько воловъ и коровъ нашихъ поѣлъ: а нынѣ глава твоя да царствуетъ на высокомъ колѣ“. Потомъ, избравше собѣ своихъ атамановъ, бющесъ и воююще съ нами крѣпцѣ, аки два лѣта, и паки потомъ ово примиряхуся, ово паки брань начинаху. Но инья оставя въ тѣ лѣта бывшія, въ краткости исторейки тое зряще, се воспомянемъ.

Г Л А В А IV.

ВОЙНА ЛИФЛЯНДСКАЯ.

1554—1560

Причины войны. Опустошеніе Лифляндіи. Перемиріе. Нѣмцы нарушаютъ оное. Нечестіе ихъ. Взятіе Нарвы, Нейшлоса, Дерпта и другихъ городовъ. Наши неудачи. Мужество Кетлера. Нашествіе хана Крымскаго. Покореніе Астрахани. Орда Нагайская истреблена моромъ. Тщетный совѣтъ бояръ. Дмитрій Вишневецкій воюетъ Крымъ. Бездѣйствіе Іоанна и Короля Польскаго. Образъ жизни пановъ Польскихъ. Доблесть Волянцевъ и Константина Острожскаго. Заслуги Сильвестра и Адашева. Конецъ ордена Меченосцевъ. Курбскій главнымъ воеводою въ Лифляндіи. Пораженіе Нѣмцевъ. Плѣнъ Фирстенберга. О началѣ Лифляндцевъ. Бѣгство Хоткѣвича. Взятіе Феллина.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ премиріе минуло съ Лифляндскою землею; и пріѣхаша послове отъ нихъ, просяще миру. Царь же нашъ началъ упоминатися дани, яже еще дѣдъ его въ привилію воспомянулъ объ ней, и отъ того времени, аки пятьдесятъ лѣтъ, не плачено было отъ нихъ; а Нѣмцы не хотяще ему дани дати оныя, и за тѣмъ война зачалася. И послалъ тогда насъ трехъ великихъ воеводъ, и съ нами другихъ стратилатовъ, и войска аки чотыредесять тысящей и вяще, не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати. И воевахомъ ее мѣсяцъ цѣлый, и нигдѣже опрошася намъ

битвою; точію со одинаго града изошли сопротивъ посылокъ нашихъ, и тамо поражено ихъ. И шли есмь ихъ землею, воююще вдоль вѣще четьредесять миль, и изыдохомъ въ землю въ Лифляндскую съ великаго мѣста Пскова, и вышли есмь совсѣмъ здраво съ ихъ земли, ажъ на Иванъградъ, вколо ихъ землею ходяще; и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей: понеже тамъ земля зѣло была богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотець своихъ, ноудалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому, и невоздержанію, и ко долготу спанію, и лѣнливству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай, презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣламъ послѣдовати. И сихъ ради, мню, и не попустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчизнами своими.

Потомъ же они упросили быти премирья на полроку, хотяще себѣ взяти о той предреченной дани на размышленіе; и сами упросивши, не пребыли въ томъ дву мѣсяцей. Сице разрушили тое премирье: яко всѣмъ есть вѣдомо, иже Нѣмецкое мѣсто, глаголемое Нарва, и Русское Иванъградъ обѣ едину рѣку стоятъ, а оба два града и мѣста не малые, пачеже той Русскій многонароденъ; и на самый день, въ оный же Господь нашъ, Исусъ Христосъ, за человѣческой родъ плотію пострадалъ, и въ той день, ему по силѣ своей каждый христіанинъ подобяся, страстямъ его терпитъ, въ постѣ и въ воздержанію пребывающе: а ихъ милость Нѣмцы, велеможные и гордые, сами себѣ новое имя избрѣтше, нарекшеса Евангелики, въ началѣ еще дня того ужравшися и упившися, надъ надежду всѣхъ изъ великихъ дѣлъ стрѣляти на мѣсто Русское начали и побиаша люду немало христіанскаго, со женами и дѣтками, и проліяша кровь христіанскую въ такіе великіе и святые дни: бо безпрестаннѣ били три дни, и на самый день Христова воскресенія не унялися, будучи въ премирію, присягами утвержденномъ. А на Иванѣ-

градѣ воевода, не смѣючи безъ царева вѣдома, премирья нарушити, даль скоро до Москвы знави; царь же видде въ совѣтѣ о томъ, и по совѣтѣ, на томъ положилъ, иже по нуждѣ за ихъ початкомъ, повелѣлъ бронитися и стрѣляти съ дѣль на ихъ градъ и мѣсто: бо уже было и великихъ дѣль съ Москвы припровожено тамъ немало, и къ тому послалъ стратилатовъ и повелѣлъ двѣма пятинамъ Новгородскимъ воинству собиратися къ нимъ. Нашижъ, егда заточиша дѣла великія на мѣста ихъ, и начаша бити по граду и по палатамъ ихъ, такожъ и верхними дѣлы стрѣляти кулями каменными великими; они же, яко отнюдь тому неискусные, живши множество лѣтъ въ покою, гордость отложя, абіе начаша просити премирья, аки на четыре недѣли, беручи себѣ на размышленіе о подданію мѣста и града. И выправили до Москвы царю нашему двухъ бурмистровъ своихъ, къ тому же трехъ мужей богатыхъ, общающе за четыре недѣли мѣсто и градъ поддати; ко майстружъ Лифляндскому и ко другимъ властемъ Нѣмецкимъ послаша, просяще помощи. „Аще ли, рече, не дадите помощи, мы отъ такой великія стрѣльбы не можемъ терпѣти: поддадимъ градъ и мѣсто“. Майстръ же абіе далъ имъ въ помощь антипата Феллинскаго, а другаго съ Ревля, и съ ними четыре тысящи люду Нѣмецкаго, и конныхъ и пѣшихъ.

Егдажъ придоша войско Нѣмецкое во градъ, аки во дву недѣляхъ потомъ, наши же, не начинающе брани, дондеже минетъ оный мѣсяцъ премирью: онижъ не престаша обыкновенія своего, сирѣчь пьянства многоаго и руганія надъ догматы христіанскими, и обрѣтше икону пресвятыя Богородицы, у неяже на руку написанъ по плоти превѣчный младенець, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ коморахъ оныхъ, идѣже купцы Русскіе у нихъ нѣкогда обитали, возрѣвше на нее господиць дому съ нѣкоторыми новопрішедшими Нѣмцы, начаша ругатися, глаголюще: „Сей болванъ поставленъ былъ купцовъ ради Русскихъ, а намъ уже нынѣ не потребенъ; придемъ и истребимъ его“. Яко пророкъ нѣкогда рече о та-

ковыхъ безумныхъ: *сѣчивомъ и теслою разрушающе, и огнемъ зажигающе свѣтило Божіе*; сему подобно и тѣ безумные южикі сотвориша. И взявше образъ со стѣны и пришедше къ великому огню, идѣже потребныя питья свои въ котлѣ варяще, и ввергше абіе во огонь. О Христе! неизреченны силы чудесъ твоихъ, иміже обличаеши хотящихъ дерзати и на имя твое беззаконовавшихъ! Абіе, паче пращи, прутко летащія, або изъ якого великаго дѣла, весь огонь онъ изъ подъ котла ударилъ, воистину яко при Халдейской печи, и не обрѣтесъ ничтоже огня тамо, идѣже образъ ввержень, и абіе въ верху палаты загорѣлось. Сіяжъ быша, аки по третьей годинѣ, въ день недѣльный. Аеру чисту бывшу и тиху, и абіе внезапно пріиде буря великая и загорѣлося мѣсто такъ скоро, иже за малый часъ все мѣсто объяло.

Людіе же Нѣмецкіе всѣ отъ мѣста избѣгоша во градъ отъ огня великаго, и не возмогоша ни мало помощи себѣ; народижъ Русскіе, видѣвше, иже стѣны мѣскія пусты, абіе устремишася чрезъ рѣку, овіи въ кораблецѣхъ различныхъ, овіи на дщицахъ, овіи же врата вымающе отъ домовъ своихъ и поплыша; потомъ и воинство устремилось, аще и воеводамъ крѣпцѣмъ возбраняющимъ имъ о семъ, премирья ради; онижъ, не послушавъ, видѣвше явственный Божій гнѣвъ на нихъ пущенный, а нашимъ подающій помощь, и абіе разломавши врата желѣзные и проломавши стѣны, внидоша въ мѣсто: бѣ бо буря она зѣлная, отъ мѣста на градъ возбуряше огонь. Егдажъ придоша съ мѣста ко граду войско наше, тогда начаша Нѣмцы противитися имъ, исходяще изъ вратъ вышеградскихъ и бшася съ нами, аки на двѣ годины; и взявши наши дѣла, яже во вратѣхъ мѣста Нѣмецкаго и которыя на стѣнахъ стояли, и начаша на нихъ стрѣляти изъ дѣлъ оныхъ. Потомъ приспѣша стрѣльцы Русскіе со стратилаты ихъ, такожъ и стрѣлъ множество отъ нашихъ вкупѣ съ ручничною стрѣлбою пуцаемо на нихъ. Абіе втиснуша ихъ во вышеградъ; и ово отъ великаго духа огня, ово отъ стрѣльбы, яже изъ ихъ дѣлъ на нихъ по вратомъ вышеград-

скимъ стрѣляно, ово отъ великаго множества народу (бо онъ вышеградъ былъ тѣсенъ), начаша абіе просити, да повелѣно будетъ имъ розмовити. Егдажъ утишишась съ обѣихъ странъ войска, изыдоша изъ града и начаша постановляти съ нашими, да дадутъ имъ вольное исхожденіе и да пустятъ здравыхъ совсѣмъ. И на томъ постановили: пустили ихъ со оружіемъ, яже точію при бедрахъ, новопришедшее во градъ воинство ихъ, а тутошнихъ жителей со женами и съ дѣтьми токмо, а богатство и стяжанія во градѣ оставили; а нѣдци прозволиша ту въ домѣхъ своихъ остати: то пущено на волю ихъ.

Се такова мзда ругателей, яже уподобляютъ Христовъ образъ, по плоти написанъ, и родшія его болваномъ поганскихъ боговъ! Се икономахомъ воздаяніе! Абіе, яко за четьре години, або пять, ото всѣхъ отчинъ и отъ превсокихъ палатъ и домовъ златописанныхъ лишены и премногихъ богатствъ и стяжаній обнажены, со уничиженіемъ и постыденіемъ и со многою срамотою отойдоша, аки назі: воистину знаменіе суда, прежде суда, на нихъ изъявлено, да прочіе накажутся и убоятся не хулити святыни. Сяце первое мѣсто Нѣмецкое вкупѣ со градомъ взято. О образѣ же ономъ тогожъ дня исповѣдано стратилатамъ нашимъ. Егдажъ до конца погашенъ огнь въ той ноци, обрѣтенъ образъ пречистыя въ пеплѣ, идеже былъ вверженъ, наутри цѣль ничѣмъ же не рушенъ, Божія ради благодати; потомъ въ новосозданной великой церкви поставленъ, и поднесъ всѣми зримъ.

Потомъ, аки недѣля едина, взяли градъ другій Нѣмецкій, оттуду шесть миль, Сыренескъ глаголемый, яже стоитъ на рѣкѣ Нарвѣ, идѣже она исходитъ изъ великаго озера Чюпкаго: та есть рѣка не мала, ею же отъ мѣста Пскова портъ, ажъ до мѣстъ оныхъ предреченныхъ; и били съ дѣль по немъ только три дни и поддали его Нѣмцы нашимъ. Мы же отъ Пскова пойдоша подъ Нѣмецкій градъ, нарицаемый *Новый*, яже лежитъ отъ границы Псковскія аки полторы мили; стояхомъ же подъ нимъ вѣще, нежели мѣсяць, заточивши

дѣла великія: едва возмогохомъ взяти его, бо зѣло твердѣ былъ. Майстрѣ же Лифляндскій, со всѣми бискупы и властели земли оныя, пошелъ ко граду тому на помощь сопротивѣ насъ, имѣюще войска Нѣмецкаго съ собою вѣще нежели осмь тысящей, и не доходя отъ насъ сталъ аки за пять миль, за великими крѣпостями блатъ и за рѣкою сдиною; къ намъ же далѣ не пошелъ, подобно боялся: бо на единомъ мѣстѣ стоялъ, окопався, четыре недѣли обозомъ. Егдажъ слышалъ, иже стѣны града разбиты, и градъ уже взятъ, поиде назадъ къ мѣсту своему, Кеси, а бискупово войско ко Юрьеву граду: и не допущено ихъ до мѣста и поражено. За майстромъ же сами мы поидохомъ и отойде отъ насъ.

Мы же возвратихомся оттуды, и поидохомъ до великаго мѣста Нѣмецкаго, глаголемаго Дерпта, въ немъ же бискупъ самъ затворился со бурмистры великими и со жители града, и къ тому аки двѣ тысящи заморскихъ Нѣмецъ, иже къ нимъ придоша за пенязи. И стояли есмы подъ тѣмъ великимъ мѣстомъ и градомъ двѣ недѣли, пришанцовався и заточа дѣла и все мѣсто тое облегли, отъ него же не могоша уже ни исходити, ни входить въ него; и башася съ нами крѣпцѣ, броняще града и мѣста, яко огненною стрѣльбою, тако частыя вытечки творяще на войско наше, воистину яко достоятъ рыцарскимъ мужемъ. Егдаже уже мы стѣны мѣскія изъ великихъ дѣлъ разбихомъ, также изъ верхнихъ дѣлъ стрѣляюще, ово огнистыми кулями, ово каменными, немалую тщету въ людѣхъ сотворихомъ; тогда они начали роковати съ нами, и выѣзжали къ намъ изъ града о постановленію четыре кратъ дня одинаго, о немъ же бы долго писати, но вкратцѣ реши: сдали мѣсто и градъ. И оставленъ каждый при домѣхъ своихъ и при всѣхъ стяжаніяхъ; токмо бискупъ выѣхалъ изъ мѣста до кляштора своего, аки бы миля велика отъ мѣста Дерпта; и пребылъ тамо до повелѣнія царя нашего, и потомъ поѣхалъ къ Москвѣ, и тамо былъ данъ ему удѣлъ до живота его, сирѣчь градъ единъ со великою властію.

И того дѣла взяхомъ градовъ Нѣмецкихъ съ мѣсты близу двадцати числомъ; и пребыхомъ въ той землѣ ажъ до самага первозимія, и возвратихомся ко царю нашему со великою и свѣтлою побѣдою: бо и по взятыю града, гдѣ и сопротивляшеся Нѣмецкое войско намъ, вездѣ поражаху ихъ отъ насъ посланные на то ротмистры. И скоро по отшествіи нашемъ, аки по дву недѣляхъ, собравшися майстръ сотворилъ немалую шкodu во Псковскихъ властехъ; и оттуды пошелъ къ Дерпту, и не доходя мѣста великаго, облегда единъ градокъ, по-иговскому языку зовутъ его Рындегъ, аки за четыре мили отъ мѣста Дерпта, и стоялъ, его облегли, аки три дни, и выбивъ стѣну, приступилъ штурмъ, и за третьимъ приступомъ взялъ, и котораго ротмистра на немъ взялъ, съ тремасты воины, тѣхъ мало не всѣхъ во презлыхъ темницахъ гладомъ и зимою поморилъ. А помощи дати тому граду не возмогохомъ, для далечайшаго пути и презлыя ради первозимнія дороги: бо отъ Москвы мѣста до Дерпта миль сто и осмьдесятъ есть, и войско было зѣло утруждено. И къ тому тое зимы пошелъ былъ царь Перекопскій со своею ордою на князя великаго: бо дана была съ Москвы отъ Татаръ вѣсть, аки бы князь великій со всѣми силами своими на Лифлянту къ мѣсту Ригѣ пошелъ. Егда же пришелъ до украины, аки за полтора днища, тогда взялъ на полѣ, на ловѣхъ рыбныхъ и бобровыхъ, казаковъ цапихъ и довѣдался, иже князь великій на Москвѣ есть, и войско отъ Лифляндскія земли возвратилось здраво, взявши Нѣмецкое мѣсто великое Дерптъ и другихъ о двадцать градовъ. Онъ же, не повоевавъ, оттуды возвратился къ ордѣ со всѣми силами своими, со великою тщетою и срамомъ: бо та зима зѣло была студена и снѣги великіе, и того ради кони собѣ всѣ погубили, и множество ихъ отъ зимы и самихъ померло; къ тому и наши за ними гоняли, ажъ до рѣки до Донца, глаголемаго Сѣверскаго, и тамо, по зимовищамъ ихъ обрѣтая, губили. Паки на тую же зиму царь нашъ послалъ съ войскомъ своимъ не малыхъ гетмановъ своихъ, Ивана князя Мстиславскаго и Петра Шуй-

*

скаго, съ роду князатъ Суздальскихъ: и взяли вшедше единъ градъ зѣло прекрасенъ, стоятъ среди немалаго озера, на такой выспѣ, яко велико мѣстѣчко и градъ; а зовуть его, иговскимъ языкомъ, Алюсть, а по Нѣмецки Наримборхъ.

Въ тѣжъ то лѣта, яко прежде воспоминахомъ, иже былъ царь нашъ смирился и добрѣ царствовалъ и по пути Господня закона шествовалъ, тогда *ни о чесомъ же*, яко рече пророкъ, *враги его смирилъ*, и на наступающихъ языковъ народу христіанскому возлагалъ руку свою. Произволеніе человѣческое Господь всещедрый паче добротою наводитъ и утверждаетъ, нежели казню; ащели же уже зѣло жестоко и непокорливо обрящется, тогда прещеніемъ, съ милосердіемъ смѣшаннымъ, наказуетъ; егдажъ уже неисцѣльно будетъ, тогда—казни, на образъ хотящимъ беззаконovati. Приложилъ еще же и другое милосердіе, яко рѣхомъ, дарующе и утѣшающе въ покаянію суца царя христіанскаго.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, аки мало предъ тѣмъ, даровалъ ему къ Казанскому другое царство Астраханское; а се вкратцѣ извѣщу о семъ. Послалъ тридесять тысящей войска въ галіяхъ рѣкою Волгою на царя Астраханскаго; а надъ ними поставилъ стратига, Юрья именемъ, съ роду князатъ Пронскихъ (яко рѣхомъ прежде о немъ, о Казанскомъ взятыю пишучи), и къ нему прилучилъ другаго мужа Игнатя, реченнаго Вешнякова, ложничаго своего, мужа воистину храбраго и нарочитаго. Они же шедши взяша оное царство, лежащее близу Каспійскаго моря; царь же утече предъ ними; а царицъ его и дѣтей побрали и со скарбы царскими; и всѣ людіе, иже въ царствѣ ономъ, ему покорили, и возвратишася со свѣтлою побѣдою, здравы со всѣмъ воинствомъ.

Потомъ въ тѣхъ же лѣтѣхъ моръ пущенъ былъ отъ Бога на Нагайску орду, сирѣчь на Завольскихъ Татаръ, и сице наведе его: пустилъ на нихъ такъ зиму зѣло лютѣ студеную, ижъ весь скотъ ихъ померъ, яко стада конскія, такъ и другихъ скотовъ, а на лѣто и сами изчезоша: тамъ бо они живатся млекою точію отъ стадъ различныхъ скотовъ своихъ,

а хлѣбъ тамо а ни именуется. Видѣвшезь остатные, иже явственнѣ на нихъ гнѣвъ Божій пущенъ, поидоша, препитавія ради, до Перекопскія орды. Господь же и тамо поражае ихъ такъ: отъ горенія солнечнаго наведе сухоту и безводіе; идѣже рѣки текли, тамъ не токмо вода обрѣтеться, но и копавши три сажени въ землю, едва нѣгдѣ мало что обрѣтаешся. И такъ того народу Измаильтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысящей военныхъ людей: его же было число подобно песку морскому. Но и съ Перекопи тѣхъ Нагайскихъ Татаръ выгнано, также мало что ихъ осташихся: понеже и тамо гладь былъ и морь великій. Нѣкоторые самовидцы наши, тамо мужіе бывше, свидѣтельствовали, иже и въ той ордѣ Перекопской десяти тысящей коней отъ той язвы не осталось. Тогда время было надъ бусурманы христіанскимъ царемъ мститися за многолѣтнюю кровь христіанскую, безпрестаннѣ проливаему отъ нихъ, и успокоити себя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго, но точию того ради и помазаны бывають, еже прямо судити и царство, врученное имъ отъ Бога, обороняти отъ нахождения варваровъ. Понеже и нашему тогда цареви совѣтницы нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественныя, совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Перекопскаго, времени на то зовущу и Богу на се подвижущу и помощь на сіе истое хотящу подати, аки самимъ перстомъ показующу погубити враговъ своихъ старовѣчныхъ, христіанскихъ кровопивцевъ, и избавити плѣнныхъ множайшихъ отъ древле заведенныя работы, яко отъ самыхъ адскихъ пропастей. И аще бы на свой санъ помазанія царскаго памяталъ, и послушалъ добрыхъ и мужественныхъ стратиговъ совѣту, яко премногая бы похвала и на семъ свѣтѣ была, но паче тѣмаи кратъ премножайше во опомѣ вѣцѣ, у самого создателя, Христа Бога, иже наидражайшей крови своея не пощадилъ за челоувѣческой погибашій родъ изліяти! Аще бы и души наши случилось положить за плѣненныхъ многими лѣты бѣдныхъ христіанъ, воистину всѣхъ

добродѣтелей сія добродѣтель любви выше предъ нимъ обрѣлабся, яко самъ рече: *больше сея добродѣтели ни что же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя.*

Добро бы, и паки реку, зѣло добро избавити въ ордѣ плѣнныхъ отъ многолѣтня работы, и разрѣшити окованныхъ отъ претягчайшія неволи; но нашъ царь о семъ тогда мало радяше, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими стратилаты со осмь тысящей, также водою, послалъ; они же выплыша Днѣпромъ на море и, надъ надежду Татарскую, немалую тщету учиниша въ ордѣ: яко самихъ побиха, такожь женъ и дѣтей ихъ немало плѣниша, и христіанскихъ людей отъ работы свободили немало, и возвратишася восвоися здравы. Мы же паки о семъ, и паки царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкательіе, добрые и вѣрныя товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка.

А здѣшнему было королеви и зѣло ближайше; да подобно его кролевская высота и величество не къ тому обращалося умомъ, но паче въ различныя плясанія много и въ преиспещренныя машкары. Такожь и властели земли тоя драгоценныя колачи со безчисленными проторы гортань и чрево съ марципаны натыкающе, и якобы въ утлыя дѣльвы дражайшія различныя вина безмѣрнѣ льюще, и съ печенеги вкуиѣ высоко скачуще и воздухъ біюще, и такъ прехвальнѣ и прегордѣ другъ друга пьяни восхваляюще, иже не токмо Москву, або Константинополь, но аще бы и на небѣ былъ Турокъ, совлещи его со другими неприятелими своими общавающе. Егдажь возлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми пери-

нами, тогда едва по полудню проспавшись, съ связанными головами съ похмѣлья, едва живы, очутясь возстанутъ; на прочіе дни паки гнусны и лѣнны, многолѣтнаго ради обыкновенія. И сего ради забыли такового благополучнаго времени на бусурманы, я не радѣша, горше предреченныхъ тѣхъ, о своемъ отечествѣ, не токмо о оныхъ заведенныхъ, (о нихъ же выше мало прежде рекохъ) во многолѣтней работѣ сущихъ, но на каждое лѣто предъ очима ихъ женъ и дѣтокъ, такожъ и подручныхъ во плѣнъ множество веденныхъ, не пекущися о нихъ (но пачежъ тѣто предреченные печенег), а ни обронующе ихъ. Но аще, срама ради великаго и нареканія многослезнаго отъ народу, аки бы выѣдутъ и ополчатся, грядуще издалека во слѣдъ полковъ бусурманскихъ, боящися наступити и ударити на врага креста Христова, и попошедчи за ними два дни або три, паки возвратятся во свояси; а что было осталось отъ Татаръ, або сохранено убогихъ хрестіанъ на лѣсѣхъ нѣчто со стяжаніемъ яковимъ, або скотовъ, — все поядятъ, и послѣднее разграбятъ, и ничтожъ бѣднымъ и окаяннымъ оставляюще оныхъ слезныхъ остатковъ.

А издавна ли тые народы и тые люди нерадивы и немилосерди такъ зѣло о ихъ языкѣхъ и о своихъ сродныхъ? Воистину не издавна, но ново: первѣе въ нихъ обрѣтахусь мужіе храбрые и чюины о своемъ отечествѣ. Но что нынѣ таково есть и чего ради имъ таковая приключишася? Заисте того ради: егда бѣша во вѣрѣ хрестіанской и въ церковныхъ догматѣхъ утвержденны и въ дѣлѣхъ житейскихъ мѣрнѣ и воздержнѣ хранящесь, тогда, яко едины человекы наилѣпшіе во всѣхъ пребывающе, себя и отечество браняще. Внегда же путь Господень оставили и вѣру церковную отринули, многого ради презлишняго цюкоя, возлюбивше же ринушася во пространнѣй и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси Люторскія и другихъ различныхъ сектъ, пачежъ пребогатѣйшіе ихъ властели на сіе непреподобіе дерзнуша: тогда отъ того имъ приключишася. Паче же нѣщцы вельможи ихъ богатые,

въ великихъ властехъ постановленные у нихъ, на сіе само-
властіе умъ свой обратила; на нихъ же зряще нетокмо под-
рученныя ихъ, но и братія ихъ мнѣйшая произволеніе есте-
ственное самоизвольнѣ на таковыя слабости, непреподобнѣ и
неразсуднѣ, устремилша; яко глаголють мудрыя пословицу:
„идѣже пачальницы произволяютъ, тамо и всенародства воля
„несется, або устремляется“. А что еще горшаго видѣхъ отъ
сихъ сладострастій приключшихся имъ: ибо много отъ нихъ
не токмо задныя ихъ нѣкоторыя, и княжата такъ боязливы
и раздрочены отъ женъ своихъ, яко слышатъ варварское
нахожденіе, такъ забьются въ претвердые города, и воистину
смѣху достойно: вооружившись въ зброи, сядуть за столомъ
за кубками, да бають фавулы съ пьяными бабами своими,
а ни изъ вратъ градскихъ изыти хотяще, аще и предъ са-
мымъ мѣстомъ, або подъ градомъ, сѣча отъ бусурманъ на
христіяны была. Сіе воистину дивное самъ очима своими ви-
дѣхомъ, не во единомъ отъ градовъ, но и въ другихъ нѣ-
которыхъ.

Во единомъ же градѣ случилось намъ таково видѣти: идѣ-
же была пятерица великородныхъ съ двори ихъ, къ тому
два ротмистра съ полки своими, и ту же подъ самымъ мѣ-
стомъ яко нѣкоторыхъ воиновъ, такъ челоуѣковъ всенарод-
ныхъ, біоущихся немало съ мвмошедшимъ полкомъ Татар-
скимъ, иже уже со плѣномъ изъ земли шелъ и поражаемы
суть и гоними неединократъ отъ бусурманъ христіяне; а
оныя предреченныя властели ни единъ отъ града изыде на
помощь имъ: сѣдящихъ ихъ въ то время, глаголють, и пію-
щихъ великими полными алавастры. О пированіе зѣло непо-
хвальное! О алавастры, не вина, не меду сладкаго, но самыя
крови христіянскія наліяны! И при концѣ битвы тое, аще
бы не Волынской полкъ, прутко гонящій за оними поганы,
приспѣлъ, и всѣхъ бы до конца избил. Но егда видѣвши
бусурманы за ними скоро грядущъ полкъ христіанскій, по-
сѣкши большую часть плѣну, а другихъ живыхъ пометали,
и все оставя, въ бѣгство обратилася. Такожъ и во другихъ

градѣхъ, яко мало выше рѣкомъ, очима своимъ богатыхъ и благородныхъ, вооруженныхъ въ зброяхъ, видѣхъ, а не токмо сопротивъ враговъ хотящихъ исходити, а ни во слѣдъ ихъ гонити хотяще, или подобно и слѣду ихъ боящся: понеже а ни локоть единъ которые вельможи, вооруженные, дерзнули изыти изъ градовъ.

Се таковыя ужасно слышательныя, пачежъ смѣху достойныя, отъ роскошей и отъ презлыхъ различныхъ мѣръ приключаются христіанскимъ предстателемъ, и прежде бывшимъ храбрымъ и мужественнымъ славнымъ воиномъ женовидныя и боязни исполненныя случаются! А о тѣхъ Волинцахъ, не токмо въ кроникахъ мужество ихъ описуется, но и новыми повѣстями храбросгъ ихъ свидѣтельствуется, яко мало прежде и о другихъ рѣкомъ: егда быша въ вѣрѣ православной, пребываша по обычаямъ мѣрнымъ, и къ тому имѣюще надъ собою гетмана храбраго и славнаго Константина, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишася, отечество свое обороняюще, не одинаго, не дважды, но многажды показашася нарочиты. Но впала сія повѣсть, мпнть-мися, презлишнѣ; а сего ради оставя сію, ко предреченнымъ возвратимся.

Преминувшу ми много о Лифляндской войнѣ, мало нѣчто вкратцѣ о битвахъ нѣкоторыхъ и взятыю градовъ оныхъ воспомянемъ, ко сокращенію исторіи и къ концу зряще. И яко напередъ воспомянухомъ оныхъ дву добрыхъ мужей, исповѣдника царскаго, другаго ложничаго, которые достойны нарещись друзи его и совѣтницы духовные, яко самъ Господь рече: *идъже два или три собрани о имени моемъ, ту есмь азъ посреди ихъ*; и воистину былъ Господь посреди, сирѣчь многая помощь Божія, когда были сердца ихъ и душа тѣхъ едина, и къ тому совѣтницы оныя мудрыя и мужественныя близъ царя со искусными и мужественными стратилаты, и храброе воинство цѣло и весело было: тогда, глаголю, царь всюду прославляемъ былъ, и земля Русская доброю славою

цвѣла, и грады претвердые Аламанскіе разбивахуся, и предѣлы христіанскіе расширяхуся, и на дикихъ поляхъ древле плѣнные грады отъ Батыя безбожнаго паки воздвизахуся, и сопротивники царева и врази креста Христова падаху, а другіе покоряхуся, нѣщцы же отъ нихъ и ко благочестію обращахуся, огласився и научився отъ клириковъ вѣрою, Христу присвояхуся, отъ лютыхъ варваровъ, аки отъ кровяныхъ звѣрей, въ кротость овчю прелагахуся и ко Христовѣ чредѣ присовокупляхуся.

Потомъ же, аки на четвертое лѣто по Дерптскомъ взятю, послѣдняя власть Лифляндская разрушилася: понеже оставшая часть ихъ кролеви Польскому, ко великому княжеству Литовскому поддашеся: зане Кесь, столичный свой градъ, новозбранный майстръ отдалъ и забѣжалъ, подобно отъ страха, за Двину рѣку, упрося себѣ у кроля Курляндскую землю, и прочіе грады, яко рекохъ, сіе съ Кесью все оставилъ, еже обою страну отсюду Двины рѣки великія; а другіе Шведскому кролю поддашеся, яко мѣсто великое Ревль; а другіе Датскому. А въ мѣстѣ, реченномъ Вильянѣ, а по-Нѣмецкому Филіе (Феллинѣ), майстръ старый Фиштень-беркѣгъ осталъ, и при немъ кортуны великія, ихъ же многою цѣною изъ заморя съ Любка, мѣста великаго, отъ Германовъ своихъ достали было, и вся стрѣльба огненная многая.

На тотъ же Вильянъ князь великій войско свое съ нами великое послалъ; а первѣе, до того аки за два мѣсяца еще, въ самую весну, пришелъ азъ въ Дерптъ, посланъ отъ царя, того ради: понеже было у воинства его зѣло сердце сокрушено отъ Нѣмецъ, зане егда обращали пскусныхъ воеводъ и стратилатовъ своихъ противъ царя Перекопскаго, храняще предѣловъ своихъ, вмѣсто тѣхъ случилось посылати въ Лифляндскіе города неискусныхъ и необыкновенныхъ въ полкоустроеніяхъ, и того ради, многожды были поражени отъ Нѣмецъ, не токмо отъ равныхъ полковъ, но уже и отъ малыхъ людей великіе бѣгали. Сего ради, введе мя царь въ ложницу свою и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и

зѣло любовными, и къ тому со обѣщаньями многими: „При-
„нужденъ быхъ, рече, отъ оныхъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ,
„або самъ итти сопротивъ Лифлянтовъ, або тебя, любимаго
„моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу по-
„могающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ“. Азъ же
съ потщаніемъ поидохъ; послушливъ былъ, яко вѣрный слуга,
повелѣнію царя моего.

И тогда въ тѣ два мѣсяца, нежели пришли другіе стра-
тиги, азъ ходилъ два кратъ: первѣе, подъ Бѣлый камень,
отъ Дерпта осмьнадесять миль, на зѣло богатяя волости, и
тамо поразихъ гуфець Нѣмецкій, подъ самымъ градомъ, иже
былъ на стражѣ, и довѣдахся отъ тѣхъ вязней о майстрѣ и
о другихъ ротмистрѣхъ Нѣмецкихъ, иже стояли во ополченію
немаломъ, оттуду аки въ осми миляхъ, за великими блатъ,
Азъ же со плѣномъ отпустя къ Дерпту и избравъ войско.
пойдохомъ къ нимъ въ нощи и придохомъ во утріи ко онымъ
великимъ блатамъ, и препровожахомся легкимъ войскомъ день
цѣлый чрезъ нихъ. И аще бы ту встрѣтились съ нами, по-
разили бы насъ, аще бы и трикратно было нашего войска, а
со мною невеликое тогда было воинство: аки пять тысящъ
было; но они, яко гордые, стояли на широкомъ полѣ отъ тѣхъ
блатъ, ждуще насъ, аки двѣ мили, ко сраженію. Но мы, яко
рѣхомъ, препроводясь тѣ нужныя мѣста, починуты дали, аки
годину едину, конемъ; предъ солнечнымъ захожденіемъ, аки
за годину, пойдомъ ко сраженію, и уже придохомъ къ нимъ
аки въ половину нощи (нощъ же бѣ лунна; а наипаче близу
моря, тамо свѣтлы нощи бывають, нежели гдѣ индѣ), и сра-
зихомся съ ними на широкомъ полѣ: первѣе предніе гуфцы
сражахусъ; и пребыла битва аки на полторы години, и не
такъ въ нощи возмогла имъ огненная стрѣльба, яко наши
стрѣлы ко блистанію огней ихъ. Егдажъ приде помощь къ
нашимъ отъ большаго полка, тогда сразисашъ съ ними вручь
и спроша ихъ наши; а потомъ на бѣгство Германи устреми-
шасъ, и гнаша ихъ наши аки милью, до единныя рѣки, на ней
же бѣ мостъ: егдаже прибѣгоша на мостъ, къ тому несчастію

ихъ, еще подъ ними мостъ подломился, и тамо погибоша до конца. Егдажъ возвратихомся отъ сѣчи, и уже возсіявшу солнцу, тогда на томъ предреченномъ полѣ, идѣже битва была, обрѣтохомъ пѣшихъ ихъ кнегтовъ, по житомъ и индѣ раско-
вавшихся лежащихъ: бо было ихъ четыре полка конныхъ, а пять пѣшихъ; тогда, кромѣ побѣнныхъ, взяхомъ ихъ живыхъ сто семдесятъ нарочитыхъ воиновъ; а нашихъ убѣнныхъ особъ шляхты шестнадцать, кромѣ служащихъ ихъ.

И оттуду возвратихомся паки къ Дерпту; и опочивавши войско аки 10 дней (къ тому, своею охотою непосланныхъ на то, къ намъ прибыло аки 2,000 войска, алибо и вяще), паки поидохомъ къ Феллину, идѣже бѣ майстръ старый предреченный. И укывши все войско, послахомъ единъ полкъ Татарскій, аки предмѣстія жещи; онъ же, мняще малый людъ, выѣхалъ самъ бронити со всѣми людьми, яже бѣ во градѣ, и поразихомъ его засадою: едва самъ утече. И воевахъ потомъ тыждень цѣлый, и возвратихомся съ великими богатствы и корыстьми, и вкратцѣ рещи: седмь, алибо осемь кратъ того лѣта битвъ имѣхомъ великихъ и малыхъ, и вездѣ, за Божією помощію, одолѣніе получихомъ. А срамъ бы ми было самому о своихъ дѣлѣхъ вся сія по ряду писати; а сего ради множайшее оставляю, яко о Татарскихъ битвахъ, яже во младости моей бывали съ Казанцы и Перекопцы, такъ и со другими языки: бо вѣмъ сіе добрѣ, иже подвиги христіанскихъ воиновъ не суть забвенни, а ни малѣйшіе, предъ Богомъ, не токмо подвизи, по Бозѣ за правовѣріе со доброю ревностію производимые, или сопротивъ чувственныхъ враговъ или мысленныхъ, но и *власть на главахъ нашихъ изочтени суть*, яко самъ Господь рече.

Егдажъ придоша гетмани со другимъ великимъ войскомъ къ намъ, къ Дерпту, съ ними жъ было вопнства вяще тридесять тысячъ коннаго, и пѣшихъ 10,000 стрѣльцовъ и казаковъ, и дѣлъ великихъ аки 40, такожъ и другихъ дѣлъ аки 50, ими же огненный бой съ стѣнъ сбиваютъ, а и мѣйшія по полторы сажени: и повелѣніе приде отъ царя намъ

итти подъ Феллинъ. Мы же, взявши вѣдомость, иже майстръ хочетъ выпроводити кортуны великія предреченныя и другія дѣла и скарбы свои во градъ Гапсаль, иже на самомъ морѣ стоятъ, тогда абіе послахомъ 12,000 съ стратилаты, да обгонять Феллинъ; а сами пойдомъ съ другою частію войска инымъ путемъ, а дѣла всѣ препроводимъ Имбекомъ рѣкою вверхъ, и оттуды езеромъ, ажъ за двѣ мили отъ Феллина выкладахомъ ихъ на берегъ съ галій; а оныя стратилаты, прежде посланные отъ насъ къ Феллину, идяху путемъ поблизу града Нѣмецка Армуса, аки за милю. Филиппъ же, ленсмаршалокъ, мужъ храбрый и въ военныхъ вещахъ искусный, мающе съ собою аки 500 человекъ райтаровъ Нѣмцевъ, и аки бы другіе 500 або 400 пѣшихъ, не вѣдаше о такомъ великомъ люду, мняще мои послышки, иже не единъ кратъ посылахъ воевати подъ той градъ прежде, даже великое еще войско пришло со предреченными стратиги: и изыде на нихъ со дерзновеніемъ скоро, а наипаче, яко Нѣмцы мало бывають въ день трезвы, взявши отъ бѣгающихъ во осаду вѣдомость, а не вывѣдавшия совершеннѣ, якое войско грядетъ. Нашижь аще и вѣдали о немъ, но не вадѣялись, иже такъ малымъ людомъ дерзветъ ударити на такъ неравное собѣ войско. Предъ полуднемъ, на опочиваніи, ударили на едину часть смѣшавшихся со стражею нашихъ, потомъ пришли до коней нашихъ, и битва сточися. Стратилаты же другіе вѣдавши (со полки своими имѣюще вожей добрыхъ, вѣдомыхъ) о мѣстѣхъ, обыдоша чрезъ лѣсы вкось, и поразиша ихъ такъ, иже едва колько ихъ убѣже съ битвы, и самого онаго храбраго мужа и славнаго въ ихъ языцѣхъ, иже востину послѣдняго, и защитника и надежду Лифляндскаго народу, Алексѣя Адашева нахоликъ жива поималъ, и съ нимъ единнадцать кунторовъ живыхъ взято и сто двадесять шляхтичей Нѣмецкихъ, кромѣ другихъ. Мы же, о семь не вѣдающе, приидомъ подъ мѣсто Феллинъ и тамо обрѣтохомъ нашихъ стратилатовъ не токмо здравыхъ, но и пресвѣтлою побѣдою правыхъ, и славнаго начальника Лиф-

ландскаго, храбраго мужа Филиппа ленсмаршалка со единнадцатыми кунторы и со другими въ рукахъ имущихъ.

Егдажъ повелѣхомъ привести его и поставити предъ нами, и начаша о нѣкоторыхъ вещахъ вопрошати, яко есть обычай: тогда же онъ мужъ свѣтлымъ и веселымъ лицомъ, (мнился, яко пострадалше за отечество), нимало ужаснувся, началъ со дерзновеніемъ отвѣщати намъ: бѣ бо мужъ, яко разсмотримъ его добрѣ, не токмо мужественный и храбрый, но и словесства полонъ, и остръ разумъ и добру память имущъ. Инне отвѣты къ намъ его, разумомъ растворенные, оставлю, но сіе точію едино, еже въ память ми приходитъ, оплакательное его вѣщаніе о Лифляндской землѣ, воспомяну. Сѣдядящу ему у насъ нѣкогда на обѣдѣ (бо аще и възнемъ случилось ему быти, но обаче въ почести его имѣхомъ, яко достойло свѣтлаго рода мужу), и между иными бесѣдованьями, яко обычай бываетъ при столѣхъ, началъ вѣщати намъ:

„Согласяся всѣ королеве западныя вкупѣ съ самимъ папою Римскимъ и съ самимъ цесаремъ христіанскимъ, выправивши множество воиновъ крестоносныхъ, овыхъ въ земли „пустошенныя христіанскія, отъ нахождения срацынскаго „мощи ради, овыхъ въ земли варварскія, посѣданія ради и „наученія для и познанія вѣры, яже во Христа, яко и нынѣ „содѣлываемо кролемъ Испанскимъ и Португальскимъ во „Индіи; тогда оное предреченное войско раздѣлиша по три „гетмана, и пустишася моремъ едино къ полудню, а два къ „полунощи. И яже къ полудню плывущіе, приплыша къ Родису, спустошенному отъ предреченныхъ Срацынъ, несогласія ради безумныхъ Грековъ: тогда, обрѣтше его въ конецъ „спустошенъ, обновиша его съ прочими грады и мѣсты другими, и укрѣпивъ ихъ и осадя, обладаша тамо со остальными живущими обладатели. А яже къ полунощи плывущіе, „приплыша едины, идѣже бѣ Прусы, и тамо живущими обладали; а третью въ тую землю; и обрѣтоша ту языцы зѣло „жестоки и непокорныхъ варваровъ, и заложиха градъ и „мѣсто первое Ригу, потомъ Ревль, и бишася много со жи-

„вущими ту оними предреченными варвары, и едва возмогоша
„ими обладати, и склонити ихъ немалыми лѣты ко познанію
„христіанскія вѣры“.

„Егдаже усвоиша тую землю ко Христову нареченію, то-
„гда общашася въ возложеніе Господеви и на похвалу имени
„пречистыя его Богоматери. Внегда же пребывахомъ въ ка-
„толицкой вѣрѣ и жительствовахомъ мѣрнѣ и цѣломудреннѣ;
„тогда Господь нашъ здѣ живущихъ вездѣ покрываль ото
„враговъ нашихъ и помогаль намъ во всемъ, яко отъ Рус-
„скихъ князатъ, находящихъ на землю сію, такъ и отъ Ли-
„товскихъ. Другія оставя, единужъ исповѣмъ, яже зѣло
„крѣпiku битву имѣхомъ со великимъ княземъ Литовскимъ
„Витовтомъ, иже у насъ во единъ день шесть майстровъ бы-
„ло поставлено, и единъ по единому побиты, и такъ крѣпцѣ
„сражахомся, ажъ ноцъ темная развела битву. Такожъ, и
„недавными лѣты, яко лучше, мню, вамъ вѣдомо есть сіе,
„князь великій Іоаннъ Московскій, дѣдъ того настоящаго,
„умыслилъ былъ тую землю взяти, и крѣпцѣ брѣвихомся,
„яко и со гетманомъ его Даниломъ сведохомъ колько битвъ,
„и двѣ одержахомъ. Но обаче, еликими нибудь обычай убла-
„гахомъ оныхъ предреченныхъ. Богу, яко рѣхомъ, помогающу
„праотцомъ нашимъ, и при своихъ отчинахъ устояли. Нынѣ
„же, егда отступихомъ отъ вѣры церковныя, и дерзнухомъ,
„и опровергохомъ законы и уставы святые, и пріяхомъ вѣру
„новоизобрѣтенную, и за тѣмъ въ невоздержаніе, ко широ-
„кому и пространному пути вдахомся, вводящему въ поги-
„бель: и явственню нынѣ облачающе Господь грѣхи наши и
„казняще насъ за беззаконія наши, предаль насъ въ руки
„вамъ, врагомъ нашимъ. И яже сооружили были прароди-
„тели наши намъ грады высокіе и мѣста твердыя, палаты и
„дворы пресвѣтлые: вы, о томъ не трудившись, ни прото-
„ровъ многихъ налагающе, внидоша въ нихъ; садовъ же
„и виноградовъ нашихъ, не насадивше, наслаждаетесь, и
„другихъ таковыхъ устроеній нашихъ домовыхъ ко житію
„потребныхъ“.

„А что глаголю о васъ, иже, аки бы мните, мечемъ по-
„брате? Другіежъ безъ меча въ наши богатства и стяжанія
„туне внидоша, ни мало, ни въ чесомъ же трудившесь, обѣ-
„щавающе намъ помощь и обронеіе. Се добра ихъ помощь,
„иже стоимъ предъ враги связаны! О коль жалостно ми и
„зѣло скорбно ко воспоминанію, иже предъ очима нашими
„вся сія лютая быша, за грѣхи наши, наведены и милое оте-
„чество разорено суще! И сего ради не мните, иже вы силою
„своею намъ таковыя сотвориша: но вся сія Богу на насъ
„попускающу, за преступленіе наше, иже предалъ насъ въ
„руки врагомъ нашимъ!“ И сіе, ему со текущими слезами,
къ намъ глаголющу, яко и намъ всѣмъ слезъ исполнитися,
на него зрящимъ и таковая отъ него слышащимъ. По семъ
же, утерши слезы, радостнымъ лицемъ провѣща: „Но обаче
„благодарю Бога и радуюся, иже связанъ быхъ и стражду за
„любимое отечество; аще ми за него и умрети случится, во-
„истину драга ми сія смерть будетъ и прелюбезна“. Сіе ему
изрекшу, умолчалъ; мы же всѣ удивившась разуму мужа и
словеству, и держахомъ въ почести его за стражею; потомъ
послахомъ его до царя нашего и со прочими властели Лиф-
ляндскими къ Москвѣ, и молихомъ царя много чрезъ эписто-
лію, да не кажетъ погубити его. И аще бы послушалъ насъ,
могль бы всю землю Лифляндскую по немъ имѣти: понеже
имяху его всѣ Лифлянты, яко отца. Но егдажъ приведенъ
былъ предъ царя и вопрошаемъ жестоцѣ, отвѣщаль: „иже,
„рече, неправдою и кровопивствомъ отечество наше пося-
„даешь, а не яко достоинтъ царю христіанскому“. Онъ же,
разгорѣвся гнѣвомъ, повелѣ абіе погубити его: понеже уже
лють и безчеловѣченъ началъ быти.

И тогда подъ тѣмъ Фелиномъ стояхомъ, памятамись, три
недѣли и вѣще, заточа шанцы и біюще по граду изъ дѣлъ
великихъ. И яко азъ тогда ходихъ къ Кеси и имѣхъ три
битвы, и одинаго поразихъ новаго ленсмаршалка, подъ Вол-
маромъ градомъ, на того мѣсто избраннаго, и яко пришедши
подъ Кесь ротмистры, посланные на насъ отъ Еронима Хот-

кѣвича, пораженіи, и яко стояше подѣ Кесью, посылахомъ къ Рязѣ войну, и яко слышачи Еронимъ о пораженіи своихъ, и ужаснувся, поиде скоро изъ земли Лифляндскія, ажъ за Двину рѣку великую отъ насъ, сіе премину и оставлю по ряду писати, сокращенія ради исторіи; ко предреченному жъ о Феллинскомъ взятіи возвращаюся. Егда же уже разбихомъ стѣны мѣскія, еще крѣпцѣ сопротивляющесь намъ Нѣмцы; тогда въ нощи стрѣляюще огненными кулями, и едина куля упаде въ самое яблоко церковное, еже въ верху великія церкви ихъ бѣ, и другія кули индѣ, и абіе загорѣлося мѣсто: тогда начаша сущіе во градѣ и майстръ просити времени о постановленію, обѣщавающе градъ и мѣсто поддати, и пропаша вольнаго проѣзду со всѣми сущими во градѣ и съ скарбы своими. Мы же такъ не поволяше, а на томъ стало: желнерей всѣхъ выпустили вольно и жителей градскихъ, елицы хотѣша, а его не выпускали и со скарбы, милость ему обѣщавающе отъ царя, яко и даде ему градъ на Москвѣ до живота его, и скарбы оныя его, елицы взяты, возвращены ему потомъ. И сице взятъ градъ и мѣсто; и огонь въ мѣстѣ угасихомъ. А къ тому тогда взяхомъ два, або три грады, въ нихъ же быша намѣстники того майстра Фиштенъ-беркга. Егдажъ внидохомъ въ мѣсто и во градъ Феллинъ, тогда узрѣхомъ отъ мѣста стоящи еще три вышеграды, и такъ крѣпки и отъ претвердыхъ каменей сооружени, и рвы глубоки у нихъ, иже вѣрѣ не подобно: бо и рвы оныя, зѣло глубокіе, каменными гладкими тесаными выведены; и обрѣтохомъ въ немъ великихъ дѣлъ стѣнобитныхъ осьмнадцать, а подѣ тѣми велпкихъ и малыхъ всѣхъ полъ-пятаста на градѣ и мѣстѣ, и запасовъ и всѣхъ достатковъ множество; а въ самомъ градѣ вышнемъ, не токмо церковъ, или палаты, или самъ градъ, но и кухня и стайни толстыми оловянными дщицами были крыты; и тую всю кровлю абіе князь великій повелѣлъ снати, и въ то мѣсто кровлю отъ дерева сотворити.

ГЛАВА V.
НАЧАЛО ЗЛУ.

1560.

Клеветники. Удалені Сильвестра и Адашева. Ихъ винятъ въ смерти царицы Анастасіи. Новые любимцы. Опричники. Монахи. Ссылка Сильвестра въ монастырь Соловецкій. Смерть Адашева. Новый образъ жизни Іоанновой. Пиръ. Бѣдствія Россіи. Сожженіе Москвы Татарами. Дѣла Іоанна III и сына его Василія. Смерть Іоанна Младого, царя Димитрія; матери его Елены, Авдрей Углицкаго, Семена Ряполовскаго; Михаила Верейскаго, Василія Ярославича. Іоанновы слова о нихъ. Время, когда писалъ Курбскій свою исторію.

Чтожь по семъ царь нашъ начинаетъ? Егда уже обронулся, Божією помощію, храбрыми своими отъ окрестныхъ враговъ его, тогда воздастъ имъ! Тогда платитъ презлыми за предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы и хитролествы за простыя и вѣрныя ихъ службы. А якоже сіе начинаетъ? Сице: первѣе, отгоняетъ дву мужей оныхъ отъ себя предреченныхъ, Селивестра, глаголю, презвитера, и Алексѣя предреченнаго, Адашева, туне и ни въ чемъ же предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба уши своимъ презлымъ ласкателемъ, (надъ ними же, уже яко многожды рѣхомъ, ни единъ прыщъ смертный во царствѣ повѣтреннѣйшъ быти можетъ), яже ему уже клеветаша и сикованціи во уши шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья его и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго царства. Чего же ради сіе творяху? /Того ради воистину: да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всёми намъ владѣти, и судъ превращающе, посулы грабити и другія злости плодити скверныя, пожитки свои умножающе. Что же клеветуютъ и шепчутъ во ухо? Тогда царица жена умре: они же рѣша, аки бы старовали ее оныя мужи; (подобно, чему сами искусны и во что вѣрують, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагали). Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе, Селивестръ и Алексѣй

начаша молити, ово епистолиаи посылающе, ово чрезъ митрополита Русскаго, да будетъ очевистное глаголаніе съ ними. „Не отрицаемъ, рече, аще повинни будемъ, смерти; но да „будетъ судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сена- „томъ твоимъ.“

Презлые же къ сему что умышляютъ? Эпистолій не до-
пускають до царя; епископу старому запрещаютъ и грозятъ;
цареви же глаголютъ: „Аще, рече, припустишь ихъ къ себѣ
„на они, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще
„ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, по-
„бѣютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ:
„обвяжутъ ты паки и покорятъ ты аки въ неволю себѣ. Такъ
„худые люди и ничему годные чаровницы тебя, государя,
„такъ великаго и славнаго и мудраго, боговѣнчаннаго царя,
„держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ
„въ мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебѣ
„ни въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ вели-
„комъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ
„владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при госу-
„дарѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не
„держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною
„обладалъ: а то творили они своимъ чаровствомъ, аки очи
„твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами
„царствовать и паки всѣми владѣти. И аще на очи при-
„пустишь ихъ, паки ты очаровавши, ослѣпятъ. Ныгѣ же,
„егда отогналъ еси ихъ, воистину образумлся еси, сирѣчь
„во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще
„уже свободно на все свое царство, яко помазанецъ Божій,
„и никто же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ
„владѣюще.“

И иными таковыми множайшими и безчисленными лже-
сшиванцы, согласясь со отцемъ своимъ діаволомъ, (паче же
рещи, воистину языкъ ему и уста самому глаголанію бывають
на пагубу роду христіанскому), сице подходятъ ласкатель-
ными глаголы мужа, и сице опровергаютъ царя христіан-

*

скаго душу, добрѣ живущаго и въ покаянію сущаго, и сице растерзають пленицу оную, Богомъ соплетенную въ любовь духовную, (якоже самъ Господь рече: *идѣже собрани два или три во имя мое, ту азъ посреди ихъ*); изъ посреди Бога отгоняють оныя, проклятыя, и паки реку: сицевыми прелестными глаголы царя христіанскаго губяще, добраго бывшаго много лѣтъ, покаяніемъ украшеннаго и къ Богу усвоеннаго, въ воздержанію всякомъ и въ чистотѣ пребывающа. О злые и всякія презлости и лукавства исполненныя, своего отечества губители, пачеже рещи, всего святорусскаго царства! Что вамъ принесетъ сіе за полезное? Вмалѣ узрите надъ собою дѣломъ исполняемо и надъ чады своими, и услышите отъ грядущихъ родовъ проклятіе всегдашнее!

Царь же, напився отъ окаянныхъ, со сладостнымъ ласканіемъ смѣшаннаго, смертоноснаго яду, и самъ, лукавства, пачеже глупости, наполнивша, похваляетъ совѣтъ, и любитъ и усволяетъ ихъ въ дружбу и присягами себя и ихъ обязываетъ, вооружающесь на святыхъ неповинныхъ, къ тому и на всѣхъ добрыхъ и добро хотящихъ ему и душу за него полагающихъ, аки на враговъ своихъ, и собравъ и учинивъ уже окрестъ себя яко пресильный и великій полкъ сатанинскій. И чтожь еще къ тому первѣе начинаетъ и дѣлаетъ? Собираетъ соборище не токмо весь сенатъ свой мірскій, но и духовныхъ всѣхъ, сирѣчь митрополита и градскихъ епископовъ призываетъ, и къ тому присовокупляетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ мниховъ, Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславнаго въ злостяхъ, и Васьяна Бѣснаго, поистинѣ реченнаго, неистоваго, и другихъ съ ними таковыхъ тѣмъ подобныхъ, исполненныхъ лицемѣрія и всякаго безстыдія діаволя и дерзости; и посаждаетъ ихъ близу себя, благодаритъ слушающе ихъ, вѣщающихъ и клеветующихъ ложное на святыхъ и глаголющихъ на праведныхъ беззаконіе, со премногою гордынею и уничиженіемъ. Что же на томъ соборищѣ производятъ? Чтутъ пописавши вины оныхъ мужей заочнѣ, яко и митрополитъ тогда предъ всѣми рекль: „Подобаетъ, рече, приведеннымъ

„имъ быти здѣ предъ насъ, да очевидѣ на нихъ клеветы „будуть, и намъ убо слышати воистину достойтъ, что они на „то отвѣщаютъ.“ И всѣмъ ему добрымъ согласующе, такоже рекшимъ; губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ со царемъ возопиша: „Не подобаетъ, рече, о епискупе! Понеже вѣдомыя „сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя, и насъ погубятъ, аще приидутъ!“ И тако осудиша ихъ заочнѣ. О смѣху достойное, паче же бѣды исполненное, осужденіе прельщеннаго отъ ласкателей царя!

Заточенъ бываетъ отъ него Селивестръ презвитеръ, исповѣдникъ его, ажъ на островъ, иже на Студеномъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, край Корелска языка, въ Лоци дикой лежащъ. А Алексѣй отгонялся отъ очей его, безъ суда, въ нововзятый градъ отъ насъ, Феллинъ, и тамо антипатъ бываетъ на мало время. Егда же услышали презлые, иже и тамо Богъ помогаетъ ему: понеже не мало градовъ Лифляндскихъ, еще не взятыхъ, хотяще поддаться ему, его ради доброты, ибо, и въ бѣдѣхъ будуще положенъ, служаше царю своему вѣрнѣ; онижъ паки клеветы къ клеветамъ, шептаніе къ шептанію, лжесбиваніе ко лжесбиваніямъ цареви прилагаютъ, на мужа онаго и праведнаго и добраго. И абіе повелѣлъ оттуду свести въ Дерптъ и держанъ быти подъ стражею; и по дву мѣсяцѣхъ потомъ, въ недугъ огненный впалъ: исповѣдався и взявъ святя Христа Бога нашего тайны, къ Нему отъиде. Егдажъ о смерти его услышавше, клеветницы возопиша цареви: „се твой измѣнникъ самъ себѣ задалъ ядъ „смертоносный и умре“.

А той Селивестръ презвитеръ, еже прежь, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Бозѣ всякія вещи начинаеъ, претивъ ему и наказуя много, да во страѣ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жительствоуетъ, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много,— онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ: рассмотрѣвъ же вся сія презвитеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ мона-

стырь; сто миль отъ Москвы лежащъ, и тамо во мнѣшествомъ будущемъ, нарочитое и чистое свое жителство препровождаль. Клеветницы жъ, слышавше, иже тамо въ чести имѣють оныя мниси его, сего ради, завистию разсѣдаемы, ово завидяще мужу славы, ово болящяся, да не услышитъ царь о семъ и паки не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много-взимательныя, любимыя издавна обыкновенія ихъ, посулы, и новоначальныя пїянства и нечистоты паки да не пресѣкнутся отъ оного святаго: и отгуды похвативша его и заведоша на Соловки, яже прежь рѣхомъ, идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющихся, аки бы то соборнѣ осудиша его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.

Гдѣ таковъ судъ слышанъ подъ солнцемъ, безъ очевиднаго вѣщанія? Яко и Златоустый пишетъ во епистолиі свой ко Иннокентію, папѣ Римскому, нарекающе на Теофила и на царицу и на все соборище его о неправедномъ изгнаніи своемъ, емужь начало: „Первѣе, нежели отданы суть епистолиі наши, „мню, благочестіе твое слышавше, яковый здѣ мятежь тво- „рити дерзнула неправда;“ и паки при концѣ въ той же: „и „аще противники обрѣли, иже такъ презрѣніе сотворили, и „аще замышляютъ ложныя клеветы, понеже насъ безвиннѣ „изгнали, не давшя намъ а ни преписей, а ни книжець, а ни „объявивши клеветниковъ имѣти и оброняти, и мы на судъ „будемъ и покажемъ оныхъ самихъ, а не насъ, быти вин- „ными, что на насъ воскладають: понеже неповинны есмы. „И сопротивъ еже они сотворили? сопротивъ всѣмъ правиломъ, „сопротивъ всѣмъ церковнымъ канонамъ;—и что глаголю ка- „нономъ церковнымъ? а не въ поганскихъ судѣхъ, а ни въ „варварскихъ престолѣхъ таковыя когда случились; а ни Ски- „онъ, а ни Сармацы когда судили судъ повелѣти единой сто- „ронѣ заочнѣ на оклеветанныхъ,“ и прочія, тѣмъ подобныя, яко въ томъ его посланіи лучше, читаячи, разсмотрится. Се соборный царя нашего христіанскаго таковъ судъ! се декретъ, знаменитѣ произведенъ отъ вселукаваго сонмища ласкателей,

грядущамъ родомъ на срамоту вѣчныя памяти и уничтоженіе Русскому языку! понеже у нихъ въ землѣ уродилися таковыя лукавыя, презлыя, ехиднины отроды, иже у матери своей чрево прогрызли, сирѣчь земли святорусскія, яже породила ихъ и воспитала, воистину на свою бѣду и спустошеніе!

Чтожь, по сихъ, за плодъ отъ преславныхъ ласкателей, пачежь презлыхъ губителей, возрастаетъ? и во что вещи обращаются? и что царь отъ нихъ приобрѣтаетъ и получаетъ? Абіе съ ними діаволь умышляетъ первый входъ ко злости, сопротивъ узкаго и мѣрнаго пути Христова, по преславному и широкому пути свободное хожденіе. А якожь сіе начинаютъ и како царева житія прежнюю мѣрность разоряють, еже нарицали неволею обвязанна? Начынають пиры частые со многими пѣяны, отъ нихъ же всякія нечистоты родятся. И что еще къ тому прилагають? чаши великія, воистину діаволу обѣщанныя, и чаши таковыя, положивши въ нихъ зѣло пьянаго питья, и совѣтують первую цареви выпити, потомъ всѣмъ сущимъ пирующимъ съ нимъ! и аще ли тѣми до обумертвія, пачежь до неистовства, не упіются, они другія и третія прилагають, и не хотящихъ ихъ пити и таковая беззаконія творити заклинають со великими прещеньми; цареви же вопіють: „Се! рене, онъ сиче, и онъ сиче (имя рекше), не хочетъ на „твоемъ пиру весель быти, подобно тебя и насъ осуждаетъ и „насмѣваетъ, аки пѣяницъ, являющъ праведный лицемѣріемъ! „И подобно твои суть недоброхоты, иже съ тобою не согласуютъ и тебя не слушаютъ, и еще Селивестровъ или Алексѣевъ духъ, (сирѣчь обычай), не вышелъ изъ нихъ!“ И иными словесы бѣсовскими множайшими, нежели тѣхъ, многихъ трезвыхъ мужей и мѣрныхъ во жительствѣ добромъ и во нравѣхъ наругаютъ и посрамощаютъ, лююще на нихъ чаши оныя проклятыя, ими же не хотяще упиватися, або отнюдь не могуще, и къ тому имъ смертми и различными мугами претяще, яко и мало послѣди, многихъ того ради погубиша. О! воистину новое идолослуженіе, и обѣщаніе и приношеніе не болвану Аполлонову и прочимъ, но самому Сатанѣ и бѣ-

сомъ его, не жертвы воловъ и козловъ приношаще, влекомыя насиліемъ на заколеніе, но самыя души свои и тѣлеса самовластною волею, сребролюбія ради и славы міра сего, ослѣпше, сіе творяще! И сице первѣе царское честное и воздержальное жительство разоряютьъ, презлые и окаянныя!

Се, царю! получилъ еси отъ шепчущихъ ти во уши любимыхъ твоихъ ласкателей: вмѣсто святаго поста твоего и воздержанія прежняго, пїянство губительное со обѣщанными діаволамъ чашами; и вмѣсто цѣломудреннаго и святаго жительства твоего, нечистоты, всякихъ сквернъ исполненныя; вмѣстожъ крѣпости и суда твоего царскаго, на лютость и безчеловѣчіе подвигоша тя; вмѣстожъ молитвъ тихихъ и кроткихъ, ими же ко Богу твоему бесѣдовалъ еси, лѣности и долгому спанію научиша тя, и по снѣ зїянію, главоболію съ похмѣлья и другимъ злостямъ неизмѣрнымъ и неисповѣдимымъ. А еже восхваляша тя, и возношаша и глаголаша тя царя велика, непобѣдима и храбра: и воистину таковъ былъ еси, егда во страсть Божію жительствоваешь. Егдажъ надуть отъ нихъ и прельщенъ, что получилъ еси? вмѣсто мужества твоего и храбрости, бѣгутъ предъ врагомъ и хороняка... царь великій христіанскій!... предъ бусурманскимъ волкомъ, иже прежде предъ нами мѣста не нашель и на дикомъ полѣ, бѣгая. А за совѣтомъ любимыхъ твоихъ ласкателей и за молитвами Чудовскаго Левки и прочихъ вселукавыхъ мниховъ, что добраго и полезнаго и похвальнаго и Богу угоднаго приобрѣлъ еси? Развѣ спустошеніе земли твоея, ово отъ тебя самого съ кромѣшники твоими, ово отъ предречейнаго пса бусурманскаго,—и къ тому злую славу отъ окрестныхъ сусѣдовъ, и проклятїе и нареканїе слезное ото всего народу? И что еще прегоршаго и срамотнѣйшаго и ко слушанію претягчайшаго: самое отечество твое, превеликое мѣсто и многонародное, градъ Москва, во вселенной славный, сожженъ и потребленъ со безчисленными народы христіанскими внезапно... О бѣда претягчайшая и ко слушанію жалостная! Али не часъ было образумитися и покаятися къ Богу, яко Манасія, и отклонити волю естествен-

наго самовластія по естеству ко своему Сотворителю, испутившему насъ наидражайшею кровію своею, нежели то самовластіе со произволеніемъ самовольнымъ покоряти чрезъ естество супостату человѣческому и внимати вѣрнымъ слугамъ его, глаголю, презлымъ ласкателемъ его?

Еще ли ся не размотришь, о царю! къ чему ты привели человѣкоугодницы? и чѣмъ ты сотворили любимые маньяги твой? и яко опровергли и опроказили прежде святую и многоцѣнную, покаяніемъ украшенную, совѣсть души твоей? И аще намъ не вѣришь, нарицающе насъ туне измѣнниками прелукавыми, да прочтеть величество твое во словѣ, златовѣщательными устами изреченномъ, о Иродѣ, ему жъ начало, (днесъ намъ Іоанново преподобіе!): „Иродова лютость егда „возвѣщалась, смутились внутрення, сердца вострепетали, „зракъ помрачился, разумъ притупился“, или что твердо въ чувствахъ человѣческихъ, егда погубляеть добродѣтели величество злостей множество, и паки мало пониже: „Достойнѣ „убо смущались внутрення, сердца трепетали: понеже Иродъ „осквернилъ церковь, іерейство отнял“, (яко ты аще не Іоанна Крестителя, но Филиппа архіепископа съ другими святыми смутилъ) „чинъ скверно содѣлалъ, царство сокрушилъ; „что было благочестія, что правилъ, что житія, что обычаевъ, „что вѣры, что наказанія — погубилъ и смѣсилъ“. „Иродъ, „рече, мучитель гражданъ, воиновъ, разбойникъ, друговъ спустошитель.“ твоего же величества произобиліе злости! иже не токмо друговъ, но и всея святорускія земли съ кромѣшники твоими спустошеніе, домовъ ихъ грабитель и убійца сыновъ... отъ чего, Боже! сохрани тебя и непусти тому быти, Господи Царю вѣкомъ!... бо уже и то аки на острею сабли висить: понеже аще не сыновъ, но соплеменныхъ и ближнихъ въ роду братью уже погубилъ еси, наполняюще мѣру кровонивцевъ, отца своего и матери твоей и дѣда. Яко отецъ твой и мати, иже всѣмъ вѣдомо, колико погубили: тако жъ и дѣдъ твой, со Гречкою бабою твоею, сына предобраго Іоанна, отъ первыя жены своея, отъ Тверскія княжны свя-

тыя Маріа рожденна, наимужественнѣйшаго и преславнаго въ богатырскихъ исправленіяхъ, и отъ него рожденнаго, боговѣнчаннаго внука своего, царя Дмитрія, съ матерію его святою Еленою, ового смертоноснымъ ядомъ, а того многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ, послѣдиже удавленіемъ, погубиша, отрекшись и забывши любви сродства. И не удовольвса тѣмъ! Къ тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зѣло разумнаго и мудраго, тяжкими веригами въ темницѣ за малые дни удавилъ, и двухъ сыновъ его, отъ сосець матернихъ оторвавши... о умиленно ко услышанію и тяжело ко изреченію! человѣческая злость въ толикую презлость провозрастаема, пачежъ отъ христіанскихъ начальниковъ!... многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ нещадно поморилъ. Князя Симеона жъ, глаголемаго Ряполовскаго, мужа зѣло пресильнаго и разумнаго, влекомаго отъ роду Владиміра, главнымъ посѣченіемъ убилъ. И другихъ братію свою, ближнихъ ему въ роду, овыхъ разогналъ до чуждыхъ земель, яко Верейскаго Михаила и Василя Ярославича; а другихъ, во отроческомъ вѣку еще сущихъ, такоже темничнымъ заключеніемъ, на скверной и проклятой завѣтной грамотѣ... о увъ! о бѣда! ко слышанію тяжело!... заклинающе сына своего Василья, повелѣлъ неповинныхъ погубити неотрочнѣ. Такожъ сотворили и инымъ многимъ, ихъ же, долготы ради писанія, здѣ оставляется. Ко предреченному Златоустову возвращаюся, о Иродѣ пишущу: „окрестныхъ, рече, мужей убійца, напаяюще землю кровію, въ жаждѣ крове содержался“. Сія Златоустый о Иродѣ во словѣ своемъ рече, и прочее.

О царю! прежде зѣло любимый отъ насъ! не хотѣлъ бы малыя сея части презлости твоей изрещи; но преодолень быхъ и принужденъ любовію Христа моего и ревностію любви распалыхся по мученицѣхъ, отъ тебя избѣнныхъ неповиннѣ, братьяхъ нашихъ. Яко и отъ тебя самого не токмо слышахъ, но и видѣхъ и дѣломъ исполняемо, и о семъ, еще аки хвалющесь, глаголаде еси: „Азь, рече, избѣнныхъ отъ отца и „дѣда моего одѣваю гробы ихъ драгоцѣнными аксамиты и

„украшаю раки неповиннѣ избѣенныхъ праведныхъ“ (се! Господне слово сбылось на тебя, къ Жидамъ реченное: *А сего ради, рече, согласуете и соблаговоляете, наполняяще мѣру, дѣлы презлыми, убивство презлости отцевъ вашихъ, и покажете сами себя, сирѣчь свидѣльствуете сами о себѣ, иже есте сынове убійцевъ исповѣдающесь*: а отъ тебя и отъ твоихъ кромѣшниковъ, твоимъ повелѣніемъ, безчисленныхъ убѣенныхъ мучениковъ, кто будетъ украшати гробы и позлащати раки ихъ? О! воистину смѣху достойно, со многимъ плачемъ смѣшенному, и непотребно сіе отнюдь, аще бы было то отъ сыновъ твоихъ дѣйствуемо, которые бы хотѣли, отъ чего Боже сохрани, мѣру твою сохранять. Но яко, а ни Богъ, а ни тѣ избѣенные отъ человѣкоубійцевъ древнихъ того не желали, иже бы неповиннѣ избѣенни были, такъ и отъ сыновъ, произволеніемъ злымъ согласующихъ отцемъ своимъ, не желаютъ сего по смерти, не токмо гробомъ и ракамъ украшаемымъ и позлащаемымъ быти; но и самимъ величаемымъ и похваляемымъ: но праведные отъ праведныхъ, мученики отъ кроткихъ и по закону Божію жительствующихъ, похваляеми и почитаеми быти достоятъ.

А сему уже и конецъ положимъ: понеже и сіе краткое сего ради произволихомъ написати, да не отнюдь въ забвеніе придуть: ибо того ради славныя и нарочитыя исправленія великихъ мужей отъ мудрыхъ человѣковъ исторіями описашася, да ревнують имъ грядущіе роды; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались отъ нихъ человѣцы, яко отъ смертоносныхъ ядовъ, или повѣтрія, не токмо тѣлеснаго, но и душевнаго. Такожъ и мы вкратцѣ написахомъ малую часть, яко прежде многажды рѣхомъ, все оставляюще Божію суду нелицепріятному, хотящему воздати и *сокрушити главы враговъ своихъ, ажъ и до властъ приходящихъ во прегрѣшеніяхъ своихъ*, сирѣчь: отомститъ и наималѣйшую обиду убогихъ своихъ отъ пресильныхъ; и паки той же: *озлобленія ради нищихъ и въздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ*

*Господь: положуся во спасеніе и не обвинюся о немъ; яко индѣ тѣмъ же пророкомъ рекль: помыслимъ еси, рече, беззаконіе, аки былъ бы тебѣ подобенъ; обличю тя и поставлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твои; аки бы рекль: аще не покажетеса о неправдахъ своихъ и о обидахъ убогихъ Закхеевымъ покаченіемъ. А къ тому до наилучшей памяти тамо живущимъ оставлю: понеже азъ, еще во среду бѣды тое презѣльныя, отъидохъ отъ отечества моего; а уже и тогда видѣннаго и слышаннаго о таковыхъ злостяхъ и гоненіяхъ, не могъ бы на цѣлую книгу написать, яко в малѣ и вкратцѣ воспоманухъ о семъ въ предисловію, отъ насъ написанномъ на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую *Новый Маргаритъ*, емужъ начало: „Въ лѣто осмнѣ тысячи, вѣку звѣри-наго, яко глаголетъ во святой Апокалипсіи“, и прочее. Но достоятъ ми убіенныхъ оныхъ безъ правды благородныхъ и свѣтлыхъ мужей, свѣтлыхъ, глаголю, не токмо въ родѣхъ, но и въ общахъ, воспоманути, колико память ми снесетъ, паче же благодать Святаго Духа подастъ, уже во старости немощнымъ тѣломъ сушу, бывшу ми паче же бѣдами и напастями отъ ту живущихъ чловѣковъ всякими ненавистями объяту. Аще что и забудетса, да оставитса ми, молю, отъ острозрительныхъ въ разумѣ, и въ памяти должайшей и неутрудженной сущихъ. Се уже по возможности моей начну исчитати имена благородныхъ мужей и юношъ, паче же, (достойтъ со дерзновеніемъ нарицати ихъ), страдальцевъ и новыхъ мучениковъ, неповинныхъ сущихъ избіенныхъ.*

Г Л А В А VI.

О ПОВІЕНІИ КНЯЖЕСКИХЪ РОДОВЪ.

1560—1573.

Неслыханное гоненіе. Первые казни: друзья и родственники Адашевы. Гибель князей: Д. Овчинина, М. Рѣпина, Ю. и П. Кашиныхъ, Д. Шовырева, Д. Курлетева съ семействомъ, П. Оболенскаго-Серебрянаго, А. Ярославова, В. Курлетева, А. Горбатаго-Суздальскаго съ сыномъ, П.

и М. Ховриныхъ, Д. Ряполовскаго, С., А. и В. Ростовскихъ, В. Темкина съ сыномъ, П. Щенятева съ братомъ, Ф. Львова, И. Шаховскаго, В., А. и М. Прозоровскихъ, И. Пронскаго, В. Рыбина, царскаго брата князя Владимира, съ матерью, женою и двумя младенцами, Н. Одоевскаго и Михаила Воротынскаго.

Скоро по Алексѣевѣ смерти и по Селивестровѣ изгнанію, воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся; и гоненіе воистину такое неслыханное не токмо въ Русской землѣ никогда же бывало, а ни у древнихъ поганскихъ царей: бо и при нечестивыхъ мучителѣхъ христіане, исповѣдающіе вѣровати Христу и богомъ поганскимъ ругающіеся, пмаемы и мучими были, а неисповѣдающихъ и крѣмыхъ внутрь себя вѣру, аще и ту стоящихъ, аще и знаемыхъ, аще и братію и сродниковъ, не имано, а ни мучено. А нашъ новоявленный звѣрь первѣе началъ сродниковъ Алексѣевыхъ и Селивестровыхъ писати имена, и не токмо сродныхъ, но о комъ послышалъ отъ тѣхъ же клеветниковъ своихъ, и друзей и сосѣдовъ знаемыхъ, аще и мало знаемыхъ, многихъ же отнюдь и не знаемыхъ, ихъ богатствъ ради и стяжанія, оклеветавъ отъ тѣхъ, многихъ имати повелѣлъ и мучити различными муками, а другихъ множайшихъ отъ имѣній ихъ и домовъ изгоняти въ дальные грады. А прочтожь тѣхъ мучилъ неповинныхъ? Про то: понеже земля возопіяла о тѣхъ праведныхъ въ неповинномъ изгнанію, нарекающе и кленуще тѣхъ предреченныхъ ласкателей, соблазвившихъ царя; онъ же вкупѣ съ ними, ово аки оправдаяся предо всѣми, ово яко стрегущеся чаровства, не вѣмъ якого, мучити повелѣлъ оныхъ, не одинаго, ни дву, но народъ цѣлъ, ихъ же именъ, тѣхъ неповинныхъ, аже въ тѣхъ мучахъ помроша, множества ради исписати невозможно.

Тогда-то убіенна Марія преподобная, нарицаемая Магдалина, съ пятьми сынами своими: понеже была родомъ Ляховица, потомъ исправилась въ правовѣріе, и была великая и превосходная постница, многажды въ годъ одинаго въ седмицу вкушающи, и такъ во святомъ вдовствѣ провозсіявшая,

яко на преподобномъ тѣлѣ ея носити ей вериги тяжкія желѣзныя, тѣло порабощающе, да духу покорить его; и прочихъ святыхъ дѣлъ ея и добродѣтелей исписати тамо живущимъ оставлю. Оклеветана же предъ царемъ, аки бы то была чаровница и Алексѣева согласница, того ради ее погубити повелѣлъ и со чады ея, и многихъ съ нею: понеже той былъ Алексѣй не токмо самъ добродѣтеленъ, но и *другъ и причастникъ*, яко Давидъ рече, *вспомъ боящимся Господа и сообщникъ вспомъ хранящимъ заповѣди его*, и колько десятъ имѣлъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайне питающе и обмывающе ихъ, многаждыжъ самъ руками своими гной ихъ отирающе.

И тогдажъ убіенъ въ томъ гоненію единъ мужъ Іоаннъ, нареченный Шипкинъ, со женою и съ дѣтками: сродникъ былъ Алексѣевъ и мужъ воистину праведный и зѣло разумный, въ родѣ благороденъ и богатъ. Потомъ послѣ тѣхъ двухъ, або трехъ, убіенни благородніе мужіе: Данило, братъ единоутробный Алексѣевъ, и съ сыномъ Тархомъ, иже былъ еще во младенческомъ вѣку, лѣтъ аки дванадцати, и тестъ Данила онаго, Петръ Туровъ, и Θεодоръ, и Алексѣй и Андрей Сатины, ихъ же была сестра за Алексѣемъ предреченнымъ, и другихъ съ ними. А Петру оному; аки за мѣсяць предъ смертію, видѣніе божественное дивное явилось, проповѣдающе смерть мученическую, (онъ же мнѣ самъ исповѣдалъ); которое ту, краткости ради писанія, оставлю.

Паки убитъ отъ него тогда князь Дмитрій Овчининъ, его же отецъ здѣ много лѣтъ страдалъ за него и умре ту. Сіе выслужилъ на сына! бо еще во юношескомъ вѣку, аки лѣтъ двадцати или малю болѣ, закланъ отъ самаго его руки.

Тогда же убіенъ отъ него князь Михайло, глаголемый Рѣпинъ, уже въ сиглитскомъ сану сущъ. А за чтожъ убіенъ и за якую вину? Началъ пити, съ нѣкоторыми любимыми ласкатели своими, оными предреченными великими, обѣщанными діаволу, чашами, идѣже и онъ по прилучаю призванъ былъ: хотяше бо его тѣмъ аки въ дружбу себѣ присвоити,

и упившись началъ со скоморохами въ машкарахъ плясати, и сущіе пирующие съ нимъ; — видѣвъ же сіе безчиніе, онъ мужъ нарочитый и благородный началъ плакати и глаголати ему: „иже не достоинъ ти, о царю христіанскій! таковыхъ „творити“. Онъ же началъ нудити его, глаголюще: „веселись „играй съ нами“, и взявши машкару класти началъ на лице его; онъ же отверже ю и потопталъ, и рече: „не буди ми „се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину „сущу мужу!“ Царь же, ярости исполнився, отогналъ его отъ очей своихъ, и по коликихъ дняхъ потомъ, въ день недѣльный, на всенощномъ бдѣнію стоящу ему въ церкви, въ часъ чтенія евангельскаго, повелѣлъ воинамъ безчеловѣчнымъ и лютымъ заклати его, близу самага олтаря стояща, аки агнца Божія неповиннаго. И тое же ноци убити повелѣлъ сиклита своего князя Юрья, глаголемаго Кашина, такоже ко церкви грядуща на молитву утреннюю; и закланъ на самомъ празѣ церковномъ, и наполниша помость церковный весь кровію его святою.

Потомъ убіенъ того Юрья братъ, князь Іоаннъ. А сродникъ ихъ князь Дмитрій, глаголемый Шовыревъ, на колѣ посаженъ; и глаголютъ, его день быти жива, и аки не чувши муки тоя лютыя, на колѣ, яко на престолѣ сѣдящъ, воспѣвалъ канонъ изо устъ Господу нашему Іисусу Христу, а другій канонъ благодарственный пречистой Богородицѣ, съ ними же вкушѣ правило немалое, глаголемое акаѣистъ, еже въ немъ замыкается все плотское Божіе смотрѣніе: и по окончанію пѣнія онаго, духъ святыи предалъ Господеви. И тогда же и другихъ княжатъ немало, того же роду побито; а стрія тѣхъ княжатъ Дмитрія, глаголемаго Курлетева, постричи во мнихи повелѣ.... неслыханное беззаконіе!... силою повелѣ всероднѣ, сирѣчь со женою и съ ссущими малыми дѣтками, плачущихъ, вопіющихъ. А полкиихъ лѣтѣхъ, подавлено ихъ всѣхъ. А сей былъ князь Дмитрій мужъ совершенный и нарочитый въ разумѣ стигкитъ, избранныи въ родѣ.

Потомъ убіенъ отъ него Петръ Оболенскій, глаголемый Сребряный, сигклитскимъ саномъ украшенъ и мужъ нарочитъ въ воинствѣ и богатъ. Потомъ того же роду князатъ побіено: Александра Ярославова и князя Владиміра Курлетева, сыновца онаго Дмитрія; и были тѣ оба, паче же Александръ, мужіе воистину ангеломъ подобные жительствомъ и разумомъ: бо были такъ искусны въ книжномъ разумѣ православныхъ догматъ, иже всѣ священныя писанія во устахъ имѣли; къ тому и въ военныхъ дѣлѣхъ свѣтлы и нарочиты, по роду влекомы отъ великаго Владиміра, отъ пленицы великаго князя Михаила Черниговскаго, яже убіенъ отъ безбожнаго Батыя за то, иже боги его насмѣвалъ и Христа Бога предъ мучителемъ, такъ сильнымъ и грознымъ, со дерзновеніемъ проповѣдалъ. Но и тѣ сродницы его, кровію вѣнчавшіеся, приложены суть, пострадавшіе неповиннѣ, къ пострадавшему за Христа, и преставлени мученики къ мученику.

Тогда же убіенъ отъ него князя Суздальское Александръ, глаголемый Горбатый, со единочаднымъ своимъ сыномъ Петромъ, (въ цвѣтѣ возраста, аки въ семнадцати лѣтѣхъ. И тогожь дня убіенъ съ нимъ шуринъ его Петръ Ховринъ, мужъ Грецкаго роду, зѣло благороднаго и богатаго, сынъ подскарбія земскаго; а потомъ и братъ его Михаилъ Петровичъ. О томъ то Александрѣ Горбатою воспоминахъ, пишуци повѣсть о взятю Кязанскомъ: бо тѣ княжата Суздальскіе влекомы отъ роду великаго Владиміра, и была на нихъ власть старшая Русская, между всѣми князаты, болѣе дву сотъ лѣтъ, и владѣлъ отъ нихъ единъ Андрей, княжа Суздальское Волгою рѣкою, ажъ до моря Каспійскаго; тѣхъ же то былъ князатъ Суздальскихъ сродичъ, Нижняго Новгорода отчичъ, славный богатырь въ земляхъ Русскихъ, князь Янъ Тугой-Лукъ: аще бы о немъ по ряду воспоминаути, была бы цѣлая повѣсть рыцарства его; отъ него же, памятамысь и великіе княжата Тверскіе изыдоша, яко лучше о семъ знаменуетъ въ лѣтописной книгѣ Русской. Но и той былъ, новобубіенный Александръ, мужъ глубокаго разума и искусный

зѣло въ военныхъ вещахъ, и къ тому послѣдователь тщали-
вый священныхъ писаній, яко и при самой смерти ихъ ра-
достны и надежны быша, и неповиннѣ отъ него посѣчени,
яко агнцы Бога живаго. И глаголють о нихъ при томъ быв-
шіе и на то зряще: егда уже приведены къ самому посѣще-
нію, тогда, глаголють, сына его, первѣе со потщавіемъ при-
клонивша выю къ мечу, отецъ же возбранивъ ему и рече:
„О чадо превозлюбленное и единородный сыне мой! да не
„узрятъ очи мои отсѣченія главы твоея!“ И первѣе самъ
княжа усѣченъ: младенецъ же оный храбрый, взявъ мучени-
ческую честную главу отца своего, и возрѣвъ на ню, рече:
„Благодарю тя, о царю вѣкомъ, Иисусе Христе Боже нашъ,
„царствующій со Отцемъ и со Святымъ Духомъ! иже сподо-
„билъ еси насъ неповиннымъ убиеннымъ быти, яко и самъ
„отъ богоборныхъ Жидовъ закланъ еси, неповинный агнецъ!
„А сего ради прими души наша въ живодательныя руцѣ
„твои, Господи!“ И сіе изрекши, приклонився подъ оскордъ
ко усѣченію главы своея святя.... Съ таковымъ упованіемъ
и со многою вѣрою ко Христу своему отойдоша.

Тогда, въ тѣ же лѣта, або предъ тѣмъ еще мало, убить,
за повелѣніемъ его, княжа Ряполовское Дмитрій, мужъ въ
разумѣ много и зѣло храбръ, искусенъ же и свидѣтельство-
ванъ отъ младости своей въ богатырскихъ вещахъ: бо не
мало, яко всѣмъ тамо вѣдомо, выигралъ битвѣ надъ безбож-
ными Измаильяны, ажъ на дикое поле за ними далеко хо-
дяще. Се выслужилъ! Главою заплатилъ; отъ жены и дѣтокъ
оторвать и внезапно смерти предати повелѣлъ. Паки побіени
отъ него того же лѣта княжата Ростовскіе Семень, Андрей и
Василій и друзи съ ними. Паки потомъ тѣхъ же княжатъ
Ростовскихъ, иже и здѣсь страдалъ за него, Василій Темкинъ
и со сыномъ своимъ расѣканы отъ кромѣшниковъ его; ка-
товъ избранныхъ, за повелѣніемъ его.

Паки убиенъ княжа Петръ, глаголемый Щенятевъ, внукъ
княжати Литовскаго Патрікія: мужъ зѣло благородный былъ
и богатый, и остава все богатство и многое стяжаніе, мни-

шествовати былъ произволилъ, и нестяжательное, христоподражательное жителство возлюбилъ; но и тамо мучитель мучити его повелѣ, на желѣзной сковрадѣ огнемъ разженной жещи и за ногти иглы бити. И въ сицевыхъ мукахъ скончался. Тако же и единоколѣнныхъ братію его, Петра, Іоанна, князятъ нарочитыхъ, погубилъ.

Въ тѣ же лѣта побиты братья мои княжата Ярославскіе, влекомые отъ роду княжати Смоленскаго, святаго Θεодора Ростиславича, правнука великаго Владиміра Мономаха; имена ихъ были: князь Θεодоръ Львовъ, мужъ зѣло храбрый и святаго жителства, и отъ младости своей, ажъ до чотырнадцатнаго лѣта, служилъ ему вѣрнѣ, многожды надъ поганскими языки свѣтлыя одолѣнія поставлялъ, кровояще руку свою, паче же освящающе во крови бусурманской сущихъ враговъ креста Христова. Другаго князя Θεодора, внука славнаго князя Θεодора Романовича, иже прадѣду того царя, губителя нашего, въ ордѣ будучи, даже еще въ неволѣ были княжата Русскіе у ординскаго царя и отъ его руки власти приимовали, потомъ, за его попеченіемъ, на царство свое возведенъ бысть.... Се такъ службы и добротствованія прародителей нашихъ ко своимъ прародителемъ воспомянулъ и заплатилъ! Княжата наши Ярославскіе никогдаже отъ его прародителей не бывали отступни въ бѣдахъ и въ напастехъ ихъ, яко вѣрные и добротные братія, сущіе по роду влекомы отъ единого славнаго и блаженнаго Владиміра Мономаха. За тѣмъ-то княземъ Θεодоромъ была сестра его за двухъ рожденная, дщи князя Михаила Глинскаго, славнаго рыцаря, его же погубила неповиннѣ мати его, сущаго стрія своего, обличающа ея за беззаконіе. Тако же и другихъ тое же пленицы князятъ не мало погубилъ: единого отъ нихъ своею рукою булавою на смерть убилъ на Невлѣ мѣстѣ, идучи къ Полоцку, реченнаго Іоанна Шаховскаго; и потомъ Василья, Александра и Михаила князятъ, глаголемыхъ Прозоровскихъ, и другихъ князятъ того же роду, Ушатыхъ нареченныхъ, сродныхъ братій ихъ сущихъ, тѣхъ же князятъ

Ярославскихъ роду, погубилъ всенародно: понеже имѣли отчины великія, мноу, негли изъ того ихъ погубилъ. Потомъ Іоанна княжа Пронское, отъ роду великихъ князей Рязанскихъ, мужа престарѣвшагося уже во днѣхъ, и отъ младости его служаща не токмо ему, еще и отцу его много лѣтъ, многажды гетманомъ великимъ бывша и сигклитскимъ саномъ почтеннаго, (послѣди же мнишество возлюбилъ и въ монастырѣ единомъ остриже власы и отрекшися всея суеты міра сего, Христа своего ради), — онъ же такъ муже престарѣвшаго во днѣхъ мнзѣхъ и во старости маститѣи отъ чреды спасенныя извлече и въ рѣцѣ утопити повелѣлъ. И другаго княжа Пронское Василя, глаголемаго Рыбина, погубилъ. Въ той же день и иныхъ не мало благородныхъ мужей нарочитыхъ воинъ, аки двѣсти, избіенно; а нѣцны глаголютъ и вѣще.

Тогдаже убилъ Владимира, стречнаго брата своего, съ матерью того Евфросиньею, княжною Хованскою, яже была отъ роду князя великаго Литовскаго Олгерда, отца Ягайла, короля Польскаго, и воистину святую и постницу великую-во святомъ вдовствѣ и во мнишествѣ провозсіавшую. Тогдаже разстрѣляти съ ручницъ повелѣлъ жену брата своего Евдокію, княжну Одоевскую, такожь воистину святую, и зѣло кроткую, и священныхъ писаній искусную, и пѣнія божественнаго всего навѣкшую, и дву младенцевъ, сыновъ брата своего, отъ тоя святыя рожденныхъ: единому было имя Василій, аки въ десяти лѣтѣхъ, а другій мнѣйшій... Запamятовахъ уже, яко было имя его; но лучше въ книгахъ животныхъ написанъ, приснопамятныхъ, на небесѣхъ, у самого Христа Бога нашего... И иные мнози слуги ихъ вѣрные избіены, не токмо мужи и юноши благородные, но и жены и дѣвицы свѣтлыхъ родовъ и благородныхъ шляхетскихъ.

Потомъ убіенъ славный и между княжаты Русскими Михаилъ Воротынскій и Никита княжа Одоевскій, сродный его, со младенчика дѣтками своими — единъ аки седми лѣтъ, а другій мнѣйшій, и со женою его: всероднѣ погублено ихъ,

*

глаголють; его же была сестра, предреченная Евдокія святая, за братомъ царевымъ, Владиміромъ. А что же сему лавина была князати Воротынскому? Негли тая тоцію: егда, по сожженію великаго славнаго мѣста Московскаго, многонароднаго, отъ Перекопскаго царя и по спустошенію, умиленномъ и жалостномъ ко слышанію, Русскія земли отъ безбожныхъ варваровъ, аки годъ единъ спустя, той же царь Перекопскій, хотяще уже до конца спустошити землю оную и самого того князя великаго выгнати изъ царства его, и поиде яко левъ кровоядецъ, рыкая, розиня лютую пащеку на пожрение христіанъ, со всѣми силами своими бусурманскими: услышавъ же сіе, наше чудо забѣжалъ предъ нимъ сто и двадцать миль съ Москвы, ажъ въ Новгородѣ великій; а того Михаила Воротынскаго поставилъ съ войскомъ, яко могучи, земли оныя спустошенныя и окаянныя бронити поведѣлъ. Онъ же, яко мужъ крѣпкій и мужественный, въ полкоустроеніяхъ зѣло искусный, съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ битву великую сведе; не далъ ему распростертися, а ни на мнѣ воевати убогихъ христіанъ; но біяшеса крѣпцѣ зѣло съ нимъ, и глаголють, колько дней брань она пребывала. И поможе Богъ христіаномъ, благоумнаго мужа полкоустроеніемъ, и падоша отъ воинства христіанскаго бусурманскіе полки, и самого царя сынове два, глаголють, убіени, а единъ живъ изыманъ на той битвѣ; царь же самъ едва въ орду утече, а хоругвей великихъ бусурманскихъ и шатровъ своихъ отбѣжалъ въ нощи. На той же битвѣ и гетмана его славнаго, кровопійцу христіанскаго, Дивія Мурзу изымано жива; и всѣхъ тѣхъ, яко гетмана и сына царева, такъ и хоруговъ царскую и шатры его, послалъ.

Что же воздалъ за сію ему службу? Послушай, молю, прилежно прегорчайшія тоя и жалостныя ко слышанію трагедіи. Аки лѣто едино потомъ спустя, онаго побѣдоносца и оборонителя своего и всея Русскія земли изымати и связанна привести и предъ собою поставити повелѣ; и обрѣтши единого

раба его, окраднаго того господина своего (а мню, научень отъ него: бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ, и велія отчины подъ собою имѣли; а koliko тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ; имъ же онъ зазрѣчи, того ради губилъ ихъ) и рече ему: „Се! на ты свидѣтельствуеть „слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси „на меня бабъ шепчущихъ.“ Онъ же, яко княжа отъ младости своя святый, отвѣщаль: „Не научихся, о царю! и не „навыкохъ отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити; но Бога единого хвалити, въ Троицѣ слави- „маго, и тебѣ, цареви, государю своему, служити вѣрнѣ. А „сей клеветникъ, мой есть рабъ, и утече отъ меня, окравши „мя: не подобаеть ти сему вѣрити и ни свидѣтельства отъ „таковаго пріимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, „лжеклеветущаго на мя.“

Онъ же абіе повелѣ, связанна положи на древо между двѣма огни, жещи мужа, въ роду паче же въ разумѣ и въ дѣлѣхъ, наисвѣтлѣйшаго; и притекша глаголють самого, яко начальнаго ката съ катомъ, мучившимъ побѣдоносца, и подгребающа угліе горящіе жезломъ своимъ проклятымъ подъ тѣло его святое. Такожде и предреченнаго Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣлъ, ово срачицу его пронзивши въ перси его, тамо и овамо торгати: той же въ такихъ абіе мученіяхъ скончался. Онаго жъ преодоулителя славнаго, смученна и изженна огнемъ неповиннѣ, наполю мертва и едва дышуща въ темницу на Бѣлое озеро повезти повелѣлъ; и отвезенъ аки три мили съ того прелютаго пути на путь прохладный и радостный небеснаго восхожденія: ко Христу своему отъиде..

О мужу наилѣпшій и наикрѣпчайшій, и многого разума исполненный! велія и преславная суть память твоя блаженная! Аще негли недостаточна во оной, глаголю, варварской землѣ, въ томъ нашемъ неблагодарномъ отечествѣ; но здѣ и вездѣ, мню въ чуждыхъ странахъ паче, нежеди тамо, преславнѣйшая, не токмо въ христіанскихъ предѣлѣхъ, но и у

главныхъ бусурмановъ, сирѣчь у Турковъ: понеже немало отъ Турецкаго войска на той-то предреченной битвѣ тогда быша, наипачеже отъ Магмета Баши великаго двора мнози быша на помощь послани Перекопскому цареву, и за твоимъ благоразуміемъ всѣ исчезоша и не возвратился, глаголють, ни единъ въ Константинополь.... И что глаголю о твоей славѣ, на землѣ сущей! Но и на небеси, у ангельскаго царя, преславна быша память твоя, яко сущаго мученика и побѣдоносца; яко за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея, обороняюще христіанскій родъ; наипачеже сподобился еси мзду премногую получить, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы, и сподобился еси со всѣми оными великими мученики вѣнцовъ отъ Христа Бога нашего, во царствіи его, яже за его овцы, супротивъ полку бусурманскому, много отъ младости своей храброствовалъ, ажъ безъ мала до шестидесятаго лѣта!...

Тѣ два сице близко сродные между себя отъ мучителя закупъ пострадали: бо и тѣ княжата Воротынскіе и Одоевскіе отъ роду мученика князя Михаила Черниговскаго, закланнаго ото внѣшняго врага церковнаго, Батяя безбожнаго; тако же и сей Михайло, побѣдоносець тезоименитый и оному сродникъ, созженъ ото внутренняго дракона церковнаго, губителя христіанскаго, боящагося чаровъ: бо отецъ его Василій со оною предреченною законопреступною женою, юною сущюю, самъ старъ будучи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію, не хотяще бо властеля быти брата его по немъ: бо пмѣлъ брата Юрья зѣло мужественнаго и добронравнаго, яко и повелѣлъ, заповѣдающе жемъ своей и окаяннымъ совѣтникомъ своимъ, скоро по смерти своей убити его, яко и убіенъ есть. О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Філя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуду провожаху ихъ къ нему лехтущихъ

оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ, по произволенію презлomu, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродилися ему два сына: единъ таковъ прелютый и кровопійца и погубитель отечества, иже не токмо въ Русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но воистину нигдѣже никогдаже, мню: зане и Перона презлаго превзыде лютостію и различными и несповѣдимыми сквернами; паче же, не виѣшній, непримирительный врагъ и гонитель церкви Божіей бысть, но внутренній змій ядовитый, жруще и разтерзающе рабовъ Божіихъ; а другій былъ *безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, такожь, аки дивы, якоі родился.* Ту ми зрите и прилежно созерцайте христіанскіе родове! яже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете, въ предреченной неслыханной лютости разсмотрите! Мнози бо, яко слышавомъ многожды, за мало сіе себѣ ваять и смѣющесь глаголють: „малъ сей грѣхъ, и удобнѣ поканіемъ „исправится“. Азъ же глаголю: не малъ! и воистину превеликъ зѣло, понеже тѣмъ Божію заповѣдь великую во обѣтованію раззоряете: бо Господь глаголетъ: *да не убоишися никого же, а ни послужииши, сирѣчь: ни у кого же помощи не имаша развѣ меня, а ни на небеси горъ, а ни на землѣ низу, а ни подѣ безднами;* и паки: *аще кто отвержется мене предѣ чловѣки, отвержуся и азъ его предѣ отцемъ моимъ небеснымъ.* И вы, забывше таковыя страшныя заповѣди Господа нашего, течете къ діаволу, просяще его чрезъ чаровники! А чары, яко всѣмъ есть вѣдомо, безъ отверженія Божія и безъ согласія со діаволомъ, не бывають. Воистину, яко мню, и се неисцѣлимый грѣхъ есть тѣмъ, иже внимають имъ, и ко поканію неудобенъ: неисцѣльный и того ради, зане за малпй его себѣ мштите; неудобенъ же ко поканію,

понеже безъ отверженія Іудина, чары и относы и смыванія, прежнія ради купѣли, и стиранія союзми ради святаго помазанія, шептанія же скверныя, лютственныхъ ради обѣщаній ко Христу на святомъ крещенію, и относы, приношенія ради на святомъ жертовницѣ у пресвятаго агнца, и безъ согласія, сырѣчь, безъ обѣщанія діаволу и безъ отверженія Христова, яко рѣхомъ, чаровницы сихъ не могутъ дѣйствовать; но всяко діаволомъ, тѣхъ ради всѣхъ, отъ предреченныхъ преалыхъ человекѣвъ согласниковъ діаволихъ умышлено. Господь Богъ нашъ, премногія ради благодати своея, да избавить всѣхъ правовѣрныхъ отъ таковыхъ! Аще же кто таковымъ не внимаєтъ, тому и бояться не подобаєтъ: понеже яко дымъ отъ знаменія честнаго креста исчезаетъ и отъ простыхъ людей вѣрующихъ во Христа, нетокмо отъ искусныхъ христіанъ, доброю совѣстію живущихъ, у которыхъ бывають на сердцахъ скрижалей плотяныхъ написаны заповѣдей Христовыхъ евангельскія слова: о семъ бо и самъ Богъ—Слово свидѣтельствуетъ въ молитвѣ оной, ею же поучалъ ученики свои молитися, при концѣ глаголюще: *яко есть твое царство и сила* и прочее. Блаженный же Златоустъ ясно толкуєтъ въ бесѣдѣ 19, еже отъ Матвѣя евангеліе: „иже нѣсть царство, а ни сила иная, „а ни бояться кого достойтъ христіаномъ, развѣ единаго „Бога, аще и діаволь пѣгдѣ на насъ возмогаєтъ мученьми, „сіе Богу попускающу; а онъ безъ воли Божіей, аще и зло- „радный и прелютый и непримирительный врагъ нашъ, не „токмо на насъ человекѣвъ не возмогаєтъ, ни на свиціяхъ, „ни на воловыхъ стадахъ, ни на другихъ скотѣхъ безъ Бо- „жія воли“. Яково все свидѣтельствуется и во евангеліи. А лѣпѣ, прочитаючи, узрите во ономъ священномъ толкованію златаго языка.

Сихъ, еликихъ памятью моглѣ объяти, написахъ о княжецкихъ родѣхъ.

Г Л А В А VII.

О ПОВІЕНІИ БОЯРСКИХЪ И ДВОРЯНСКИХЪ
РОДОВЪ.

1565—1573.

Казнь: И. Петровича Челяднина съ женою, Ив. Шереметева, Семена Яковлевича, Х. Тютина съ женою и дѣтьми, И. Хабарова съ сыномъ, М. Лыкова, Колычевыхъ, В. Разладина, Д. Пушкина, К. Тыртова, А. Шенна, В. Морозова, Л. Салтыкова съ пятью сыновьями, И. Б. и Ф. Заболоцкихъ, В. Бутурлина, Н. Воронцова, З. Сабурова, А. Кашкарова съ братомъ, В. и Б. Тетериныхъ съ дѣтьми, Д. Чулкова, Басмановыхъ, С. Сидорова, Сабуровыхъ-Сарыкозиныхъ, И. Казарипова, М. Морозова съ сыномъ.

О великихъ пановъ родѣхъ, а по ихъ о боярскихъ, аще елико Господь памяти подастъ, покушусь написать. Убилъ мужа, въ роду свѣтла, Иоанна Петровича, уже въ совершенномъ вѣку бывша; и жену его Марію, воистину святую, погубилъ, у нея же прежде, еще во младости своей, единочадпаго, возлюбленнаго сына отъ нѣдръ оторвавши усѣкнулъ, — Иоанна, княжа Дорогобужскаго, съ роду великихъ князей Тверскихъ, его же былъ отецъ отъ Татаръ Казанскихъ на битвѣ убитъ; а тотъ отрочатко остался у соспу единъ у матери; онажъ во святомъ вдовствѣ своемъ питала его до осмнадесяти лѣтъ; о егожъ убіенію мало прежь воспоминахъ въ кроницѣ пишучи, иже вкупѣ убіени суть съ нарочитымъ юношею стречнымъ братомъ своимъ, съ княземъ Федоромъ Овчининимъ. И такъ на того Иоанна разгнѣвался, иже не токмо слугъ его, шляхетныхъ мужей, всенароднѣ погубилъ и различными муками мучилъ, но и мѣста и села (бо вѣло многи отчины имѣлъ) — все пожегъ, самъ ѣзда съ кромѣшники своими, елико гдѣ обрѣлись, со женами и дѣтками ихъ, ссущими отъ сосцевъ матернихъ, не пощаждѣлъ; наконецъ, глаголють, а ни скота единаго живити повелѣлъ.

Въ началѣ же мучительства своего, мудраго совѣтника своего Иоанна, глаголю Шереметева, о немъ же многожды въ кроницѣ воспоминахъ, мучилъ такою презлою узкою темни-

цею, острымъ помостомъ приправленною, иже вѣрѣ неподобно, и оковалъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и къ тому еще и по чресламъ обручъ толстый желѣзный, и къ тому обручу десять пудовъ желѣза привѣсити повелѣлъ, и въ таковой бѣдѣ аки день и ночь мужа мучилъ. Потомъ пришелъ глаголати съ нимъ; ему же, наполи мертву сущу и едва дышущу, въ таковыхъ тяжкихъ оковахъ и на таковомъ остромъ помостѣ лежашу поверженну, началъ между иными вопросы о семъ пытати его: „Гдѣ, рече, мнози скарбы твои? „скажи ми. Вѣмъ бо, яко богатъ еси зѣло: бо не обрѣтохъ „ихъ, ихъ же надѣялся въ сокровищницахъ твоихъ обрѣсти“. Отвѣщаль Иоаннъ: „Цѣлы, рече, сокровенны лежать, идѣже „уже не можешь достати ихъ.“ Онъ же рече: „Скажи ми о „нихъ, аще ли не муки къ мукамъ приложу ти“. Иоаннъ же отвѣща: „Твори, еже хочещи! Уже бо ми близъ приста- „нище“. Царь же рече: „Повѣждь ми, прошу тя, о скарбѣхъ „твоихъ.“ Иоаннъ отвѣща: „Аще бы и исповѣдалъ ти о нихъ, „яко уже рекохъ, не можешь ихъ одержати: принесохъ бо „ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище, — ко Христу „моему“. И другіе отвѣты зѣло премудрые, яко единъ пре- „мудрѣйшій философъ, или учитель великій, отвѣщаль ему тогда. Онъ же, умилился мало, повелѣлъ отъ тѣхъ тяжкихъ узовъ разрѣшити его и отвести въ легчайшую темницу; но обаче того дня повелѣлъ удавити брата его, Никиту, уже въ сиклитскомъ сану почтенна суща, мужа храбраго и на тѣлеси отъ варварскихъ рукъ немало ранъ имуща. Иоаннъ же потомъ, сокрушенну уже тѣлу, насиліемъ колико лѣтъ проживъ при немъ, оставя послѣднее стяжаніе свое, паче же во убогихъ и въ странныхъ, въ духовную лихву и мздовозда- телю Христу Богу вдавъ вся, во единъ отъ монастырей изыде, во святой и монашескій образъ облечеса. И не вѣмъ, аще и тамъ не повелѣлъ ли уморити его.

Потомъ убиенъ отъ него братъ стрычный жены его, Семенъ Яковлевичъ, мужъ благородный и богатый, также и сынъ его: еще во отроческомъ вѣку, удувленъ. Паки убиени

отъ него мужи Греца роду, именовъ Хозяинъ, нареченный Тютинъ, мужъ зѣло богатый, иже былъ у него подскарбіемъ великимъ, и погубленъ всеродно, сирѣчь со женою и съ дѣтми и со другими южики; такоже и другіе мужи нарочитые и богатые, ихъ же именъ невмѣстно писати, широкости ради: бо о колико тысящей ихъ не токмо въ мѣстѣ Московскомъ великомъ, но и во другихъ великихъ мѣстахъ и во градѣхъ побито.

Потомъ разграбилъ сикклита своего скарбы великіе, отъ праотець его еще собранны, ему же было имя Іоаннъ, по нареченію Хабаровъ, рору старожитнаго, яже нарицалися Добрынскіе. Онъ же мужъ, мало радяще о тѣхъ своихъ сокровищахъ, утѣшашесь Богомъ: понеже былъ мужъ наполи въ книжномъ разумѣ искусенъ. По трехъ же лѣтѣхъ убити его повелѣлъ со одиночаднымъ сыномъ, изъ отчины: повеже великія отчины имѣлъ во многихъ повѣтѣхъ. Въ тѣхъ же лѣтѣхъ убилъ свѣтлаго роду мужа, Михаила Матвѣевича Лыкова, и съ нимъ близняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, въ самомъ наусію, иже посланъ былъ на науку за море, во Ерманію, и тамо навукъ добръ Алеманскому языку и писацію: бо тамъ пребывалъ, учась, немало лѣтъ, и объѣздилъ всю землю Нѣмецкую, и возвратился былъ къ намъ во отечество, и по коликихъ лѣтѣхъ, смерти вкусилъ отъ мучителя неповиннѣ. А той то Матвѣй Лыковъ, отецъ его Михайловъ, блаженныя памяти, созженъ: пострадалъ за отечество тогда, когда возвратишась отъ Стародуба войско Ляцкое и Литовское со гетманъ своими: тогда немало градовъ Сѣверскихъ разориша; Матвѣй же той, видѣвъ, иже не можетъ избавленъ быти градъ его, первѣе выпустилъ жену и дѣтки свои во плѣнъ, потомъ не хотяще самъ видѣти взятые града отъ супостатовъ, и тако броняше стѣнъ градскихъ вкупѣ съ народомъ, иже произволилъ созженъ быти съ ними, нежели супостатомъ градъ сдати. Жена же и дѣти его отведены быша, яко плѣнники, до короля стараго Сигизмунда. Король же во истину, яко сущій святой христіанскій, повелѣлъ ихъ питати

не яко плѣнниковъ, но яко своихъ сущихъ, не токмо питати во своихъ царскихъ палатахъ, но и докторомъ своимъ повелѣлъ ихъ научити шляхетскихъ наукъ и языку Римскому. Потомъ по коликихъ лѣтѣхъ, послы Московскіе великіе, Василій Морозовъ и Ѳедоръ Воронцовъ, въ Краковѣ упростиша ихъ у короля во отечество... глаголю, воистину неблагодарное и недостойное ученыхъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ... идѣже единъ отъ нихъ, Іоаннъ именемъ, изымавъ живъ на битвѣ и уморенъ отъ майстра Лифлянскаго въ прелютой темницѣ: яко достояло мужу ученому, пострадалъ за отечество; а другій, предреченный Михаилъ, былъ остался, и былъ воеводою въ Ругодевѣ: тамъ убиенъ, яко рѣхомъ, отъ онаго мучителя, варварскаго царя. Такъ убо онъ, грубый и прелютый варваръ, не памятуячи отеческихъ и братскихъ служебъ, воздастъ своимъ, свѣтлыми дѣлы украшеннымъ, вѣрнымъ служащимъ ему мужемъ!

Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ: бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголють его быти съ роду князатъ Решскихъ. А побилъ ихъ тое ради вины, иже разгнѣвался зѣло на стрія ихъ, Филиппа архіепископа, обличающа его за презлыя беззаконія, о немъ же вкратцѣ послѣди повѣмъ. И бысть тогда знаменіе не худо отъ Бога явлено надъ единымъ отъ тѣхъ, емужъ имя было Іоаннъ Борисовичъ Колычевъ; чудо же воистину таково, яко слышахъ отъ самовидца, при томъ зрящаго: егда зѣло возъярился, паче же рещи, неистовѣлся отъ непріятельскаго врага чловѣческаго, отъ бѣсовскія сожигательницы раздеженъ, яко прежде рекохъ, ѣздя наливъ мѣста и веси и дворы онаго Іоанна Петровича со живущими въ нихъ: тогда обрѣвъ хранину, глаголють, зѣло высокоу, по ихъ же обыкновенному слову, нарицають ее повалуша, въ самыхъ верхнихъ каморахъ привязати повелѣлъ крѣпко онаго предреченнаго мужа, и якъ подъ тую-то хранину, тако и подъ

другія, близу тоє стоящія, въ нихъ же бѣше полно челоувѣковъ нагнато и затворенно, нѣколико бочекъ пороховъ повелѣлъ поставити: а самъ сталъ издавеча въ полкоустроеніяхъ, вже подъ супостатнымъ градомъ, ожидающе, егда взорветъ хранину. Егдаже уже взорвало и разметало, не токмо тую хранину, но и другія близь стоящія; тогда онъ со всѣми кромѣшники своими, яко воистину бѣснѣйшій съ неистовящимися, со всѣмъ онымъ полкомъ діавольскимъ, всѣ велегласно возопивше, яко па брани супостатовъ, и аки пресвѣтлоє одолѣніє получиша, всѣми уздами конскою скоростію расторганныхъ тѣлесъ христіанскихъ зрѣти поскочиша: бо бѣ множество въ тѣхъ храминахъ, подъ нихъ же порохи подставлены быша, повязаны и затворены бѣше. Тогда же потомъ, далече на полѣ, обрѣтено того Іоанна, единою рукою привязанна ко великому бревну, на землѣ цѣла сѣдяща, а ничѣмъ же ни мало вредима, прославляюще Господа, творяща чудеса; а тамо былъ, растягненнѣй, связанъ руками и ногами. Егда же сіє исповѣдано кромѣшникомъ его, тогда единъ безчеловѣчный и прелютѣйшій устремился и прибѣже прытко на конѣ первѣе къ нему, и увидѣвъ его здрава и псалмы благодарныє Господеви поюща, абіє отсѣче ему саблею главу и принесе ее, аки даръ многоцѣннѣйшій, подобному лютостію цареви своему. Онъ же абіє повелѣлъ въ кожанный мѣхъ зашити и послалъ ее ко стрію его, архієпископу предреченному, заточенному въ темницу, глаголюще: „Се сроднаго твоего глава! Не помогли ему „твои чары!“ Тѣхъ же Колычевыхъ околько десять роду; въ нихъ же бѣша нѣцѣи мужіє храбрѣе и нарочитѣе, и нѣкоторыєжь отъ нихъ и сѣклатскимъ саномъ почтенны, а нѣцѣи стратилаты быша;—а погублены суть всероднѣ.

Потомъ убіенъ отъ него мужъ зѣло храбрѣйшій и разумнѣйшій, и къ тому священныхъ писаній послѣдователь, Василій, глаголемый Разладицъ, роду славнаго Іоанна Родіоновича, нареченнаго Квашни. А глаголють, и мать его Θεодосію пострадавшу, отъ мучителя многими мѣрами мучиму, вдовицу старую сущую, многолѣтнюю, неповиннѣ терпящу. Только три

сына у ней были, мужи зѣло храбрые: единъ, предреченный Василій, а другій Іоаннъ, третій Никифоръ, убиенный на битвахъ еще въ юношескомъ вѣку отъ Германовъ (но всяко, тогда поражены суть Германи); мужіе зѣло быша храбрые и мужественные, и не токмо тѣлеса благолѣпными, но воистину нравы благими преукрашены быша. Тогда же убиенъ отъ него Дмитрій, по нареченію Пушкинъ, такожь мужъ зѣло разумный и храбрый, и уже въ совершенныхъ лѣтѣхъ; единоплемененъ же бѣ Челядинымъ.

Потомъ убиенъ отъ него стратилать славный, Крикъ Тыртовъ по нареченію, мужъ не токмо храбрый, мужественный и священныхъ писаній послѣдователь, но воистину и въ разумѣ много, къ тому кротокъ и тихъ былъ, зѣло всякими благими нравы преукрашенъ, и обычаями добрыми прелюбезенъ, и къ тому,—что еще наилѣпнѣйшаго и дивнаго,—отъ порожденія матери своей, чистъ и непороченъ; въ воинствѣ христіанскомъ знаменитъ и славимъ, понеже многія рани на тѣлеси имѣлъ, на многихъ битвахъ отъ различныхъ варваровъ; младужъ еще ему сущу, храбрѣ юношествовалъ въ Казанское взятіе, и ока единого пострадалъ, презѣльнаго ради и крѣпкаго мужества... Но и такового мучитель кровопійственный не пощадилъ!

Тогдаже, або мало предъ тѣмъ, убиенъ отъ него мужъ благовѣрный, Андрей, внукъ славнаго и сильнаго рыцаря Дмитрія, глаголемаго Шеина, съ роду Морозовыхъ, яже еще вышли отъ Нѣмецъ, вкупѣ съ Рюрикомъ, прародителемъ Русскихъ князатъ, семь мужей храбрыхъ и благородныхъ. Той то былъ Михайло Морозовъ единъ отъ нихъ; а и Дмитрій оный вѣнецъ принялъ мученическій отъ Казанскаго царя Магмедъ-Амина, подвизающагося за правовѣріе. Въ тѣ же лѣта убиени отъ него мужіе, тогожь роду Морозовыхъ, сигклитскимъ саномъ почтенные: Владиміръ единому имя было; много лѣтъ темницею отъ него мученъ, а потомъ и погубилъ его; а другому имя было Левъ, по нареченію Салтыковъ, съ четырьмя або съ пятьма сынами, еще во юношескомъ вѣку цвѣтущими. Нынѣ, послѣди, слышахъ о Петрѣ Морозовѣ, аки

живъ есть; такожь и Лыковы дѣти не всѣ погублены: нѣщцы остались живы, глаголють. Тогда же побіени Игнатій Заболадкій, Богданъ и Ѳеодосій и другіе братія ихъ, стратилаты нарочитые и юноши въ роду благородные; глаголють, иже и со единоплеменными ихъ всероднѣ погублено. И паки побіени Василій и другіе братія его, со единоплеменными своими, Бутурлины глаголемые, мужіе свѣтлые въ родѣхъ своихъ; сродницыжь баше оному предреченному Іоанну Петровичу.

Паки убіенъ отъ него Іоаннъ Воронцовъ, онаго Ѳеодора сынъ, иже во младости своей еще убилъ отца своего Ѳеодора, со другими оными мужи, ихъ же въ кроницѣ пишучи воспоминахъ. Потомъ убіенъ отъ него мужъ велика роду и храбрый зѣло, со женою и со единочаднымъ сыномъ, еще въ отроческомъ зѣву, аки въ пяти или въ шести лѣтѣхъ младенческихъ; а былъ той человекъ роду великихъ Сабуровыхъ, а нареченіе ему было Замятня. Его то отца сестра единоутробная была за отцемъ его Соломонида, преподобная мученица, о ней же первѣе въ книжицѣ сей воспоминахъ.

Побіенижь отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ: Андрей, глаголемый Кашкаровъ, мужъ славный въ знаменитыхъ своихъ заслугахъ, и братъ его, Азарій именемъ, такожь мужъ разумный и во священныхъ писаніяхъ искусный: съ дѣтками погубленъ и братією ихъ (Василій и Григорій, глаголемые Тетерины); и другихъ стряевъ и братій ихъ немало всероднѣ погубити повелѣлъ со женами и съ дѣтками ихъ. Такожде и отъ Рязанскія шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ, и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ и воеводителей, вкратцѣ же рещи, пагубниковъ бусурманскихъ, а обронителей крайнъ христіанскихъ, и ротмистра, нарочитаго въ мужествѣ, Ѳеодора Булгакова съ братіями ихъ и со другими многими единоплеменными, всеродаѣ погублено тогожь лѣта и того единаго дня, въ ново-

ставленномъ градѣ на самомъ Танаисѣ, посланными отъ него прелютыми кромѣшники, у нихъ же былъ воевъ демонскихъ воевода, Ѳеодоръ Басмановъ: самъ же послѣди зарѣзалъ рукою своею отца своего Алексѣя, преславнаго похлѣбника, а по ихъ языку, маньяка и губителя своего и святорусскія земли... О Боже праведный! коль праведенъ еси, Господи! и праведны судьбы Твои! Что братіямъ готоваль, то вскорѣ и самъ вкусилъ...

Тогдаже и того дня онъ убилъ предреченнаго, славнаго въ добротѣ и пресвѣтлаго княжа въ родѣ, Владиміра Курлетева; и тогдаже онъ вкупѣ заклалъ съ нимъ Григорія Степанова сына Сидорова, съ роду великихъ сигклитовъ Рязанскихъ. А той то былъ Степанъ, отецъ его, мужъ славный въ добродѣтеляхъ, и въ богатырскихъ вещахъ искусенъ; служаше много лѣтъ, ажъ до осмидесяти лѣтъ, вѣрнѣ и трудолюбнѣ зѣло имперію святорусской. Потомъ же, аки седмица едина преиде, нападоша на той же новопоставленный градъ поганы Измаильтескіе со царевичи своими, аки въ десяти тысящахъ: христіанскіе же воины сопрошася съ ними крѣпцѣ, бронящася града и убогихъ христіанъ, при томъ градѣ живущихъ, отъ наглаго находенія поганскаго, и въ томъ оброченію подвижающася храбрѣ, овни зѣло уранены, овнижъ, до смерти подвижающася, посѣчени отъ погановъ. И абіе по той битвѣ, аки по трехъ днехъ, предивно и ужасно не токмо ко изреченію, но и ко слышанію случилось тяжко и изумленно нѣчто: абіе внезапно нападоша отъ толь прелютаго звѣра и святорусскія земли губителя, отъ того антихристова сына и стайника, предреченные кромѣшники его на оставшихъ христіанскихъ воиновъ, которые а ни нещеванни были еще остати отъ закланія ихъ и ото Измаильтеска избіенія; прибѣгшихъ ихъ, глаголютъ, во градъ вопіющихъ, яко бѣснующихся, по домохъ и лыстѣхъ рыщущихъ или обтекающихъ и пытающихъ: „гдѣ есть онъ?“ сирѣчь князь Андрей Мещерскій и князь Никита братъ его, и Григорій Іоанновъ сынъ Сидорова, предреченному стрыечный. Служижъ ихъ, пока-

зующе имъ тѣлеса мученическія отъ Измаилтянъ новоизбіенныя: онижъ яко неистовые, уповающе еще ихъ живыхъ, вскочиша въ дома ихъ рѣзати съ мучительскими орудіи уготованными; видѣвше же уже ихъ мертвыхъ, абіе поскочиша со постыденіемъ ко звѣрю сеунчевати сіе.

Такожъ случисася подобно и брату моему единоплеменному, княжати Ярославскому, ему же имя было Андрей, по нареченію Аленкинъ, внукъ предреченнаго княжати преславнаго, Θεодора Романовича: ибо случилося ему бронити единого мѣста или града Сѣверскихъ градовъ отъ нахождения наглого супостатовъ, и застрѣленъ бысть изъ праца огненнаго, и умре на завтрее: а по третьемъ днѣ, прискочиша отъ мучителя кромѣшники заклати его, и обрѣтоша уже его мертва, и поскочиша ко звѣрю сеунчевати. Звѣрь же кровоядный и ненасытный, по смерти святаго подвижника, отчину того и все стяжаніе отъ жены и дѣтокъ отнялъ, преселивши ихъ въ дальнюю землю отъ ихъ отечества, и тамо, глаголють, всероднѣ тоскою погубилъ всѣхъ. Сабуровыхъ же другихъ, глаголемыхъ Долгихъ, и воистину великихъ въ мужествѣ и храбрости, и другихъ, Сарыхозинныхъ, всероднѣ погубити повелѣлъ. Абіе ведено ихъ, глаголють, вкупѣ осмдесять душъ съ женами и съ дѣтьми, яко и младенцы, у сосцовъ ссущіе, въ нѣмотующемъ еще вѣку, на матернихъ рукахъ играющеса, ко посѣченію носими.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, или мало предъ тѣмъ, погубилъ зачнаго землянина, именемъ Никиту, по пареченію Казаринова, и съ сыномъ однороднымъ Θεодоромъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ сущимъ, служащаго много лѣтъ вѣрнѣ имперіи святорусской. А погубилъ его таковымъ образомъ: егда избранныхъ катовъ послалъ изымати его, онъ же, видѣвъ ихъ, уѣхалъ былъ предъ ними во единъ монастырь, на Окѣ рѣкѣ лежащъ, и тамо принялъ на ся великій ангельскій образъ: егдажъ посланные отъ мучителя кромѣшники начаша пытатися о немъ, онъ же, послѣдующе Христу своему, уготовався, сирѣчь принявши святыхъ тайнъ, изыде во срѣтеніе симъ и

рече со дерзновеніемъ: „азъ есмь, сгожь ищите!“ Они же яша и приведоша его связанна предъ него въ кровопійственный градъ, глаголемый Слободу; звѣрь же словесный, егда узрѣлъ его во ангельскомъ чину, абіе возопилъ, „Онъ, рече, ангель: „подобаеть ему на небо возлетѣти.“ И абіе бочку пороху, або двѣ, подъ единъ срубець повелѣлъ поставить, и привязавши тамо мужа взорвати... Воистину злымъ произволеніемъ согласися со отцемъ своимъ, съ сатаною, неволею правду провѣщаль еси прелукавыми усты! Яко древле Кайяфа, бѣсящеса на Христа, неволительнѣ пророчествующе, такожь и ты здѣ, окаянный! реклъ еси, ко восхожденію небесному вѣрующимъ во Христа, паче же мученикомъ: понеже Христось страстію своею, изліяніемъ наидражайшія крови своей, небо вѣрнымъ отворилъ ко возлетѣнію или восхожденію небесному....

И что излишнѣ глаголю? Аще бы писалъ по родамъ и по именамъ ихъ, ихъ же памятую добрѣ, мужей оныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ благородныхъ въ родѣхъ, и въ книгу пишучи, не вмѣстилъ бы. А что реку о тѣхъ, ихъ же памятью, немощи ради челоувѣческія, не объяхъ и забвеніе уже погрузило? Но имена ихъ въ книгахъ животныхъ лучше есть приснопамятны; а ни намнѣйшія ихъ страданія незабвенни предъ Богомъ, издвоздателяемъ благимъ и сердцевидцемъ, тайныхъ всѣхъ испытателемъ.

По тѣхъ же всѣхъ, уже предреченныхъ, убиенъ отъ негожь мужъ въ родѣ славный, его же былъ сиклить избранныя рады, Михайлъ Морозовъ съ сыномъ Іоанномъ, аки въ осминадесяти лѣтѣхъ съ младенцемъ, и со другимъ юнѣйшимъ, ему же имя забыхъ, и со женою его Евдокіею, яже была дщерь князя Дмитрія Вѣльскаго, ближняго сродника Ягайла короля. И воистину, глаголють ее во святомъ жительствѣ пребывающую, якоже послѣди и мученическимъ вѣнцемъ съ мужемъ своимъ и со возлюбленными своими вкупѣ украсилася: понеже вкупѣ пострадала отъ мучителя.

ГЛАВА VIII.

О СТРАДАНИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВЪ.

Добродѣтели св. Филиппа, митрополита Московскаго. Упреки Іоанну. Навѣты. Соборъ судить Филиппа; предаеть мучителямъ; заключаетъ въ темницу. Чудеса. Филиппъ заточень въ Отрочъ монастырь. Мнѣніе современниковъ о смерти его. Извѣстіе о св. Германѣ. Смерть архіепископа Новгородскаго Пимена. Казни въ Новѣгородѣ. Убіеніе Корнилія игумена Печерскаго и Вассіана Муромова. Уставъ опричниковъ. Житіе преподобнаго архимандрита Теодорита. Благочестивыя странствованія его. Клевета и страданія. Путешествіе въ Царьградъ. Милость Іоанна и гнѣвъ за ходатайство его о Курбскомъ.

Не не безбѣдно же ми, мню, умолчати о священномученикахъ, отъ него пострадавшихъ; но достоинъ, яко возможно-вкратцѣ претещи, оставляюще паче тамо живущимъ, свѣдомшимъ и ближайшимъ, паче же мудрѣйшимъ и разумнѣйшимъ. Въ недостацѣхъ же или въ погрѣшенныхъ, молимся простити: рекше моего недостатка грубство наполнити, и елико достоинъ исправленію отъ насъ написанныхъ о страдальцахъ, исправить и мученическіе подвиги преукрасити и облагодѣпити, нежели отъ насъ въ гоненію крыющихся въ дальнихъ земляхъ сущихъ.

По умертвіи митрополита Московскаго Аѳанасія, или по изшествію его волею отъ престола, возведенъ бысть Филиппъ, Соловецкаго острова игумень, на архіепископскій престолъ Русскія митрополіи, мужъ, яко рѣхомъ, славна и велика рода, и отъ младости своея вольною мнишескою нищетою и священнолѣпнымъ жительствомъ украшень, въ разумѣжъ крѣпокъ и мужественнѣйшъ. Егда же епископомъ поставленъ, тогда епископскими дѣлы начать украшатися, паче же апостольски по Бозѣ ревновати. Видѣвъ онаго царя, не по Бозѣ ходяща, всяческими кровьми христіанскими невинными обливаема, всякія неподобныя и скверныя дѣла исполняюща, началъ первѣе *молити благовременнъ*, яко апостолъ великій рече, и *безвременнъ налсжати*; потомъ претяти страшнымъ судомъ

*

Христовымъ, заклинающе, по данной ему отъ Бога епископской власти, и глаголати не стыдяся о свидѣніяхъ Господнихъ такъ прегордому и прелютому, безчеловѣчному царю. Онъ же многу съ нимъ брань воздвиже и на потвари презлые и сикованцы абіе устремился. О неслыханныя вещи, ко изглаголанію тяжки! Посылаетъ по всей святорусской землѣ ласкателей своихъ скверныхъ, тамо и овамо рыщуще и обтячущее, аки волцы разтерзатели отъ прелютѣйшаго звѣря посланные, ищущее и набывающе на святаго епископа изметныхъ вещей; лжесвидѣтелей же многими дарами и великихъ властей обѣщаньями, гдѣ бы обрѣсти могли, тамо и овамо обзирюще, со прилежаніемъ изыскуютъ.

О бѣды превеликія! о неслыханныя и претягчайшія дерзости бѣсовскія! о замышленія человѣческія, безстудіемъ діаволимъ поджигаемаи! Кто слыхалъ гдѣ епископа отъ мірскихъ судима и испытума? яко пишеть Григорій Богословъ въ словѣ о похвалѣ Аѳанасія Великаго, нарекающе на соборъ безбожныхъ Агарянъ: „вже, рече, посаждаху мірскихъ людеи и привождаху предъ тѣхъ на испытаніе епископовъ и пресвитеровъ, имъ же а ни края уха не достойно таковыхъ „послушати“, и прочее. Гдѣ законы священныя? гдѣ правила седьмостолпныя? гдѣ уложенія и уставы апостольскіе? Всѣ поправны и наруганы отъ пресквернѣйшаго кровоядца звѣря и отъ безумнѣйшихъ челоукоугодниковъ его, пагубниковъ отечества!

Чтожъ по сихъ начинается? На святителя держающе, не посылаетъ до патріарха Константинопольскаго, подъ егожъ судомъ Русскіе митрополиты: аще бы были оклеветани отъ кого въ чемъ, нигдѣже индѣ, точію предъ нимъ достойны о себѣ отвѣтъ дати; а ни испрашаеть отъ престола патріаршескаго ексарха на испытаніе епископское. И воистину, бѣсясь на святаго архіепископа, негли забылъ еси повѣсть свѣжую или не зѣло давную, устнами твоими часто провозносимую, о святомъ Петрѣ сущую, Русскомъ митрополитѣ, на приключуюся ему лжеклевету отъ Тверскаго епископа прегордаго?

Тогда услышавше сіе, вси велицы книжата Русскіе не дерзнули разсмотрѣти между епископовъ, или судити священниковъ: бо абіе послали ко патріарху Константинопольскому о ексарха, да разсмотритъ или разсудитъ о семъ, яко пространнѣйше пишетъ въ лѣтописной книзѣ Русской о семъ. Або тебѣ не образъ сіе былъ, о звѣрю кровопійственный! аще ли еси христіанинъ хотѣлъ быти?...

Но собираеть на святителя скверныя свои соборища іереевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сонмище согласниковъ Кайяфиныхъ, и мируеть съ ними, яко Иродъ со Пилатомъ, и приходятъ вкупѣ со звѣремъ въ великую церковь, и садятся на мѣстѣ святѣ.... мерзость запустѣнія!... со главою окруженія ихъ и со трудомъ устенъ ихъ, и повелѣвають... о! смрадящія и проклятыя власти!... привести предъ ся епископа преподобнаго, во священныхъ одеждахъ оболченна, и поставляютъ лжеклеветателей, мужей скверныхъ, предателей своего спасенія... о! коль тяжко п умиленно ко изреченію!... и абіе обдирають святительскія одежды съ него, и катомъ отдають въ руки святаго мужа, отъ младости въ добродѣтеляхъ провозсіавшаго, и нага влекутъ изъ церкви, и посаждаютъ на вола... о! паки окаянный и скверный!... и бичуютъ лютѣ, нещадно, тѣло, многими лѣты удрученное отъ поста, водяще по позорищамъ града и мѣста. Овъ же, боритель храбрый, всякія терпяще, яко не имущій тѣла, хвалами и пѣснями, въ таковыхъ мученіяхъ, Бога благодаряше, безчисленныхъ же народовъ, плачущихъ горцѣ и рыдающихъ, священномученическою десницею своею благословяше.

Согласующій же во всемъ злостію прелютый звѣрь прелютнѣйшему древнему дракону, губителю рода человѣческаго, еще не насытился крови священномученика, а ни удовольился неслыханнымъ отъ вѣковъ безчестіемъ онимъ надъ преподобнымъ епископомъ: къ тому повелѣваетъ его по рукамъ и ногамъ и по чресламъ претягчайшими веригами оковати, и во врещи въ узкую и мрачную темницу мужа смученнаго, престарѣвшагося, въ трудѣхъ мнзѣхъ удрученнаго и немощнаго

уже тѣла суца, и темницу оную повелѣлъ твердыми заклепы и замки заключити, и согласниковъ своихъ въ злости къ темницѣ стражей приставилъ. Потомъ, аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ нѣякихъ посылаетъ къ темницѣ видѣти, аще уже умеръ. И глаголють ихъ нѣцны вшедшихъ въ темницу, аки бы обрѣли епископа отъ тѣхъ тяжкихъ оковъ избавленна, на псалмопѣніяхъ божественныхъ воздѣвша руки стояща, а оковы всѣ кромѣ лежаша. Видѣвшезъ сіе, посланные сигкитове плачуще, рыдающе и припадающе х' колѣномъ его; возвратившижесь скоро къ жестокой и непокоривой оной прегордой власти, пачеже ко прелютому и ненасытному кровоядцу оному звѣрю, вся по ряду ему возвѣщая. Егожъ абіе возопивша, глаголють: „Чары, рече, чары онъ „сотворилъ! неприятель мой и измѣнникъ!“ Тѣхъ же совѣтниковъ видѣвше умилившись о семъ, начать имъ претити и грозити различными муками и смертми; потомъ медвѣдя лютаго, заморивши голодомъ, повелѣлъ ко епископу оному въ темницу пустити и затворити, (сіе воистину слышалъ отъ достовѣрнаго самовидца, на то зрящаго): потомъ на утріе самъ приде и повелѣлъ отомкнути темницу, уповающе съѣденна быти отъ звѣря епископа, и паки обрѣтоша его, благодати ради Божія, цѣла, а ни мало чѣмъ врежденна, тако же, яко и прежде, на молитвѣ стояща; звѣряжъ въ кротость овчюю предложившася, во единомъ углѣ темничномъ лежаша. Оле чудо! Звѣріе, естествомъ люты бывше, чрезъ естество въ кротость прелагаются; человѣцыжъ, по естеству отъ Бога кротцы сотворенны, отъ кротости въ лютость и безчеловѣчіе сомоуластно измѣняются! Егожъ глаголють абіе отходяща, глаголюща: „Чары, рече, творитъ епископъ!“ Воистину нѣкогда тожъ и мучители древніе о творящихъ чудеса мученицѣхъ глаголали.

Потомъ, глаголють, епископа отъ мучителя заведенна во единъ монастырь, глаголемый Отрочъ, во Тверской землѣ лежащій, и тамъ глаголють его нѣцны, пребыша мало не годъ цѣлый, и аки бы посылаеъ до него и просилъ благословенія

его, такожь и о возвращеніи на престолъ его; онъ же, яко слышахомъ, отвѣчалъ ему: „Аще, рече, общаешься покая-
„тися о своихъ грѣсѣхъ и отгнати отъ себя оный полкъ са-
„танинскій, собранный тобою на пагубу христіанскую, сирѣчь
„кромѣшниковъ, або опришниковъ нарицаемыхъ: азъ, рече,
„благословлю тя и прощу, и на престолъ мой, послушавъ тя,
„возвращуся. Аще ли же ни, да будещи проклять въ семь
„вѣцѣ и въ будущемъ и съ кромѣшники твоими кровоядными,
„и со всѣми согласующими тебѣ во злостяхъ!“ И овши гла-
голють его въ томъ монастырѣ удавленна быти, за новелѣ-
ніемъ его, отъ единого прелютаго и безчеловѣчнаго кромѣш-
ника; а друзіи повѣдають, аки бы во ономъ любимомъ его
граду, глаголемомъ Слободѣ, еже кровыми христіанскими ис-
полненъ, созжевна бысть на горящемъ углію. Ащелижъ сиче,
или сиче: всяко священномученическимъ отъ Христа вѣнцемъ
вѣнчанъ, его же измлада возлюбилъ, за негожь и на ста-
рость пострадалъ. По убіеніи же митрополита, не токмо мно-
гихъ клириковъ, но и нехиротонпсанныхъ мужей благород-
ныхъ околько сотъ помучено различными муками и погублено:
бо тамъ есть, въ той землѣ обычай: на церковной землѣ
мнози мужіе благородныя свѣтлыхъ родовъ имѣнія-мають, во
время мирное архіепископомъ служатъ, а егда брань нале-
жить отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску хри-
стіанскомъ бывають которые нехиротонисанны.

И прежде, даже оному Филиппу на митрополию еще не
возведену, умоленъ былъ отъ князя великаго епископъ Ка-
занскій, именовъ Германъ, да будетъ архіепископомъ Русскія
митрополіи: онъ же аще и много возбраняшесь отъ тое вещи,
такъ отъ него, яко и соборнѣ принужденъ къ сему. И уже
аки двадцати въ палатахъ церковныхъ на митрополичьи
дворѣ бывша его, глаголють, но обаче еще восприещаюшася
отъ оныя тяготы великаго пресвитерства, наипаче же подъ
таковымъ лютымъ и неразумнымъ царемъ быти въ томъ сану
не хотяще: и вдался съ нимъ, глаголють, въ бесѣдованіе,
тѣхими и кроткими словесы его наказующе, воспоминающе

ему оный страшный судъ Божій и истязаніе нелицепріятное каждаго человѣка о дѣлѣхъ, такъ царей, яко и простыхъ. По бесѣдованіи же ономъ, отойде царь отъ него во свои палаты, и абіе совѣтъ той духовный любимымъ своимъ ласкателемъ изъявилъ: уже бо слеташася къ нему отовсюду, вмѣсто оныя добрыя избранныя рады, не токмо павѣтники презлые и паразиты прелукавые и блазни, но и татіе, воистину, и разбойницы и всякихъ сквернъ нечистыхъ исполненные чловѣцы. Они же, боящеся, аще бы епископа послушалъ совѣта, абіе бы паки были отогнани отъ лица его и исчезли въ свои пропасти и норы, егда услышавше сіе отъ царя, отвѣщали яко едиными усты: „Боже, рече, сохрани тебя отъ „такого совѣта! Паки ли хочещи, о царю! быти въ неволѣ „у того епископа еще горшей, нежели у Алексѣя и у Сели- „вестра былъ еси предъ тѣмъ много лѣтъ?“ И моляша его со слезами, къ колѣномъ его припадающе, паче же единъ отъ нихъ, глаголемый Алексѣй Басмановъ, съ сыномъ своимъ. Онъ же, послушавъ ихъ, абіе епископа съ палатъ церковныхъ изгнати повелѣлъ, глаголюще: „Еще, рече, и на митрополию не „возведенъ еси, а уже мя неволею обвязуешь!...“ И по дву днехъ обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ онъ Казанскій: овы глаголютъ удушѣнна его тайнѣ, за повелѣніемъ его, овыжъ ядомъ смертоноснымъ уморенна. А былъ той Германъ свѣтла рода чловѣкъ, яже Полевы нарицаются та шляхта по отчинѣ; и бѣ онъ яко тѣла великаго мужъ, такъ и разума многоаго, и мужъ чистаго и воистину святаго жительства, и священныхъ писаній послѣдователь, и ревнитель по Бозѣ, и въ трудѣхъ духовныхъ много; къ тому и Максима философа мало нѣчто отчасти ученія причастенъ былъ; аще же и отъ Осифлянскихъ мниховъ чety произыде, но отнюдь обычая лукаваго и обыкновеннаго ихъ лицемѣрія непричастенъ былъ: но чловѣкъ простой, истинный и непоколебимъ въ разумѣ, и великій помощникъ былъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятымъ, такожъ и къ убогимъ милостивъ зѣло.

Потомъ убилъ архіепископа великаго Новаграда, Пимена. Той-то былъ Пимень чистаго и зѣло жестокаго жительства, но въ дивныхъ былъ обычаяхъ: бо глаголють его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на Филиппа митрополита, а мало послѣди, и самъ смертную чашу испилъ отъ него: бо пріѣхавъ самъ въ Новгородъ великій, въ рѣцѣ его утопити повелѣлъ. И тогдажъ такое гоненіе воздвигъ во ономъ мѣстѣ великомъ, иже, глаголють, одинаго дня посѣщи, и потопити, и пожещи, и другими различными муками помучити больше пятнадцати тысящ мужей единыхъ, кромѣ женъ и дѣтей, повелѣлъ. Въ томъ же тогда прелютомъ пожарѣ убиенъ отъ него Андрей, глаголемый Тулуновъ, съ роду князатъ Стародубскихъ, мужъ кротокъ и благонравенъ, въ довольныхъ лѣтѣхъ былъ; и другій мужъ Цыплетевъ, нареченный Неудача, съ роду князатъ Бѣлозерскихъ, со женою и со дѣтками погубленъ, такожъ былъ благонравенъ и искусенъ и богатъ зѣло; а были тые даны на послуженіе великія церкви Софіи, сирѣчь Премудрости Божіей; и другіе съ ними благородные шляхетные мужи и юноши различнѣ помучени и побіени. И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ: бо въ томъ великомъ старожительномъ мѣстѣ, въ Новѣградѣ, родъ живетъ куплелюбенъ: бо мають отъ самаго мѣста портъ къ морю; сего ради и богати зѣло бывають; подобно, яко мнѹ, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ. Потомъ поставлена другаго архіепископа въ того мѣсто, мужа, яко слышахомъ, нарочита и кротка; но аки по дву лѣтѣхъ, и того повелѣлъ убити со двѣма опаты, сирѣчь игумены великими, або архимандриты. Къ томужъ въ то время множество презвитеровъ и мниховъ различнѣ помучено и погублено.

Тогдажъ убиенъ отъ него Корнилій, игумень, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святой и во преподобію многъ и славенъ: бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіалъ, и монастырь онъ предреченный воздвиже со многими труды и молитвами къ Богу, идѣже и безчисленныя чудеса прежде истекали, благодатію Христа Бога нашего и пре-

чистыя его Матери молитвами, поколь было имѣній ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали; егдажъ мниси стяжанія почали любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси; тогда угасоша божественныя чудеса. И тогда вкупѣ убиенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именемъ, по нареченію Муромцовъ: мужъ былъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголютъ, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ: вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно-мученическія погребены. Потомъ мѣсто великое Иванаграда, еже близу моря стоитъ на рѣцѣ Нарвѣ, выграбивъ все, сожещи повелѣлъ. Такожъ и во Псковѣ великомъ и во иныхъ многихъ градѣхъ многія безчисленныя бѣды, и щещы, и кровопролитія тогда быша, ихъ же порядку исписати невозможно. А всѣмъ тѣмъ служители быша ласкатели его, со онымъ прелютымъ варваровъ полкомъ, нарицаемыхъ кромѣшниковъ, яко и предъ тѣмъ уже многажды о нихъ рѣхомъ: вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстію украшенныхъ мужей, собралъ себѣ со всея тамошнія Русскія земли чловѣковъ скверныхъ и всякими злостыи исполненныхъ, и къ тому еще объязаль ихъ клятвами страшными, и принудилъ окаянныхъ не знатись не токмо со други и братіями, а ни съ самыми родителями, но точію во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣніе исполнати и на таковыхъ и паче тѣхъ прелютыхъ, ко крестному цѣлованію принуждаше окаянныхъ и безумныхъ...

О вселукаваго супостата чловѣческаго умышленія! о неслыханныя презлости и бѣды, паче всѣхъ преступленій чловѣковъ въ пропасть порѣвающе! Кто слыхаль отъ вѣка таковыя, иже Христовымъ знаменіемъ клянущеся на томъ, да Христось гонимъ будетъ и мучимъ? и на томъ крестное знаменіе цѣловати, да церковь Христова растерзается различными муками? и клятись клятвами страшными на томъ, да любовь естественная, отъ Сотворителя нашего въ насъ всажденная, къ родителемъ и ближнимъ и другомъ, расторгнется? Здѣ ми зри

бѣды неслыханныя! Здѣ заслѣпленіе человѣковъ оныхъ! Яко діаволь навелъ ихъ хитролестнѣ Христа отрещись! Первѣе, прельстилъ царя, потомъ уже вкупѣ со царемъ тѣхъ окаянныхъ въ якую пропасть опровергль и навелъ отъ оныхъ обѣтовъ, яже бывають самому Христу на святомъ крещенью, отоврещись сице: еже Христовымъ именемъ кланущись, евангельскихъ заповѣдей отрицатись! А что глаголю евангельскихъ и естественныхъ: яко рѣхъ, которые въ поганскихъ языцѣхъ соблюдаемы и сохраняемы, и сохранитись будутъ и соблюдались, по впоенному въ насъ прирожденію отъ Бога. Во евангеліи учать враговъ любить и гонящихъ благословляти и прочее; естественныя внутри всѣхъ человѣковъ безъ гласа вопіють и безъ языка учать къ родителемъ покореніе, а ко сроднымъ и другомъ любовь имѣти: а діаволь съ клеветомъ своимъ полкъ кромѣшниковъ сопротивъ всѣхъ тѣхъ вооружилъ, и клятвами очаровалъ; и воистину чары, всѣхъ чаровъ проклятые и сквернѣйшіе, надъ человѣческимъ бѣднымъ родомъ стались отъ чаровъ зачатого царя. Господь заповѣдуетъ не пріимати имени своего туне, а ни малѣйшими отнюдь клятвами обязатись свободному естеству существу, сирѣчь а ни небомъ, ни землею, ни главою своею, и прочими не клятись: а тѣ предреченныя кромѣшники, аки забывши, отрекши всѣхъ тѣхъ, сопротивныя пострадаша.

Но что дивитесь, здѣ живущіе издавна подъ свободами христіанскихъ кролей, аки вѣрѣ не подобны бѣды наши, оныя предреченныя, мняще! Воистину, паче вѣрѣ не подобны бы обрѣлися, аще бы всё по ряду исписаль. А сіе писалъ, къ сокращенію трагедіи тоя жалостныя зряще: понеже и такъ едва отъ великія жалости сердце ми не расторглося.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ мужа погубилъ славнаго во преподобіи, и воистину святаго и премудраго, архимандрита саномъ, Феодорита именемъ, о немъ же и о жительствѣ его священномъ вкратцѣ достойтъ вспоманути. Былъ онъ мужъ родомъ отъ мѣста Ростова славнаго, отнюдужъ и святыи Сергій провозрасте и изшелъ тотъ Феодоритъ, въ третьенадесять лѣто

возрасту своего, отъ дому родителей своихъ, и поиде ажъ на Соловецкій островъ въ монастырь, иже лежитъ на Ледовомъ морѣ, и тамъ пребылъ аки лѣто едино; въ четвертоежь-надесять лѣто возраста своего, принялъ на ся монашескій образъ и вдался во святое послушаніе, яко есть обычай монахомъ юнымъ, единому презвитеру святу и премудру и мнѣголѣтну суцу, Зосимѣ именованъ, тезоименитому ученику самого святаго Зосимы Соловецкаго. И послуживъ ему въ послушаніи духовномъ неотступно пятнадцать лѣтъ; тамъ же навиче всякой духовной премудрости, и възде ко преподобію по степенемъ добродѣтелей; потомъ хиротонисанъ былъ отъ архіепископа Новгородскаго діакономъ, и потомъ пребывше аки лѣто едино у старца своего, изыде изъ того монастыря, за благословеніемъ его, на созерцаніе ко славному и великому мужу, чудотворцу суцу, Александру Свирскому, и пребывъ у него яко чистый у чистаго и непорочный у непорочнаго; онъ же принялъ его со провидѣніемъ, внѣ монастыря, во срѣтеніе его изшедше: ибо никогдаже знаеше его, а ни слышавъ о немъ, рече ему: „Сынъ Авраамль, прииде къ намъ, Θεодоритъ діаконь!“ И зѣло любяше его, поколь поживе въ монастырѣ ономъ; потомъ отъ Александра иде ажъ за Волгу рѣку, въ тамо сущіе великіе монастыри, ищуще храбрыхъ воиновъ Христовыхъ, иже воюють сопротивъ началъ властей темныхъ, міродержцевъ вѣка сего; и обходивъ всѣ тѣ обители, вселился въ Кирилловъ великій монастырь: понеже обрѣлъ тамъ духовныхъ мниховъ, Сергія, глаголемаго Климина, и другихъ святыхъ мужей; и тамо пребывъ аки два лѣта, ревнующи ихъ жестокому и святому жителству, умучая и покоряя плоть свою въ порабощеніе и въ послушаніе духа, и оттуды изыде въ пустыни тамошнія и обрѣте тамо божественнаго Порфирія, исповѣдника и первомученика, бывша уже игумена Сергіевы обители, много страдавша мученьми и тяжкими оковами отъ князя великаго, отца того. А что тому страданію святаго Порфирія за вина была, достоинъ вкратцѣ вспомянуги.

Былъ той Порфирій привлеченъ отъ пустыни насиліемъ, за повелѣніемъ князя великаго Московскаго Василя, на игуменство Сергіева монастыря, и случилась вещь въ то время такова: сродника своего ближняго той то прелютый князь Василій (яко обычай есть Московскимъ княземъ издавна желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего), изымалъ тогда брата своего, во крови ближняго, княжа Сѣверскаго Василя, нареченнаго Шемятича, мужа славнаго и зѣло храбраго и искуснаго въ богатырскихъ вѣщахъ, и понстинѣ рещи, пагубу бусурмановъ, яже не токмо отчину свою Сѣверу отъ частаго нахожденія безбожныхъ Измаилтянъ оборонялъ, поражающе ихъ многожды зѣло часто, но и на дикое поле подъ самую орду Перекопскую ходяще многожды, и тамо пресвѣтлыя одолѣнія надъ ординскими цари поставляюще. Се толь преславнаго мужа, во истину побѣдоносца, той то князь Василій предреченный, отъ чародѣйцы Греческія рожденъ, заточилъ въ темницу и тяжкими оковами вскорѣ уморити повелѣлъ.

Въ то время случилось ему во оный Сергіевъ монастырь пріѣхати, на свято великаго пянтикостія, яко тамъ есть обычай Московскимъ княземъ на каждое лѣто того праздника въ томъ монастырѣ торжествовати, аки бы то духовнѣ. Святыи же игумень Порфирій, яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ, началъ просити его и молити о предреченномъ Шемятичѣ, да свободитъ брата отъ темницы и отъ такъ тяжкихъ оковъ. Мучитель же началъ, дыхающе аки огнемъ, претити ему; старецъ же тихо отвѣщаваше и моляше: „Аще, „рече, пріѣхалъ еси ко храму безначальныя Троицы, отъ три- „сіяннаго Божества милости грѣховъ своихъ просити, самъ „буди милосердъ надъ гонимыми отъ тебя безъ правды; аще „ли яко глаголеши, срамотяще насъ, аки бы повинны были „тебѣ и согрѣшили предъ тобою: остави имъ долги малыхъ „динарій, по Христову словеси, якоже и самъ отъ него же- „лаешь прощенія многихъ талантовъ“. Мучитель же абіе изгнати его изъ монастыря повелѣлъ, о немъ же молилъ его,

удавити вскорѣ. Старець же, абіе съ радостію совлекшеса со одеждъ игуменскихъ и отряси прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство Божіе на него, и пріавши свои пустынные одежды худы и раздранныя, пѣшъ, ажъ во оную пустыню потече, отъ младости ему возжелѣвную. Мучитель же, не преставаая потомъ на святаго яростію неистоватися, за оклеветаніемъ нѣкоторыхъ любостяжательныхъ и вселукавыхъ монаховъ, сущихъ человѣкоугодниковъ прескверныхъ, паки святаго мужа изъ такъ дальняя пустыни, ажъ до Москвы, привлеци повелѣлъ и катомъ предавши, различными муками мучити.

Азъ же, бѣды его и мученія всѣ оставя, вкратцѣ едино воспояну, къ концу исторіи тоя поспѣшающа, еже дивнаго сего мужа равноапостольское незлобіе въ память ми приходитъ. Егдажъ уже тогда святой зѣло былъ муками удрученъ, едва живъ отданъ подъ стражу Пашку нѣкоему, по ихъ истопнику или отдвернику, иже мучителю былъ вѣрный катъ или спекуляторъ надъ палачи; егожъ оковалъ онъ веригами тяжкими и къ тому змученнаго мужа голодомъ удручиша, угождаючи и вѣренъ показующися мучителю, хотящему вскорѣ смерть навести: Христосъ же, нашъ царь премилосердый, не оставяше раба своего въ бѣдахъ, женою онаго спекулятора посѣщающе, яже къ нему немалое человѣколюбіе показывала, тайнѣ питаше и раны исцѣляваше, и по немалыхъ днехъ сохранила его на единомъ мѣстѣ, хотяще его отъ узъ свободити, яко да избѣгнути возможеть отъ мучительскихъ рукъ юзникъ Христовъ. И пришедша тогда глаголють мужа ея, и спросилъ жены своей о узнику, порученомъ ему подъ стражу отъ мучителя; она же отвѣчала: „избѣгнулъ, рече, вчера еще, и не вѣмъ о немъ.“ Мужъ же ея, убоявся князя прелютаго, иже поручилъ ему подъ стражу, извлече ножъ и хотяще самъ себя абіе заклати; святой же изъ сокровеннаго мѣста, яко Павелъ апостоль древле стражу темничному, велегласно возопилъ: „Не убивай себя, о господине Павле! (такъ бо оному спекулятору имя было). Здѣ бо „есмы цѣль, и твори со мною, еже хочешь!“ Егдаже прииде

сія повѣсть къ мучителю во уши, и устыдѣвша преподобно-мученика, разрѣшивше отъ узъ, и отпустить его повелѣ. Святый же паки съ радостію, яко Христовъ побѣдоносець, раны мученическія, яко язвы Христовы, вмѣсто цвѣтовъ прекрасныхъ, на тѣлеси святѣмъ носяще, паки въ пустыню свою отойде, и тамо водворилсѣ, по пророку Давыду, глаголющему: *удаляясь отъ мірскихъ мятешей, ждущи Бога спасающаго его.* Яко рѣхъ, оставя другія страданія его тамо живущимъ о житіи его и о преставленіи писати, а мы, яко здѣ странни и пришельцы, ко предреченной краткой повѣсти о преподобномъ Θεодоритѣ возвратимся.

И въ той же пустынѣ жившу ему съ Порфиріемъ, обрѣлъ Артемія, премудраго Іоасафа, глаголемаго Бѣлобаева, и другихъ немало пустынниковъ, мужей святыхъ, нѣкоторыхъ и престарѣвшихся уже во днѣхъ; и тамъ съ ними во трудѣхъ духовныхъ подвизающесе вкупѣ, поживе аки четыре лѣта. Тогда же старецъ его, провидѣвъ свое отшествіе къ Богу, шлетъ къ нему епистолію, просяще, да возвратится къ нему; онъ же съ радостію, яко елень, потече пѣшъ, шествуя такъ должайшій путь, вяще нежели отъ триста миль, по великимъ и непроходимымъ пустынямъ. И пріиде болѣзненными ногами съ таковымъ тщаніемъ и съ охотою: ни во что же вмѣняше многихъ трудовъ и жестокаго и долгаго пути сопротивъ умшленному усердному желанію; и возвращается, творя послушаніе, яко Тимоѳей къ Павлу, и объемлетъ многолѣтнаго святаго старца, лобызаше и цѣлующе пречестнѣйшія сѣдины пресвитерскія, и пребываетъ при немъ, служаще ему въ немощахъ и въ недузѣхъ его, ажъ до смерти старца, аки лѣто едино или мѣсе.

По разлученіюжъ отъ тѣла святаго души его, тѣло пресвитера погребаеть. И вкусилъ и напилсѣ онаго сладости пустынный, якожъ глаголетъ премудрый Метафрастъ, пишучи исторію о святомъ Николаю: „понеже пустыня покой и ума „почиваніе, наилучшая родительница и воспитательница, кле- „вретъ и тишина мысли, и Божественнаго зрѣнія плодovitый

„корень, истинная содружебница съ Богомъ сопряженія ду- „ховнаго.“ А сего ради, разжегся желаніемъ пустыннаго без- молвнаго жительствова, отходитъ въ далечайшую пустыню, въ языкъ глубокихъ варваровъ, Лопарей дикихъ, пловуще вели- кою Колою рѣкою, яже впадаетъ своимъ устьемъ въ Ледови- тое море, и тамо исходитъ изъ кораблеца и восходитъ на горы высокія, ихъ же наречетъ святое писаніе *ребра Стверовы*, и вселяется въ тѣхъ лѣсѣхъ пустынныхъ, непроходимыхъ; по коликихъ же мѣсяцѣхъ, обрѣтаетъ тамо единого старца, пустытника (памятамыя, Митрофанъ бѣ имя ему), пришедшаго во оную пустыню предъ нимъ аки за пять лѣтъ, и пребы- ваютъ вкупѣ въ прегорчайшей пустынѣ, Богомъ храними, пи- тающесь отъ жестокихъ зелій и кореній, ихъ же тамо произ- водитъ пустыня оная. И пребывъ тамо со онимъ предречен- нымъ старцемъ аки двадесять лѣтъ, во святомъ и непорочномъ жительствова, потомъ оба возвращаются во вселенную и прихо- дятъ до великаго мѣста Новаграда, и поставляется отъ Ма- карія архіепископа Θεодоритъ презвитеромъ; потомъ бываетъ и самому архіепископу духовникомъ, и приводитъ тамо немало свѣтлыхъ и богатыхъ гражданъ къ пути спасенному, и не бывше епископомъ, воистину свѣтлаго епископа дѣло исправ- ляетъ. И вкратцѣ рещи: цѣлитъ недужныхъ, очищаетъ про- каженныхъ, не тѣлесы, но душами, возвращаетъ заблужден- ныхъ, подъяюще на рамена и приводяще ко Христу, пер- вому пастырю, уловивше воистину отъ сѣтей діавольскихъ, и источивъ покаяніемъ, усволяетъ и приводитъ чистыхъ къ церкви Бога живаго.

Паки по дву лѣтѣхъ потомъ, приемлетъ отъ богатыхъ нѣ- которыхъ немало сребра въ возложеніе Господеви, и возвра- щается ко оной пустынѣ, уже съ нѣкоторыми другими, и тамо на устію предреченныя Колы рѣки, созидаетъ монастырь и въ немъ поставляетъ церковь, во имя пребезначальныя Троицы. Собираетъ тамъ чреду мнишескую, и правило имъ священное уставляетъ, заповѣдающе имъ обще и отнюдь не- стязательно жительствовати, сирѣчь безымѣнно, своими ру-

ками пищу набывающе, яко рече великій апостоль: *аще кто не ѡтласть, да не ясть*; и паки: *руцѣ мои послужихша ми и суцѣмъ со мною*. Потомъ приходящихъ къ нему оныхъ глубокихъ варваровъ наказуетъ помалу и нудитъ на вѣру Христову: понеже искусень уже былъ языку ихъ; произволившихъ же нѣкоторыхъ оглашаетъ къ пути спасенному и потомъ просвѣщаетъ святымъ крещеніемъ, яко самъ онъ повѣдалъ ми, иже той языкъ Лопскій, который просвѣтеса святымъ крещеніемъ, люди зѣло просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны, ко спасенномужъ пути тщаливы и охочи зѣло, яко послѣди множество отъ нихъ мнишеское житіе возлюбили, за благодатію Христа нашего и за того священными ученіи: понеже науча ихъ писанію, и молитвы нѣкоторыя превель имъ отъ Славенска въ ихъ языкъ.

Потомъ же по лѣтѣхъ немалѣхъ, егда распространяшесь въ томъ языкѣ проповѣдь евангельская, изъявлены бысть чудеса и знаменія нѣкоторыя, яко глаголетъ божественный Павелъ: *знаменіе, рече, не вѣрующимъ, но безвѣрниковъ ради*. Тогда наученныхъ отъ него и оглашенныхъ Лопянь единаго дня крестивашь яко двѣ тысячи со женами и дѣтьми. Сиче онъ блаженный, апостоломъ подобный мужъ, исправилъ во глубокихъ варварѣхъ, за благодатію Христовою, труды своими!

Чтожъ по сихъ начинается? Не терпитъ древній супостатъ чловѣческаго рода, очима завистными зряще, благочестіе возрастаето: разсѣдашеса ненавистію,—и чтожъ творить? Подумаетъ на него новособранныхъ монастыря мниховъ, шепчуще невидимо во уши и глаголюще имъ въ сердце: „Тяжекъ, рече, вамъ и неподъемлемъ! И никтоже можетъ отъ чловѣковъ претерпѣти уставомъ, вамъ преданнымъ отъ него: како можете безъ имѣній жити, своими руками хлѣба добывающе?“ Понеже другую заповѣдь отецъ былъ Феодоритъ предаль имъ изъ уставу Соловецкихъ Зосимы и Савватія: „къ тому не токмо женъ намъ, а ни скота единаго отнюдь женскаго полу не имѣти тамо!“ Сего ради сложившеса со діаволомъ, мниси оныя взнеистовишася: имають старца святаго и бють нещадно,

и не токмо изъ монастыря извлекають, но и отъ страны тоя изгоняють, аки врага нѣкогого. Онъ же поиде отъ тѣхъ пустынь по неволѣ во вселенную, и бываетъ игуменомъ во единомъ маломъ монастырѣ, въ Новгородской землѣ лежащемъ, и тамо аки два лѣта пребылъ. Потомъ возвѣстилъ о немъ Артемій премудрый цареви: ибо тогда былъ игуменомъ великимъ Сергіева монастыря; царь же абіе призываетъ къ себѣ его, и поставляется отъ архіепископа архимандритомъ Евфиміеву монастырю, иже близу великаго мѣста, Суздаля лежитъ. Тамъ оное достоинство того великаго монастыря управляетъ лѣтъ четыре, або пять. Понеже и тамъ обрѣлъ зѣло необузданныхъ мниховъ и своевольно, не по уставамъ и святымъ правиломъ, живущихъ, ихъ же ұздаеть и возтязаетъ страхомъ Божиимъ, наказующи по великому Васильеву уставу жителъствовати; къ тому не токмо мниховъ, но и самого епископа Суздальскаго, за сребролюбіе и піанство, напоминаетъ и обличаетъ: понеже былъ мужъ не токмо въ разумѣ и премудрости многъ, но и отъ рожденія своего чистъ и непороченъ; къ тому и трезвость по вся дни живота своего храняше. И сихъ ради, яко глаголетъ Златоустый, сопротивяся правдѣ неправда, милосердію лютость, воздержанію невоздержаніе, трезвости піанство, и прочее; того ради ненавидяше его яко мниси, такъ епископъ градскій.

Въ тѣхъ же тогда лѣтѣхъ возрастоша плевелы между чистою пшеницею спасенія ради, отъ піанства многога пастырей нашихъ, сирѣчь отроды ересей Люторскихъ: явишася лясѣима (хулы) на церковныя догматы; митрополить же Русскій, за повелѣніемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще изтязати ихъ о расколѣхъ ихъ, џнижъ церковь возмушчали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Завольскихъ: бо и тамо прозябоша оная руганія. И началось было сіе дѣло исперва добрѣ, но въ конецъ злыи проиде, сего ради: иже восторгающе плевелы, исторгали съ ними и чистую пшеницу, по Господню словеси; къ тому и тѣхъ раскольни-

ковъ, иже были достойни исправленію пастырскому, сотвориша надъ ними немилосердіе и прелютное мученіе сице, яко мало напредѣ нами слово изъяснить.

Егда видѣвше любостыжательные, всякаго лукавства исполненные мнихи приводимыхъ отъ Завольскихъ предреченныхъ пустынь и отъинуды раскольниковъ; тогда оклеветаютъ преподобнаго и премудраго Артемія, бывшаго игумена Сергіева монастыря (уже бо онъ отшелъ въ пустыню, и царя не послушавъ, отъ того великаго монастыря, многого ради мятежу и любостыжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ), аки бы онъ причастенъ и согласникъ былъ въ нѣкоторыхъ Люторскихъ расколахъ; такожь и на другихъ мвиховъ, по великаго Василя уставу живущихъ нестыжательно, неповиннѣ лжеклеветууть. Тогда абіе царь нашъ и съ преуродивыми епископы, отнюдь неискусными, увѣрилъ имъ и собралъ соборище, отовсюду совлече духовнаго чину тамошнихъ, и повелѣлъ привести изъ пустыни, оковавши, преподобнаго мужа Артемія, тако честнаго и премудрости исполненнаго, не поставя очевидца, а ни на судѣ еще бывша, и другаго старца нарочита, въ жительствѣ нестыжательномъ провозсіявша и писаніямъ священнымъ искуснаго, Савву именемъ, по нареченію Шахъ. Егдаже собрано соборище оно и поставлены и изязаны раскольницы о руганію ихъ на церковные догматы; тогда между ими Артемія изязано и вопрошено; онъ же, яко неповинный, со всякою кротостію отвѣщаваше о своемъ правовѣрію; лжеклеветниковъ же, паче же реку сикованцовъ, вопрошено о доводѣ: онижъ подали свидѣтелей мужей скверныхъ и презлыхъ. Старецъ же Артемій отвѣщаль, иже не суть достойны свидѣтельствовати; они же пакѣ подали Феодорита Соловецкаго, архимандрита суца Суздальскаго, и другаго старца славнаго во преподобію Іоасафа Бѣлобаева, аки бы тѣ слышали хульныя словеса отъ Артемія. Егдаже тѣ нарочитые мужіе на свидѣтельство поставлены, тогда обличили навѣтника главнаго, Нектарія, мниха, ложнѣ клеветущаго, Артеміяжъ оправдаша, яко отнюдь неповиннаго, паче же во всякомъ преподобію про-

*

возсіявшаго. Тогда епископъ Суздальскій онѣй, пьяный и сребролюбный, по ненависти первой, глагола: „Ѳеодорить, рече, давный согласникъ и товарищъ Артеміевъ; негли и самъ „еретикъ есть: понеже съ нимъ во единой пустынѣ немало „лѣтъ пребылъ.“ Царь же нашъ, напамытуючи, иже Артемій зѣло похваляетъ Ѳеодорита предъ нимъ, абіе увѣрилъ, яко пьяный пьяному и вредоумный вредоумному: понеже къ тому и ненависть на него имѣлъ, иже не послушалъ его и не хотѣлъ больше быти на игуменствѣ въ монастырѣ Сергіевѣ. Нѣдци же епископи оправдавше его, вѣдуще его быти мужа нарочита. Тогда же царь съ митрополитомъ своимъ, угоджающе ему во всемъ, и со другими, яко рѣхъ, неискусными и пьяными епископы, вмѣсто исправленія и духа кротости, яко оныхъ расколниковъ не наказуютъ любезно, но со всякою яростию и лютостію звѣрскою, въ заточеніе въ дальніе грады, въ узкія и темныя темницы отсылаютъ окованныхъ; такожде и преподобнаго, оковавши веригами желѣзными, бьютъ неповиннаго святаго мужа, и отсылаютъ ажъ на Соловецкій островъ, въ вѣчное заточеніе, на смерть; и того предреченнаго мниха Савву такожь въ заточеніе на смерть отсылаютъ къ Ростовскому владыцѣ Никандру, въ піянствѣ погруженному. И запровадивши Артемія на Соловки, вмещутъ зѣло въ узкую келью, не повелѣвающе ему дати ни малаго утѣшенія отнюдь: гоняше бо на того епископы богатые и міролюбивые, такъ и оныя всѣлукавыя и любостыжательныя мниси, анже бы не токмо не былъ въ Русской землѣ онъ мужъ, но иже бы и имя его не именовалось. А то сего ради: прежде бо его царь зѣло любяше и многажды бесѣдоваше, поучаяся отъ него; онижь боящися, да не паки въ любовь ко царю придетъ и укажетъ цареви, иже яко епископи, такъ и мниси съ начальники своими законопреступно и любостыжательно, не по правиламъ апостольскимъ и святыхъ отецъ живутъ; сего ради вся сія творяху, держающе и исполняюще такъ презлыя дѣла свои на святыхъ, да покроютъ злость свою и законопреступленіе: понеже тогда и другихъ неповинныхъ мужей помучиша различ-

ными муками, навчающе на Артемія клеветать; иже добровольнѣ не возмогоша навести ихъ, негли мукъ не претерпѣвши, нѣчто произнесутъ. Таковъ въ нынѣшнемъ вѣдѣ, пачежъ въ оной землѣ презлыи и любостязательный лукавства исполненъ мнишескій родъ! Воистину всякихъ катовъ горщи: понеже къ лютости вселукавъ зѣло. Но къ предреченной повѣсти о Теодоритѣ возвратимся.

Тогдажъ онъ, блаженный, мужъ неповиннѣ пострадалъ отъ лжеспивателей, наипаче же отъ того-то епископа Суздальскаго, піянаго и сребролюбиваго, иже клеветаше вкупѣ нанъ со мнихи монастыря Евфимьева, яко имуще нанъ ненависти, предреченныя ради вины. Но аще и многія замыкаяху нанъ сикованціи, но не можаху ни единого приткнути, но обаче, яко они вселукавыи мниси искусны тому, въ неволю отослаша его въ монастырь Кирилловъ, въ немъ же той епископъ Суздальскій прежде игуменомъ былъ, да тамъ ученицы его отомстятъ ему прежнюю ненависть епископа. Онъ же егда тамъ завезенъ былъ, и видяще его тамъ живуціе мниси, нарочитые и доброжителныи мужіе, яже не суть вѣдомы о лукавомъ совѣтѣ и о презломъ дѣлѣ ихъ, вседушнѣ рады ему бывше: видяще бо его мужа издавна во преподобію и святынѣ многа; и о семъ паче лукавыи мниси завистію расѣдаеми были, видѣвъ мужа отъ наилѣпшихъ и святыхъ мнихомъ почитаема, и вяще прилагаху ему руганіе и безчестіе. И пребылъ святыи у нихъ аки полтора лѣта, въ таковыхъ бѣдахъ претерпѣвающе.

Потомъ пишеть къ намъ, сыновомъ своимъ духовнымъ, изъясляючи намъ отъ тѣхъ вселукавыхъ мниховъ нестерпимую скорбь свою; мыжъ, колико насъ собравшеса, ситклитскимъ саномъ почтенныхъ, приходнымъ съ тѣмъ къ архіепископу Макарію, сказующе ему сіе по ряду. Онъ же, услышавъ и устыдѣвся яко нашего сана, такъ и мужа святости, (понеже и ему былъ онъ духовникъ), и даетъ скоро эпистолїи свои во онъ монастырь, повелѣвающе отпустити мужа и жителствовати ему свободнѣ, идѣже хоцетъ; онъ же, изъ

Кириллова изшедъ, вселися въ мѣстѣ въ Ярославлѣ, въ монастырѣ великомъ, идѣже лежитъ во своемъ мѣстѣ князь Феодоръ Ростиславичъ Смоленскій, и тамо пребылъ аки лѣто едино или два.

И призываетъ его царь къ себѣ, яко мужа искуснаго и мудраго, посылаючи его посломъ ко патриарху Константинопольскому, просяще благословенія о коронаціи и о такомъ благословеніи и о вѣнчаніи, имъ же и яковымъ чиномъ цесари Римскіе сущіе христіанскіе отъ папы и отъ патриарховъ вѣнчаемы были; онъ же, повелѣнія царева послушавъ, уже во старости и въ немощномъ тѣлѣ, обаче поиде съ радостію на такое посольство. И ходилъ тамо и сѣмо вяще, нежели годъ, многи на пути бѣды и труды подъялъ, таможе и огненнымъ недугомъ въ Константинополю аки два мѣсяца объять былъ; но и ото всѣхъ сихъ благодатію Божіею избавленъ, возвратився здравъ и принесе со благословеніемъ соборнымъ посланіе отъ патриарха ко царскаго сана возведенію великому князю нашему; а потомъ и книгу вскорѣ царскаго величества всю патриархъ прислалъ къ нему со своими послы до Москвы, съ митрополитомъ единымъ и со мнихомъ презвитеромъ Противсаломъ, иже нынѣ митрополитомъ Адрианонопольскимъ есть. Но и къ тому глаголють: святому мужу оному самъ патриархъ удивлялся, яко прислухался реченія и бесѣдованія его премудраго, такъ и жительства его умѣреннаго и священнолѣпнаго.

Князь же великій, обрадовавшися патриаршескаго посланія благословенію, даритъ Феодорита тремястами серебрянниками великими и кожухомъ драгихъ соболей подъ аксамитомъ, и къ тому якою властію духовною, аще бы онъ хотѣлъ; онъ же, мало усмѣхнувся: „Вся, рече, азъ, царю! повелѣнія твоего „послушахъ и исполнихъ, еже заповѣдалъ ми еси, не вмѣняя „ни мало во старости моей трудовъ о семъ; но довольство „ми и се за мздовоздаяніе, иже отъ апостольскаго намѣстника, великаго архіепископа, сирѣчь патриарха вселенска, „благословеніе пріяхъ. А яко даровъ, такъ и власти не по-

„требую отъ твоего величества: даруй ихъ тѣмъ, иже просятъ отъ тебя и потребуютъ; азъ яко сребренники, такъ и драгоцѣнными одеждами не обыкохъ наслаждаться, а ни ими украшати: паче же отрекохся всѣхъ таковыхъ въ началѣ постриженія власовъ моихъ; но доброту душевную, благодати духа внутрь украшати тщуся. Но точію сего прошу, да съ покоемъ и со безмолвіемъ въ кельѣ до исшествія моего да пребуду!“ Царь же нача молити его, да не обезчеститъ сану царскаго и да возьметъ сіе; онъ же, повинувся мало, взялъ отъ трехъ сотъ сребренникъ точію двадесять и пять, и поклонився по обычаю, и изыде отъ лица царева. Царь же повелѣ и кожухъ оный послати за нимъ и положить во хранилѣ, идѣже онъ обиталъ тогда; Феодоритъ же кожухъ той продавъ, яко и пенязи нищимъ абіе разда; потомъ полюби жити въ монастырѣ, иже близу великаго града Вологды, егожъ создалъ святыи Димитрій Прилуцкій. А то мѣсто Вологда отъ Москвы лежитъ сто миль, на пути ѣдучи ко Ледовому морю на порту.

И забывши ненависть оныхъ нечеловѣколюбныхъ мниховъ, съ Вологды, такъ дальній путь, не лѣнився посѣщати ихъ въ монастырю, отъ него созданномъ, ажъ до дикія Лопи два кратъ ѣздяше при мнѣ, отъ Вологды до Колмогоръ рѣками плавающе, о двѣсти миль, а отъ Колмогоръ Двиною рѣкою великою до моря, а моремъ до Печенги другія двѣсти миль, иже нарицается Мурманская земля, идѣже живетъ Лопскій языкъ, таможе и Кола, рѣка великая, въ море впадаетъ, на ея же устьѣ монастырь оный созданъ отъ него. Воистину сіе удивленія достойно: въ такой старости и такіе неудобные и жестокіе пути претерпѣлъ, лѣтомъ плавающе ему по морю, зимою же на пруткошественныхъ еленяхъ ѣздяще по непроходнымъ пустынямъ, посѣщающе дѣтей своихъ духовныхъ, яко мниховъ оныхъ, такъ и Лопяновъ, наученныхъ и крещенныхъ отъ него, пекущеса о спасенію душъ ихъ, въ невѣрныхъ сѣюще проповѣдь евангельскую и размножающе благочестіе, врученный ему отъ Христа Бога талантъ, во

языцѣ ономъ глубокихъ и грубыхъ варваровъ, не шадяще ни старости и немощнаго тѣла, сокрушеннаго многими лѣты и великими труды. Здѣ ми зри, полувѣрне! лицемѣрный христіанине! умягченный, раздроченный различными наслажденьями! яко храбри еще обрѣтаются старцы въ православной христіанской землѣ, во правовѣрныхъ догматѣхъ воспитанные: чѣмъ престарѣются и изнемогутъ тѣломъ, тѣмъ храбрше ревность по благочестію полагаютъ и острозрительнѣйшіе и пріятнѣйшіе ко Богу бываютъ.

А якое было бы о томъ предреченномъ святомъ Θεодоритѣ удивленіе, аще бы вся по ряду исписалъ добродѣтельныя его дѣла и предивныя, ихъ же азъ единъ елико могу памятати! Что возглаголю о томъ, яковыя онъ имѣлъ дарованія отъ Бога, сирѣчь дары духа: силы исцѣленія, даръ пророчествія, даръ мудрости, яко грѣшники уловляти отъ презлыхъ дѣлъ діаволихъ и наводити на путь покаянія и приводити отъ нечестія и многолѣтнаго древняго невѣрія въ вѣру Христову поганскіе народы? А что бы реклъ и яко бы изглаголалъ о восхищенію его въ самыя обители небесныя, и о видѣніяхъ его неизреченныхъ, ими же Богъ посѣтилъ его? понеже еще въ тѣлеси тлѣнномъ суще, безтѣлесными и невестественными почтенъ достоинствы и аероплавательными хожденіи. А якову тоу мужъ тахость и крогость мноую имѣлъ, и яковыя наказанія премудрыя, и въ гощеніяхъ предивныя и наисладчайшія бесѣдованія и пользуетельныя апостолю-подобныя вѣщанія, егда случалось ему бесѣдовати къ сыновомъ духовнымъ, ихъ же нѣкогда и азъ недостойный многожды причастенъ былъ тѣхъ священныхъ ученій! Еще къ тому немало ко удивленію: яко умѣлъ онъ и искусенъ былъ цѣлить согнившія и остарѣвшія неисцѣльныя раны, сирѣчь презлыя дѣла въ человекѣхъ обыкновенныя многими лѣты! Яко премудрые глаголють, иже многолѣтныя обыкновенія, отъ младости утвердившіяся во человекѣскихъ душахъ, во естество обращаются, и неплохо или неудобъ заглажаемы бываютъ: таковыя онъ умѣлъ ветхія гнусности и нечистыя

злости расторгати и искореняти отъ душъ человѣческихъ, и нечистыхъ и скверныхъ существъ очищати и просвѣщати, и ко Господу усвояти многимъ покаянiемъ и слезами, и самымъ дiаволомъ запрещати силою святаго Духа, по данной ему отъ Бога власти презвитерской, да къ тому ни наступитъ, а ни дерзнетъ паки и осквернить покаявшихся душъ человѣческихъ. Сiе воистину не токмо отъ достовѣрныхъ мужей слышахъ, но и очима видѣхъ и надъ самимъ собою искусивъ бывшее и приключившееся мнѣ благодѣяние многое отъ его святости: понеже исповѣдникъ мнѣ былъ и премногу зѣло любовь ко мнѣ имѣлъ; такожъ и азъ къ нему многогрѣшный по силѣ моей любовiю и службою простирался.... О мужу наилѣпшiй и наикрѣпчайшiй! мнѣ превозлюбленнѣйшiй и пре-наисладчайшiй! отче мой и родителю духовный! коль ми люто и скорбно отъ зрѣнiя нечестнѣйшихъ сѣдинъ твоихъ разлученну бывшу!

Чтожь таковый превосходный мужъ получилъ во отечествѣ своемъ неблагодарномъ, отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя? То: нѣцы глаголють, аки бы воспоминалъ нѣчто о мнѣ ему; онъ же, глаголють, восклеталъ яко дивiй вепрь, и воскрешеталъ неистово зубами своими, и абiе повелѣлъ такового святаго мужа въ рѣцѣ утопити. И сiце прiялъ мученичества вѣнецъ и получилъ второе крещенiе, его же и Господъ нашъ Иисусъ Христосъ по крещенiю Иоанновѣ возжелѣлъ, яко самъ рече: „Коль, рече, желаю чашу сiю пити и „крещенiемъ симъ креститись!“ А нѣцы глаголють о скончанiю его, приходящiя ото оныя земли, аки бы тихою и спокойною смертiю о Господѣ почилъ онъ святой мужъ. Азъ же истиннѣ не могъ достаточнѣе вывѣдаться о смерти его, аще и со прилежанiемъ о томъ вывѣдався; яко слышахъ отъ нѣкоторыхъ, тако и написахъ, въ странствѣ будучи, и долгимъ разстоянiемъ отлученный и туне отогнанный отъ оныя земли любимаго отечества моего.

А еже всѣхъ по ряду не написахъ о немъ: яко выше рекохъ, ово ко краткости исторiи зряще, ово здѣ живущихъ

грубыхъ и въ духовныхъ отнюдь неискusstныхъ, къ тому и маловѣрныхъ ради чelовѣковъ; и аще Богъ поможетъ, и обрѣщемъ нѣкоторыхъ духовныхъ мужей, желающихъ сего, тогда мало нѣчто вспоманемъ о предивныхъ видѣнiяхъ его и о пророчествiяхъ и о чудесѣхъ нѣкоторыхъ, яко духовные духовнымъ на пользу повѣдающе. „Тѣлесные бо, яко рече „апостоль, не приѣмлютъ еже отъ духа: понеже не вмѣщаютъ, „затворяюще волею утробы свои, и глупство видится имъ, „еже о духовныхъ глаголемое: понеже въ тѣлесныхъ вещахъ „со прилежанiемъ обрацуются, а о духовныхъ не радятъ; „паче же а ни разумѣти хотятъ“.

ГЛАВА IX.

ЗАКЛЮЧЕНIЕ.

Срѣвненiе Iоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними.

И нынѣ, скончавающе исторiю новоизбiенныхъ мучениковъ, да похвалимъ по силѣ нашей, елико можемъ. И кто бы, умъ здравъ имѣюще, возбранялъ ихъ похвалити? Развѣ бы кто гнуснаго, и лѣниваго, и лютаго, и неистоваго ума былъ. Речеть кто негли: „мученики царей нечестивыхъ, и идоломъ „не послужили, и предъ лютыми мучители единаго Бога „исповѣдали, и сего ради различныя муки претерпѣли и „смерти строгiя подъяли, радующеся, за Христа Бога“. Сiе воистину и азъ вѣмъ; но и тѣ новоизбiенные отъ лютаго и безчеловѣчнаго царя: аще онъ Богу мнится и вѣровати и служити въ Троицѣ славиму, и крещенiемъ просвѣщенъ былъ; но Бога единаго и дiаволи вѣдятъ, въ Троицѣ же славимаго и икономахи и другiе мучители исповѣдали, но такожь и тѣ множество мучениковъ и исповѣдниковъ предълютыми мучеными помучили за Христа: бо былъ крещенъ и Фока мучитель и цесаремъ Римскимъ и Грецкимъ; но обаче, безчело-

вѣчія его ради, мучитель нареченъ есть. Азъ же реку нѣчто поистинѣ дерзостиѣйше: положилъ бы нѣкто два драконы ядовитыхъ и видѣлъ ихъ одинаго внѣ, а другаго внутрь: которагожь бы удобнѣе было устрещися, внѣшняго или внутренняго? Ктобы прѣлъ, иже внѣшняго! Тако царіе быша прежніе мучители нечестивые идолослужители, болваномъ глухимъ и нѣмымъ жертву приносяше и бояшесь тѣхъ боговъ новыхъ, ихъ же не подобаше боятися, по реченному: *убояшесь страха, идѣже не бѣ страха*, и быша оны церкви Христовы явственныя и внѣшніе непріатели. Но новый нашъ, на внѣшній, но воистину внутренній драконъ, не болваномъ служити повелѣлъ, а ни жертвы приносити имъ; но первѣе самъ самого діавола волю исполнилъ, возненавидѣлъ узкій и прискорбный путь, покаяніемъ ко спасенію приводящъ, и потекъ съ радостію по широкому и пространному пути, водящему въ погибель, яко и самимъ намъ многажды слышавшимъ ото устъ его: егда уже былъ развратился, тогда во слухъ всѣмъ глаголалъ: „едино, рече, предъ себя взяти, или здѣшнее или тамошнее!“ сирѣчь или Христовъ прискорбный путь, или сатанинъ широкий.

О безумный и окаянный! забылъ еси прежде себя царей царствовавшихъ, и въ новомъ и въ ветхомъ завѣтѣ, паче же прародителей твоихъ, князатъ Русскихъ святыхъ, ходящихъ по Христову узкому пути, сирѣчь мѣрнѣ и воздержнѣ живущихъ; но обаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ въ покаянію былъ немало лѣтъ и добрѣ царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси и прельстился отъ ласкателей; тогда таковыя словеса отрыгнулъ еси, избравши себѣ пространный антихристовъ путь, и отринувъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравши войско діаволе, сирѣчь полхлѣбниковъ, и отовсюду злодѣевъ, во всѣмъ согласующихъ злостемъ твоимъ, нарицающесь церковникомъ, погналъ церковь Божию... и яко погналъ! и коль страшно и прелютно! иже рещи и выписать не возможно! (Яко напереді мало рѣхомъ, но обаче мало нѣчто и отчасти о томъ гоненію въ пред-

реченныхъ изъявлено). Не нудилъ жертвы приносить болваномъ, но діаволомъ вкупѣ съ собою согласовати повелѣвалъ, трезвыхъ во пїанствѣ погружаться нудилъ, отъ негоже всѣ злія возрастають; не Крону жрети и дѣти закалати, но отрекшись естества, сирѣчь отца и матери и братїй, рѣзати человѣковъ по составомъ повелѣлъ, яко и Басманова Теодора принудилъ отца убити, и Никиту безумнаго Прозоровскаго—Василїя, брата своего, и другихъ многихъ; не предъ Афротидовымъ болваномъ блудотворенїя и нечистоты плодити, но на явственнѣйшихъ своихъ скверныхъ пированїяхъ пресквернѣйшіе глаголы со восклицанїемъ и со вопїанїемъ отрыгати; (а что по томъ послѣдовало, дѣлы исполняемая скверности и нечистоты, сіе совѣсти ихъ пуцаю лучше вѣдати); не въ Бахусову звѣзду поставленному болвану пїанствующе и безчинствующе, ни праздникъ его во едино время и въ годъ сіе творя; но весь цѣлый вѣкъ свой,—егда возненавидѣлъ воздержательное житїе,—тысящу кратъ горше, нежели оныя поганы, Бахуса почитающе, пїанствующе и безчинствующе, крови христіанскїя на проклятыхъ пированїяхъ проливающе нехотящихъ согласовати ему въ таковыхъ: яко единъ мужъ храбрый посреди пиру обличилъ его предо всѣми, емужъ было нареченїе Молчанъ Митновъ. Егда нудимъ былъ отъ него предреченными оными великими, діаволу общальными, чашами пити; тогда велегласно возопивша глаголють его и рекаша: „О царю! „воистину яко самъ пїешь, такъ и насъ принуждаешь окаляныхъ, медъ съ кровїю смѣшанный братїй нашихъ, правовѣрныхъ христіанъ, пити!“ Онъ же, абїе возгорѣвся гвѣвомъ великимъ, кошемъ, еже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяше, абїе рукою своею пробилъ его и внѣ храмины лютымъ кромѣшникомъ повелѣлъ извлести его, едва дышуща, и добыти. И сїце исполнилъ помость полаты кровїю, посреди проклятаго пиру. Едали и сей мужъ не мученикъ, воистину свѣтлый и знаменитый побѣдоносець!

Христіанскїй, речешъ, царь? И еще православный, отвѣщаю ти: христіановъ губилъ и отъ православныхъ человѣковъ

рожденныхъ и ссущихъ младенцевъ не пощадилъ! Обѣщался, речешь, Христу на крещеніи, отрекшися діавола и всѣхъ дѣлъ и всѣхъ ангель его? Реку ти паки: поправши заповѣди Христа своего и отвергшися законоположенія евангельскаго, егда не явственно обѣщался діаволу и ангеломъ его, собравши воинство полковъ діавольскихъ и учинивши надъ ними стратилаты окаянныхъ своихъ ласкателей, и вѣдый волю Царя Небеснаго, произвелъ дѣломъ всю волю сатанинскую, показующе лютость неслыханную, никогда же бывшую въ Русіи, надъ церквою живаго Бога! Не боится, а ни ужасается новыхъ боговъ? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится чаровъ, сирѣчь стараго и древняго Веліара, научившися и вѣдуще, иже знаменіемъ честнаго креста всеужасіе попирается и изгоняется. Къ тому, не яко ли у мучителей древнихъ различныя орудія мученій, такожь и у нашего новаго? не сковрады ли и печи? не бичеваніе ли жестокое и ногти острѣе? не клещи ли разженныя, торганія ради тѣлесъ человѣческихъ? не иголь ли за ногти біеніе и рѣзаніе по составомъ? не претренія ли вервми наполи не токмо мужей, но и женъ благородныхъ, и другіе безчисленные и неслыханныя роды мукъ, на неповинныхъ произведенные отъ него?... Еще ли не мучитель прелютый!...

Окаянные и вселукавыя пагубники отечества, и тѣлесоядцы, и кровопивцы сродникъ своихъ и единоплеменныхъ! поколь маете безстыдствовати и оправдати такого човѣко-разтерзателя? О прелюбимыя и достохвальныя святыя мученики, новоизбѣенныя отъ внутренняго змія! за добрую совѣсть вашу пострадаете, и мало здѣ претерпѣвши и очистившися прехвальнымъ симъ крещеніемъ, чисти къ пречистѣйшему Христу отойдете мзды трудовъ воспріяти! Едали тѣ много не потрудишася? едали тѣ не добрѣ пострадаша, не токмо христіанъ убогихъ отъ варваровъ въ землѣ своей обронующе, но и царства кровопивственныя бусурманскія цѣлыя мужествомъ храбрости своея разориша и съ самими цари ихъ безвѣрными, и предѣлы расшириша царства христіанскаго ажъ до Каспій-

скаго моря и окрестъ, и грады тамо христіанскіе поставиша, и святые олтари воздвигоша и многихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ приведоша?

И что возглаголю о распространенію границъ на другія страны, служаще цареви своему и общей вещи христіанской вѣрнѣ, и яковую мзду здѣ получиша отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя! Едали Христось не воздасть имъ и не украситъ вѣнцы мученическими таковыхъ, яже обѣщаль и за чашу студеныя воды отдати мзду? А сего ради, воистину, будутъ ѣздити или плавати на облацѣхъ во срѣтеніе Господне въ первомъ воскресенію, яко рече Богословъ въ Апокалипсисѣ: *блаженъ, рече, иже получитъ часть въ первомъ воскресенію*, и Павелъ: *яко бо о Адамъ вси умирають, тако и о Христѣ вси оживуть; койжедо во своемъ чину: начатокъ Христось, сирѣчь пострадавшихъ: воскресе первый въ нетлѣнномъ тѣлеси, начальникъ воскресенію за него пострадавшихъ; потомъ Христу вѣровавшіе во притествіе его, сирѣчь во второе, егда со ангелы явятся, потомъ кончина, сирѣчь антихристово убіеніе и общее всѣхъ воскресеніе.* „Тогда, рече Солмонъ, станетъ во дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ мучителя“, рекше, очевидѣ съ мучившимъ его, або со обидѣвшимъ, тогда, глаголю, и тѣ послѣдніе мученики, со древними страстотерпцы и побѣдоносцы, встрѣтятъ Христа своего, среди аера отъ превыспреннихъ небесъ грядущаго со всѣми ангелы своими, на избавленіе ихъ: ониже отъ земли многими и великими полки, яко небопарный Павелъ глаголетъ, восхищены будутъ на облацѣхъ во срѣтеніе Господне на воздухѣ, и тамо всегда съ Господемъ будутъ. Ихъ же и насъ да сподобитъ, по премногой благодати своей, а не по нашимъ дѣламъ, Господь нашъ Іисусъ Христось, истинный Богъ, емужъ слава со безначальнымъ Отцемъ и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II. ПЕРЕПИСКА
КНЯЗЯ А. М. КУРЬСКАГО
СЪ
ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

I.
ЭПИСТОЛІЯ ПЕРВАЯ
КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРЬСКАГО.
П И С А Н А
къ
ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МОСКОВСКОМУ,
ПРЕЛЮТАГО РАДИ ГОНЕНІЯ ЕГО.

Курбскій укоряетъ Іоанна въ побіеніи бояръ и воеводъ, въ оклеветаніи вѣрныхъ подданныхъ; спрашиваетъ, чѣмъ провинились они; говоритъ о своемъ собственномъ гоненіи, о необходимости покинуть отечество; упоминаетъ о своихъ побѣдахъ и ранахъ; грозитъ никогда не возвращаться въ Россію; намекаетъ на распутную жизнь царскихъ любимцевъ и совѣтуетъ удалить главнаго наушника.

Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшесюся. Разумѣвай да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не поустыхъ моему языку; гоненія же ради пре-

горчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и разводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предаль еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровями праги церковныя обагрить еси? и на добротныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствами и иными неподобными оболгаючи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму предлагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанскій предстателю? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубля насъ? Или безсмертенъ, царю! мниши? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуяся *изтязати ихъ и до власъ прегрѣшенія*, яко же словеса глаголютъ? Онъ есть Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычества во превѣсокихъ, судитель между тобою и мною.

Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлѣхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіяся отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объять быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишень быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголи, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя ни-

коеяжъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, якоже вода пролитая за тя, воцѣтъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смысляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаюся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никогого же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела Господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чуждимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тебѣ сотворихъ. И сіе ни во единомъ лѣтѣ, ни во дву, но въ довольныхъ лѣтѣхъ. Потрудихся со многими поты и терпѣніемъ; и всегда отечества своего отстояхъ, и мало родшія мя зрѣхъ и жены моя не познавахъ; но всегда въ далекоконечныхъ градѣхъ, противъ враговъ твоихъ, ополчахся и претерпѣвахъ нужды многія и естественныя болѣзни, имъ же Господь мой, Іисусъ Христосъ свидѣтель. Паче же учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно уже язвами все тѣло имѣю; но тебѣ, царю! вся сія аки ничто же бысть, но развѣ нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче розженныя печи, являешь къ намъ.

И хотѣхъ рещи всѣ по ряду ратныя дѣла мои, ихъ же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего; но сего ради не изрекохъ, зане лучше Богъ вѣсть, нежели человекъ: онъ бо есть за всѣ сія мздовоздаатель, и не токмо, но и за чашу студеныя воды; а вѣмъ, яко и самъ ихъ не не вѣси. И да будетъ ти, царю! вѣдомо къ тому: уже не узришь, мню, въ мѣрѣ лица моего до дня преславнаго явленія Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о семъ: до скончанія моего буду непрестанно вошѣати со слезами на тя пребезначальной Троицѣ, въ нея же вѣрую, и призываю въ помощь херувимскаго владыки матеръ, надежду мою и заступницу, владычицу

Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранныхъ Божіихъ, и государя моего праотца, князя Феодора Ростиславича, иже цѣло купно тѣло имѣеть, во множайшихъ лѣтѣхъ соблюдаемо, и благоуханія, паче аромать, отъ гроба испущающе и благодатию святаго Духа струи исцѣленія чудесь источающе, яко же ты, царю! о семъ добрѣ вѣси.

Не мни, царю! не помышляй насъ суемудренными мыслями, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ безъ правды; не радуйся о семъ, аки одолѣниемъ тощимъ хваляся: избіенные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и ночь! Аще и тѣмами хвалишися въ гордости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу, иже ты подвижутъ на Афротидскія дѣла и дѣтми своими паче Кроновыхъ жердцовъ дѣйствуютъ. И о семъ, даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложить, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Иисуса Христа. Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ, милостию его государскою, паче же Богу ми помогающу.

Слышахъ отъ священныхъ писаній, хотяща отъ діавола пущена быти на родъ христіанскій губителя, отъ блуда зачатого, богоборнаго антихриста, и видѣхъ нынѣ сигклита, всѣмъ вѣдома, иже отъ прелюбодѣянія рожденъ єсть, иже днесъ шепчетъ ложное во уши царю и льеть кровь христіанскую, яко воду, и выгубилъ уже сильныхъ и благородныхъ во Израили, аки согласникъ дѣломъ антихристу: не пригоже такимъ потакати, о царю!

Вольмаръ.

II.
ПОСЛАНІЕ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
І О А Н Н А В А С И Л Ь Е В И Ч А
ВСЕЯ РОССІИ
ко
КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРВСКОМУ,
ПРОТИВЪ ЕГО, КНЯЗЯ АНДРЕЕВА, ПИСЬМА, ЧТО ОНЪ
ПИСАЛЪ ИЗЪ ГРАДА ВОЛМЕРА.

Изложивъ свои права на престолъ, Иоаннъ упрекаетъ Курбскаго въ намѣреніи быть Ярославскимъ государемъ, въ согласіи съ измѣнниками, въ ложномъ благочестіи, въ строптивости; стыдитъ его примѣромъ Шибанова. Разбираетъ въ посланіи его слова: а) *совѣсть проказеннан*; б) *православіе пресвятлоє*; с) *сопротивный разумъ*; д) *пресвятлыя победы*. Объясняетъ права и обязанности государя, духовенства и вельможъ. Доказываетъ историческими примѣрами бѣдствія народовъ отъ азовластія. Укоряетъ своихъ бояръ; перечисляетъ измѣны Курбскихъ. Возражаетъ на обвиненіе въ казни воеводъ, въ мученіи невинныхъ, въ оболганіи вѣрныхъ. Разсказываетъ бѣдствія вности своей: а) измѣну Бѣльскаго, Ляцкаго, князя Андрея, Львова; б) погубленіе крамольниками вѣрныхъ бояръ; с) наглость Шуйскихъ; д) расхищеніе казны; е) междоусобныя войны; ф) пожаръ Московскій; г) убіеніе Глинскаго; h) бунтъ черни. Исторія Алексѣя Адашева и іерея Сильвестра. Коварство ихъ и власть надъ царемъ. Вины ихъ: а) дружились съ измѣнниками; б) подстрекали бояръ къ самовольству; с) раздавали помѣстья боярскимъ дѣтямъ; д) ввели въ царскую думу князя Курблева; е) не давали царю ни власти, ни воли; ф) обходились съ нимъ надмѣнно; г) награждали непослушныхъ царю; h) везли его, какъ плѣнника, въ Казанскую землю; і) хотѣли возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго; к) ненавидѣли царицу Анастасію Романовну; л) защищали измѣнника князя Семена Ростовскаго; м) судили царя съ бояриномъ Сицкимъ; н) не хотѣли войны Ливонской; о) не радѣли о здравіи царицы Анастасіи. Удаленіе Адашева и Сильвестра. Милостивое наказаніе строптивыхъ.—Царь снова разбираетъ письмо Курбскаго: что значить *сѣтъ и тѣма, горькое и сладкое*? Уличаетъ его свидѣтельствомъ св. Григорія. Излагаетъ свое православіе. Смѣется надъ *бранною храбростію* Курбскаго. Приписываетъ своей прозорливости и дѣятельности всѣ успѣхи Русскаго оружія. Обвиняетъ воеводъ и особенно Курбскаго въ лѣности, въ

*

намѣреніи отступить отъ Казани при первой неудачѣ, въ опрометчивости и грабежѣ при взятіи сего города. Упоминаетъ о безуспѣшности Крымскихъ походовъ, о пораженіи Шереметева. Укоряетъ Курбскаго въ нерадивой войнѣ съ Ливонцами, въ строптивости, въ безразсудномъ желаніи быть царскимъ наставникомъ; уличаетъ въ ереси Саддукейской. Бесѣдуетъ съ нимъ о гордости. Снова винитъ бояръ; упрекаетъ ихъ въ самовольствѣ, въ смерти Θεодосія, епископа Коломенскаго, и казначея Фупикова. Смиѣется надъ угрозами и укоризнами Курбскаго; доказываетъ, что его не гнали, а честили выше всѣхъ предковъ, что онъ напрасно хвалится *пролитіемъ крови*, что самъ царь проливалъ кровавыя слезы за себя, за царицу и за дѣтей. Спрашиваетъ, какими побѣдами хвастаетъ Курбскій? не въ Казанской ли землѣ, гдѣ вмѣсто виновныхъ, онъ губилъ невинныхъ, не подѣ Тулою ли, гдѣ вмѣсто преслѣдованія Крымцевъ, обѣдалъ у воеводы, или подѣ Невлемъ, свидѣтелемъ его пораженія Литовцами? Возражаетъ на угрозу не показывать царю лица своего до Страшнаго Суда; вѣруетъ, что Богъ не приметъ его жалобъ. Свидѣтельствуетъ, что въ Россіи нѣтъ ни гонимыхъ, ни мучимыхъ, ни Кроновыхъ жертвъ, и что Курбскій, намѣреніемъ взять съ собою въ гробъ свою грамоту, отступилъ отъ христіанства и лишился права на церковное отпѣваніе. Въ заключеніе, не хочетъ болѣе тратить словъ съ безумнымъ.

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святыи Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана бысть единопороднаго слова Божія Иисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная херугвія и крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестіи царю Константину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православія, и понеже смотрѣнія Божія слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, якоже орли летаніе отекше, даже искра благочестія дойде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостоинѣйшую честь воспріемшу, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хвалямъ достой-

наго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ законнѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія,— даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость, происпешую на насъ, еже не попусти доселѣ десницѣ нашей единоплемянною кровію обагриться: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ; сего православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства, многими владычества владыющаго, повелѣніе, нашъ же христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христіанства и нашего содержанія боярину и совѣтнику и воеводѣ, нынѣ же преступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христіанскому, и ко врагомъ христіанскимъ слугатаю, отступльшимъ Божественнаго иконнаго поклоненія и поправшимъ вся священныя повелѣнія, и святыя храмы разорившимъ, осквернившимъ и поправшимъ со священными сосуды и образы, яко же Исавръ, и Гноетезный, и Арменскій, сямъ всѣмъ соединителю,—князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ, вѣдомо да есть.

Почто, о княже! аще мнишися благочестіе имѣти, едиородную свою душу отвергль еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ приобрящещи, послѣди смерть всяко восхититъ тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси? Аще убоялся еси смерти, по своихъ бѣсѣхъ и вышнихъ друзей и назирателей ложному слову: и вси, якоже бѣси на весь міръ, такоже и ваши извольшіе быти друзи и служебники, насъ же отвергшеса, преступивше крестное цѣло-

ваніе, бѣсовъ подражающе, на многообразные ми воды всюду сѣти поляцающе, ѿ бѣсовскимъ обычаемъ на всяческія назирающе, мняше насъ яко безплотныхъ быти, и отъ сего многія сшивающе поношенія и укоризны на насъ, и весь міръ позорующихъ и къ вамъ приносящихъ,—вы же имъ воздаяніе много за сіе злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами;—отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна яда смертоносна, и възъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разореніе стали есте. Не мни праведно, на челоуѣка възъярився, Богу приразитися: ино бо челоуѣческо есть, аще и порфиру носить, ино же божественное. Или мниши, окаянне! яко убрежешися? Никакоже! Аще ти съ ними воевати: тогда и церкви ти разорати, и иконы попирати, христіановъ погубляти; аще же гдѣ и руками не дерзнеши, но мыслію яда своего смертопоснаго много сея злобы сотвориши. Помысли же, како браннымъ пришествіемъ мягкая младенишна удеса конскими ногами стираема и разтерзаема! Егда же убо зимѣ належати, сія наипаче злоба совершается. И сіе убо твое злобѣсное умышленіе, како не уподобится Иродову неистовству, еже о младенцахъ убивство показа! Сіе ли мниши благочестіе, еже сицевая зла творити? Аще множае насъ глаголеши воюющихъ на христіанъ, еже на Германы и Литаоны: ино нѣсть сіе. Аще бы христіане были въ тѣхъ странахъ, и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаемъ, яко же и прежь сего многажды случалося; нынѣ вѣмы, въ тѣхъ странахъ нѣсть христіанъ, развѣ малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. Къ семужь и Литовская брань учинилася вашею же извѣною и недоброхотствомъ и нерадѣніемъ безсовѣстнымъ.

Ты же, тѣла ради, душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія, нелѣпотную славу приобрѣлъ еси, и не на челоуѣка възъярився, но на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, отъ каковы высоты и въ какову пропасть душею и тѣломъ шель еси! Сбытсѣ на тебѣ реченное: *и еже имѣя*

мнитса, взято будетъ отъ него! Се твое благочестіе, еже самолюбія ради, погубилъ еси, а не Бога ради! Могуть же разумѣти тамо сущія, разумъ имущія, твой злобный ядъ, яко славы желая мимотекущія и богатства, сіе сотворилъ еси, а не отъ смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но приобрѣтеніе? Послѣди всяко умерти же! Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отреченія смертнаго, по твоихъ друзей, сатанинскихъ слугъ, злодѣйственному же солганію: се убо явственнаго есть ваше измѣнное умышленіе отъ начала и донынѣ! Почто и апостола Павла презрѣлъ еси? яко же рече: *Всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется: никакая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится.* Смотри же сего и разумѣвай, яко противляйся власти, Богу противится; и аще кто Богу противится, сіи отступники именуются, еже убо горчайшее согрѣшеніе. И сіе же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровью и бранью пріемлютъ власть: разумѣй же вышереченное, яко не восхищеніемъ пріяхомъ царство, тѣмъ же наипаче, противляяся власти, Богу противится. Тако же, яко же индѣ рече апостоль Павелъ, иже ты сія словеса презрѣлъ еси: *Раби! послушайте господей своихъ, не предъ очима точию работающе, яко челоукоугодници, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть: се бо есть воля Господня, еже благое творяще, пострадати!*

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволивъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ поспралъ еси, уподобился еси къ сѣмени падающему на камени, и возрастшему, и возсіявшу солнцу со зносемъ, абіе словесе ради ложнаго, соблазнилъ еси, и отпалъ еси и плода не сотворилъ еси; а по ложныхъ

словесѣхъ убо, подобно на путь падающему, сотворилъ еси; еже убо вѣру и врагъ изъ сердца твоего восхитилъ есть и сотворилъ тя во всей волѣ ходити. Тѣмъ же и вся Божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣвають чадомъ отцемъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры. И аще убо сіе отъ отца твоего, діавола, воспріемъ, много ложными словесы соплетеша, яко „вѣры ради живъ Господь Богъ мой, „жива душа моя“, яко не токмо ты, но и всѣ твои согласники и бѣсовскіе служители не могутъ въ насъ сего обрѣсти. На се же уповаемъ, Божія Слова воплощеніемъ и пресвятыхъ его матери, заступницы христіанскія, милостію и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему отвѣтъ дати; но и противу поправшамъ святыхъ иконы, и всю христіанскую божественную тайну отвергшимъ и Бога отступльшимъ, къ нпмъ же ты любительно соединился еси, словесы ихъ нечестіе изобличити и благочестіе явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсія.

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеса, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеса. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: одинаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служить и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты то все забылъ, собадкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своя злобы не разсмотря, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, недѣльная глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися и подобная тому сотворити своему владыцѣ отверглся еси.

Писаніе же твое пріято бысть и вразумлено внятельно. И понеже убо положилъ еси ядъ аспиденъ подъ устами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пельни обрѣтающесе, по пророку, глаголющему: *умякнуша слова ихъ паче елєя, и та суть стрѣлы*: тако ли убо навикъ еси, христіанинъ будучи, христіанскому государю подобно служить? и тако ли убо честь подобная воздаяти отъ Бога данному владыцѣ, яко же бѣсовскимъ обычаемъ ядъ отргаеши? Начало убо твоего писанія, яже убо не разумѣвая написалъ еси, навадское помышляя, еже бо не о покаяніи, но выше человѣческаго естества мниши человѣкомъ быти, яко же и навадъ, еже убо на насъ вся написалъ еси. И сіе убо тако есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и истинну. А еже убо „сопротивныхъ разумъ, мѣвая и совѣсть прокаженну имуще“: се убо навадское помышляеши и не разсуждаеши евангельскаго слова, еже речено есть: *Горе міру отъ соблазнъ! Нужно есть, иже не пріими соблазномъ; горе же человеку тому, имъ же соблазнъ приходитъ! Уне бы было ему, дабы жерновъ осельскій обвязанъ былъ о выи его и потонетъ въ пучинъ морстѣй*. И много слѣпоствующія твоя злобы, не можеши истины видѣти: како, мняйся и стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служить, своими руками агнецъ жремый закалати за мірское спасеніе сподобяся, и сія вся поправши съ своими злѣбсовскими совѣтниками, на насъ своими лукавыми умышленіи многая томленія подвигосте? И сего ради, еже отъ юности моя благочестіе, бѣсомъ подобно, поколебасте, и еже отъ Бога державу данную мнѣ отъ прародителей нашихъ, подъ свою власть отторгосте: ино се ли *совѣсть прокаженная*, яко свое царство во своей рудѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли *сопротивенъ разуму*, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли *православіе пресвѣтлое*, еже рабы обладаему и повелѣнну быти? Сіе убо о виѣшнихъ и одушевленныхъ и о церковномъ.

Аще есть малое согрѣшеніе, но сіе отъ вашегожъ соблазна и измѣны; паче же и человекъ есмь: нѣсть бо человекъ безъ грѣха, токмо единъ Богъ; а не яко же ты, яко мнишия быти выше человекъ со ангелы равенъ. А о безбожныхъ человекѣхъ что и глаголати! Понеже ти всѣ царствіи своими не владѣють: како имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣють; а Россійское самодержавство изначала сами владѣють всѣми царствы, а не бояре и вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси расудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго пона и вашего злочестія повелѣнія самодержеству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти попа съ вашего злодѣянія! Се ли разумѣваемая *сопротивъ*, яко вашему злобѣсному умышленію тогда, Божією милостію и пресвятяя Богородицы заступленіемъ, всѣхъ Святыхъ молитвами и родителей своихъ благословеніемъ, погубити себѣ не дали есми? А какова зла я отъ васъ тогда пострадахъ! Се убо пространнѣйши напредѣ слова извѣстити.

Аще ли о семъ помышляеши, яко церковное преданіе не тако, и мы громъ бытія, се убо вашего же ради лукаваго умышленія: понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя, фарисейскимъ обычаемъ, бѣднѣ носимо на мя наложисте, сами же и ни единымъ перстомъ не прикоснуетесь; и сего ради церковное предстоянiе не твердо, ово убо царскихъ правленій, еже вами разрѣшенны, ово же вашихъ злодукавыхъ умышленій бѣгая. И громъ же сходяще немощи человекѣстѣй; понеже много народъ во слѣдъ своего пагубнаго умышленія отторгосте, и того ради, яко же мати дѣтей всяческія попускаетъ глумленія, ради младенчества, и егда совершени будутъ, тогда сіе отвергнуть, или убо отъ родителей разумомъ на уншее возведутся, или яко же Израилю Богъ попусти, аще и жертвы приносить, токмо Богови, а не бѣсомъ: того ради и азъ сотворихъ, сходя къ немощи ихъ, точію дабы насъ, своихъ господарей, познали, а не васъ, измѣнниковъ. И чимъ у васъ извыкли прохладжатиcя?

И се ли вамъ супротивно явися, еже вамъ погубити себя не даль есми? А ты о чемъ супротивно разума, души твоей крестнаго цѣлованія, сотворилъ еси, ложнаго ради страха смертнаго? Самъ убо сего не сотвориши, намъ же сіе совѣтуеши! Си убо навадское и фарисейское мудрствуеши: навадское убо, еже выше естеству человѣческаго велишь человѣкомъ бытъ; фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелѣваеши творити. Паче же сія поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и нынѣ престаеете, всяческимъ образомъ днвїаго звѣря распылаяся, измѣну свою совершаеете: се ли ваша доброхотная, прямая служба, еже поношати и укоряти? Бѣсному подобаеся, колеблетеса, и Божїй судъ восхищающе и преждь Божїа суда своимъ злолукавымъ самохотнымъ изложенїемъ, яко же съ своими начальники попомъ и Алексѣемъ изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради, Богу противляющеся, яко же и святыхъ всѣхъ преподобныхъ, иже въ постѣ и въ подвижѣхъ провозсіявшихъ милованїемъ, еже грѣшнымъ, отвергосте: много бо въ нихъ обрящешь падшихъ и возставшихъ (возстанїе не бѣдно!) и страждущи руку помощи подавшихъ и отъ рова согрѣшенїа миловательнѣ возведшихъ, по апостолу, *яко же братїю, а не яко враговъ имуще*, еже ты отвергль еси! И якова отъ оныхъ бѣсовъ пострадаша, таковая и азъ отъ васъ пострадахъ.

Что же, собака! и пишешь и болѣзнуеши, совершивъ такую злобу? Къ чесому убо совѣтъ твой и подобенъ будетъ? Или мниши праведно быти, еже отъ единомыслениковъ твоихъ зловѣрныхъ учиненно, еже иноческое одѣянїе свергше и на христіанъ воевати? Или се есть вамъ отвѣщанїе, яко невольное постриженїе? Ино, нѣсть сіе! нѣсть! Како убо Лѣствичникъ видѣхъ неволею ко иночеству пришедшихъ и паче вольныхъ исправившася? Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Многихъ же и не въ Тимохину версту обрящеши, тако же и святыхъ, и не поправшихъ иноческаго образа, глаголю же и до царей; аще ли

же кои дерзнуша сія сотворити, ничимъ же пользоваша, наипаче въ горшая тѣлесная и душевная погибели придоша, яко же князь великій Рюрикъ Ростиславичъ Смоленскій постриженъ отъ зятя своего Романа Галическаго. Смотри же благочестіе: и княгиню его восхотѣвши взяти изъ невольнаго постриженія, она же не восхотѣ мимотекущаго царствія, паче нетлѣнно пострижесе и во схиму; онъ же убо разстригши ее, многи крови христіанскія пролилъ и святыя церкви и монастыри пограбилъ, игуменовъ и поповъ и черноризцовъ умучилъ; почему и до конца княженія не возможе удержати; ино имя его безъ вѣсти бысть. Тако же во Царѣградѣ множайшихъ сего обрящещи: овѣмъ убо носы урѣзаны, инѣмъ же во мнишеская одѣянія бывшимъ и на царство паки наскочившимъ и здѣ убо горчайшая смерти пріяша, тамо же безконечныя муки пріяша: понеже санолюбія ради и гордости, сіе сотвориша. Сіе же отъ владычествующихъ, кольми же паче отъ работныхъ! Божій судъ ожидаетъ, иже ангельскій образъ поправшимъ! Многи же и не въ давныхъ лѣтѣхъ пострижены отъ сиклитовъ, превелика паче первыхъ сіе дерзнуша сотворити, аще и въ прежнюю паки придоша. Таково ли благочестіе держите, еже сіе злобѣснымъ своимъ обычаемъ нечестіе сотворяете? Или мнишися, яко ты еси Авениръ сынъ Нировъ, есть храбрѣйшій возрастомъ? Или, еже та сія посланія злобѣснымъ своимъ обычаемъ нечестія сотворяете, или мнишися гордостію дмяся писати? и отъ того да что бысть? Егда убо уби его Іоавъ, сынъ Саруй, тогда оскудѣли во Израили.

Не пресвѣтлыя ли побѣды съ Божією помощію на противные показаша? Се убо, гордостію дмяся, всеу хвалишися! Смотри же и сего, еже подобно тебѣ сотворшаго, аще ветхословіе любиши, къ сему ты и приложимъ: что убо поможе ему бранная храбрость, еже господина своего нечестіемъ озлоби, еже убо поятъ подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о семъ сыну Саулю Мумфіосу, онъ же, разгнѣвався, отступи дому Сауля и тако погibe: ему же и ты уподобися злобѣс-

нымъ своимъ обычаемъ, желая гордостно излишне чести и богатства. Яко же Авениръ на подружіе посягну господина своего, такожъ убо и ты отъ Бога данные грады и села посягая, равно тому нечестіе, бѣсуясь, сотвориаши. Или убо предложимъ ти плачь Давыдовъ. Не убо царь праведенъ сый? и не хотя убіеніе сотвори; нечестивый же въ своей погибели погibe. Смотри же, яко бранная храбрость не помогаетъ, аще кто господина не чествуетъ. Но и еще предложу ти Ахитофела, подобно тебѣ, лукавъ совѣтъ совѣщающе Авессалому на отца, и како потрясе? Но послѣдую сія, единого старца разумомъ совѣтъ его разсыпая, и весь Израиль побѣжденъ бысть малѣйшими людьми. Онъ же удавленія конецъ погibельный обрѣте. Яко же тогда, тако и нынѣ обычай: благодаръ Божія въ немощи совершатися, и ваша злобѣсная на церковь возстанія рассыпаетъ самъ Христось. Смотри же и древняго отступника Іероваама сына Наваща како отступи со десятию колѣны Израилевыми, и сотвори царство въ Самаріи, и отступи отъ Бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царство Самаріи тое неудержаніемъ царей и вскорѣ погibe, Іудино же, аще и мало бысть, по странно и пребысть до изволенія Божія, яко же рече пророкъ: *разсвирѣне, яко юница, Ефремъ; и паки ивдѣ реченно бысть: сынове Ефремми наляцающе и спѣюще луки, возвратишася въ день брани: зане не сохраниша повелѣнія Господня и въ законъ его не изволиша ходити.* „Человѣче! останися рати; аще убо „со человѣкомъ борешися, то одолѣеть тя, или одолѣши, „аще съ церковію борешися, то всяко одолѣеть тя: жестоко „бо ти есть противъ рожну прати: не бо и вступиши на нозѣ „свои окровавиши, да ся пѣннѣть море и бѣснѣть; но Иисова „корабля не можетъ потопити: на камени бо стоитъ; имамы „въ немъ кормчію Христа; вмѣсто же гребцы, апостоли; „вмѣсто кормникъ, пророки; вмѣсто правителей, мученики и „преподобные; и сія убо вся имущи, аще и весь міръ возмутится, но не убоимся погрязновенія: мене убо свѣтлѣйша „твориши; самъ же свою погibель содѣваши.“

Како же и сего не могль еси разумѣти, яко подобаеть властемъ не звѣрски яритися, виже безсловесно смиратися? Яко же рече апостоль: *овѣхъ убо милуйте рассуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе*: видиши ли, яко апостоль повелѣваетъ страхомъ спасати? Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ много обрящется злѣйшее мученіе. Како же убо, по твоему безумному разуму, одинако быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татіе мукамъ неповинни, паче же и злѣйшая сихъ лукавая умышленія, то убо вся царствія не въ строеніи и междоусобными браньми вся растлятсѣ! И тако ли убо пастырю подобаеть, еже не разсмотряти о нестроеніи отъ подвластныхъ своихъ?

Како же не стыдишися злодѣевъ мученики нарицати, не рассуждая, за что кто постражеть? Апостолу вопіющу: *аще кто незаконно мученъ будетъ, сирѣчь не за вѣру, не вничається*; божественному убо Златоусту и великому Аѳанасію во своемъ исповѣданіи глаголющимъ: *мучими убо суть татіе, и разбойницы, и злодѣи, и премободѣи: таковы ли убо блаженніи? понеже грѣхъ ради своихъ мучими бысть, а не Бога ради*; божественному же апостолу Петру глаголющу: *лучше убо благотворяще пострадати, неже зло творящимъ мученія*. Вы же, злобѣснымъ своимъ обычаемъ подобящесѣ ехиднину отрыганію, ядъ изливающи, ничто же повиновенія, челоуѣкъ, и законопреступленія, и время рассуждающе, свою злолукавую измѣну, бѣсовскимъ умышленіемъ, лестію языка покрыти хотяще! Се ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяши же и во царѣхъ великаго Константина: како, царствія ради, сына своего, рожденнаго отъ себе, убилъ естъ! Князь Феодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, въ Смоленскѣ на Пасху коликю крови проліялъ естъ! И во святыхъ причитаются. Како же убо и Давыдъ, иже обрѣтесѣ Богу по сердцу и хотѣнію, како повелѣ и Давыдъ, иже обрѣтесѣ Богу по сердцу и хотѣнію, како повелѣ и Давыдъ, *да всякъ убиваетъ Усеина: и хромые, и слѣпые и*

ненавидящих души Давидовы, егда не пріяша его во Іерусалимъ, како убихъ причитательныхъ въ вотчинники, яко не восхотѣша отъ Бога даннаго имъ царя пріяти? Како же рассудиши и се, еже такого благочестія царь на немощнѣй чади силу свою и гнѣвъ показа, или убо вынѣшніе измѣнники неравно симъ злобу сотвориша? Наипаче и злѣйше! Они убо точію возбраниша приходъ и не успѣша ничто же; сіи того, и ятого отъ нихъ, Богомъ имъ даннаго, и рождшагося у нихъ на царствѣ, царю преступивъ крестную клятву, отвергоша и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словомъ и дѣломъ, и тайными умышленіи; и чесому убо они сихъ неподобиѣ злѣйшимъ казнемъ? Аще ли речеши: „она явна есть, сія же не явна:“ по сему убо злѣйшій есть вашъ злобѣсный обычай,—яко человѣкомъ видимо есть доброхотство и служба, отъ сердець вашихъ исходятъ помышленія и злодѣянія, пагуба смертная къ разоренію; усты своими убо благословляете, сердцемъ своимъ клянете. Многажъ и ина обрящеши во царствѣ царей своихъ: царства во всякихъ нестроеніяхъ исправиа и злобѣсныхъ человѣкъ разумы и злодѣянія возразиша. И повсегда убо царемъ подобаеть обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь: царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ; } хощеши ли бо не бояться власти? благотвори; аще ли злое твориши, бойся: не бо туне мечъ носить, въ мечь злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Аще благъ еси, почто имѣя въ сигклитѣ *пламени палыца*, не погасилъ еси, но паче разжегль еси? Гдѣ было ти совѣтомъ разума своего злодѣйственный совѣтъ исторгнути, ты же убо больми плевель наполнилъ еси! И сбытся на тебѣ пророческое слово: *се всъявиши огонь, съжете и ходите по свѣту пламени огня вашего, его же сами себѣ разжежете.*

Како же убо ты не со Іудею предателемъ равно причтешя? Яко же бо онъ на общаго владыку всѣхъ, богатства ради, возбѣсился и на убіеніе предасть, со ученики водворяющеса,

со Іудей же веселящеса: тако же убо и ты, съ нами пребывая, и хлѣбъ нашъ ядыше, и намъ служити соглашаше, на насъ злая въ сердцѣ собираще. Тако ли убо исправилъ еси крестное цѣлованіе, еже хотѣти добро во всемъ безо всякія хитрости? И что убо твоего злохвтрія умышленія злѣе? яко же рече премудрый: *нѣсть главы, паче главы зміевы; паче же инья нѣсть злобы твоея.* Почесому же и учитель еси души моей и тѣлу моему? Кто убо постави судію и властеля надъ нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день страшнаго суда, апостолу Павлу глаголющу: *како убо втруютъ безъ проповѣдующаго, како же и проповѣдуютъ, а не послани будутъ?* И се убо бысть въ пришествіе Христово: ты же отъ кого посланъ еси? и кто тя рукополагателя постави, яко учительскій санъ восхищающа, апостолу Іакову сіе отрицающе: *Не мнози учителя бывайте, братіе, вѣдюще, яко вящій грѣхъ приедемъ: много бо согрѣшаемъ вси: иже словомъ не грѣшитъ, сей совершень мужъ, силенъ обуздати и все тѣло. Се и конямъ бразды во уста влагаемъ, да повинуются намъ и все тѣло ихъ обрацаемъ. Се и корабли велицѣ суше, отъ жестокихъ вѣтровъ заточаемы, обрацаются малымъ кормильцемъ, яко же хоцемъ: тако и языкъ малъ удъ есть, и вельми хвалится. Се малъ огонь, колику вещь сожигаетъ! И языкъ мнота неправдъ; тако и языкъ водворяется во удѣхъ нашихъ, сквернящи все тѣло и опаляющи коло рождества, и опаляемъ отъ геенны: всяко убо естество звѣрей и птицъ, гадъ же и рыбъ мучится и умучится естествомъ человѣчскимъ; языкъ же никто же отъ человѣкъ може умучити, неодолимо бо зло, исполнь яда смертоносна. Тѣмъ благословимъ Господа и отца, и тѣмъ кленемъ чело-вѣки, иже по подобію Божію бывшіе; отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва. Не подобаетъ, братія моя возлюбленная, симъ тако бивати. Егда убо источникъ, отъ того же истицанія точить сладкое и горькое? Егда можетъ, братія моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы? Тако ни единъ же источникъ слану и сладку творить воду.*

Кто мудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя, въ кротости и въ премудрости. Аще ли зависть горьку имате и въру въ сердцахъ вашихъ, не хвалитися и не лжете на истину. Нѣсть премудрость свѣше нисходяще, но земна, душевна, бѣсовска. Идѣ же бо зависть и рвеніе, ту нестроенія, и всяка зла вещь; а вышняя премудрость первѣе убо чиста, потомъ же смирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна. Плодъ же правды во смиреніи съетсяъ творящимъ миръ. Откуда брани и свары въ васъ? Не отсюду ли, отъ сластей вашихъ? Желаете и не имате; убиваете и завидите, и не можете уллучити; сваряется и борете, и не имате, зане не просите; просите и не пріемлете, зане зль просите, да въ сластяхъ изживете... Приближитесь Богу, и приблизится вамъ; очистите руки, грѣшницы, и очистите сердца двоедушнїи... И не оклеветайте другъ друга, братїе: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветаетъ законъ и осуждаетъ законъ; аще ли законъ осуждаеши, нѣси творецъ закону, но судїя. Единъ есть законоположникъ и судїя, могій спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждаяй друга?

Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладаться царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ челоуѣкъ, и царю повелѣваему быти? И сіе ли супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу взустити отъ Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо обрѣщещи, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ царствіе погубившихъ и Туркомъ повинувшихся? сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ! Къ сему же и сему подобенъ еси, яко апостоль пишеть къ Тимофею, глаголя: *Чадо Тимофее! се же вѣждь: яко въ послѣднїя дни настануть времена люта; будутъ челоуѣцы самолюбцы, сребролюбцы, оплазивы, горды, хульници, родителемъ противляющеся, неблагодарни, непреподобны, не-*

любивы; невѣстохранители, прелгатели, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы; предатели, предерзливы, возносивы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергнулися. И сихъ отвращайся... Водимые похотѣми различными: всегда учащеса, и николи же въ разумъ истинны пріити могуще. Яко же Іоаннѣи и Амврїи противистася Моисею, тако и сіи противятся истиннѣ, чловѣцы растлѣвши умолю, неискушени о вѣрнѣ; но не преустыютъ паче о мнозѣ; безуміе бо ихъ явѣ будетъ всѣмъ, яко же и оныхъ бысть.

Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба? А се ли тьма яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строить? яко же рече апостоль Павелъ къ Галатомъ пиша: *Въ нѣскольکو лѣтъ наследникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба, но подѣ повелительми и приставники есть, до нарока отча.* Мы же, благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча, и подѣ повелительми и приставники быти намъ не пригоже.

Речеши же убо, яко едино слово обращаю сѣмо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ злобѣснаго умышленія, понеже съ попомъ положите совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бѣ съ попомъ владѣли: сего ради вся сія склѣчашася, понеже и поднесъ не престаеете, умышляюще совѣты злые. Воспомяни же, егда Богъ, изводяще Израйля изъ работы, егда убо постави священника владати людми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисея, яко царя, постави владѣтеля надъ ними; священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его повелѣ священствовати, людскаго же строенія ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскіе строи, тогда и отъ Бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити. Тако же Дааванъ и Авиронъ хотѣша восхитити себѣ власть—и сами погибоша, и какову Израйлю погибель

наведоша? еже вамъ бояромъ прилично! Послѣ того же, бысть судія Израилю Исусъ Навинъ, священникъ же Елеазаръ; оттолѣ, даже и до Иліи жерца, обладаху судіи: Іюда, и Варакъ, и Іефеае, и Гедеонъ и иніи многіи, и каковы со-вѣты и побѣды на противныи поставляху и Израиль спасаху! Егда же Іліи жрецъ взя на ся священство и царство, аще самъ праведенъ быше и благъ, но понеже обоюду припадши богатству и славѣ, како сынове его Офни и Финеесъ заблудиша отъ истины, и како самъ и сынове его злою смертію погибоша и весь Израиль побѣжденъ бысть до дни Давида царя! Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царскимъ владѣти? Се же убо въ ветхомъ; въ Римскомъ же царствіи и въ новой благодати, и во Греческомъ же по вашему злобснаго хотѣнія разуму случися: како убо Августъ кесарь всею вселенною обладаше: Аламанією, и Далматією, всѣ Италійскія мѣста, и Готвы, и Савроматы, Кафинею, и Сирією, и Киликією, и Асією, и Азонею, и Междорѣчіемъ, и Каппадокическими странами, и Дамаскомъ градомъ, и Иеросалимомъ, и Александрією, и Египетская власть, даже и до Персскія державы: вся сія подъ единою державою бяху много лѣтъ, даже и до перваго во благочестіи великаго царя Константина Влафла. И послѣ его, чада раздѣлиша власть: Константинъ убо во Царѣградѣ, Константинъ, иже въ Римѣ, Константинъ же въ Далматіи; и оттолѣ убо Греческая власть дѣлится и скудость пріимаеъ. И паки во царство Маркіяне, во Италіи мнози князи и мѣстоблюстители востаха, подобно вашему злобсному умышленію; во царство жъ Льва великаго, изобладаша койждо своими мѣсты, яко же во Аѳрикіи Зинзирихъ, Рига и ины, и оттолѣ убо всяко строеніе и царствія Греческая преста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междуособными браньми растлѣвахуся. Во царство Анастасія Дикотра Драчанина болши нача оскудѣвати.

Хотѣнію ублажиши ли людей спхъ, имъ же сія суть? Но како рече пророкъ Вожій? *Людіе* (имъ же Господь Богъ ихъ

*

глаголають, яко же рече Исаія пророкъ) что и еще уязвляетея, прилагающе беззаконія? всяка глава въ бользнь, и всяко сердце въ печаль. Отъ ногу даже и до главы нѣсть цѣлости; на нихъ же рана палеца, нѣсть пластыря приложити, ниже масла, ниже обязанія. Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ созжени, страны ваши предъ вами чужіе поядаютъ, и запусть развращенно отъ людей чужихъ. Оставитя дщи Сіона, яко селеніе въ виноградъ, яко овощное хранилище въ вертоградъ. Како бысть блудница градъ върнихъ, Сіонъ исполнь суда; въ немъ же правда успе; нынѣ убійца. Серебро ваше не искусно, корчелницы твои смѣшаютъ вино съ водою; князи твои не върують, общицы татемъ, любяще мзды, гоняще воздаяніе, сирымъ не судяще, и суду вдовиць не внимлюще. Сего ради тако глаголетъ господь владыка Саваоѣ сильный Израилевъ: „О горе крѣпкимъ во Израили! Не пре-
„станеть моя ярость на противныя, и судъ мой отъ врагъ
„моихъ сотворю, и наведу руку мою на тя и разжегу тя
„въ чистоту, невѣрующихъ же погублю, и отъгиму всѣхъ без-
„законныхъ отъ тебе, и всѣхъ гордыхъ смирю; и положу су-
„дѣя твоя яко прежде, совѣтники твоя, яко отъ начала; и
„по сихъ наречешися градъ правды, мати градомъ, върный
„Сіонъ. Съ судомъ бо спасетя и съ милостынею; и стрыются
„беззаконныи и грѣшныи вкутъ, и оставившии Господа скон-
„чаются; зане же постыдятся о дѣлахъ своихъ, ихъ же тѣмъ
„совѣтоваху, и посрамятся о истуکانахъ своихъ, ихъ же
„сотвориша, и постыдятся о вертоградѣхъ своихъ, ихъ же
„тѣмъ восхотѣша. Будуть бо яко сади, отметнувшие листвія
„своя, и яко вертоградъ, немый вина; и будетъ крѣпость
„ихъ яко стебли изгребія, и дѣланія ихъ яко искры огненны,
„и сожгутся беззаконіи и грѣшніи вкутъ, и не будетъ по-
„гашай“.

Потомъ же во царство Апсимарово, и Филиппиково и Феодосія брады Адраминческого, Персомъ Египетскую власть и Дамаскъ отъ Грекъ изобладавшимъ, такожде при Константинѣ Гноетезномъ, Скнѣомъ отложившимся, по семъ же во царство

Арменина, и Михаила Аморея и Теофила Римскаго со всею Италиєю отъ Греческаго царства отторгшеса, избраша убо себѣ царя отъ Латинскаго отъ внутреннѣйшія Фрягїи; и тако убо во многихъ странахъ Италійскихъ поставиша себѣ краля и князя, властодержца и мѣстоблюстителя. И яко же Настрія, и Испанія, и Далматія, и Француги, и вышній Нѣмецкій языкъ, и Поляки, и Литаоны, и Готѣм, и Влахи и Мутьяны, тако же и Сербомъ и Болгаромъ, у себя власть держатся, поставившимъ и отъ Греческаго царствїя отторгшеса; и отъ сего Греческому царствію злѣ къ разоренію приходящу; во царство же Михаила и Θεодоры царицы благочестивыхъ, Божій градъ Іеросалимъ и Палестинскую землю и страны Финическія Персы изобладаша; царствующіе грады отовсюду во утѣсненіи велицѣмъ начаша пребывати; и отовсюду частыми находженіи и браньми и ратьми часто колеблющеса, епархомъ и сигклиту всему не престающе отъ своего злаго перваго обычая никако же, оселице разорити царства помыслъ полагающе:—такое же и вы, сему подобно, своимъ злобѣннымъ хотѣніемъ, выше мѣры, славы и чести и богатства, къ разоренію христіанскому, желающе! Та же убо отселѣ Греки во многихъ странахъ дани взимаху; потомъ же, нестроенія ради, а не Бога ради, подобно и вашему злолукавому злему совѣту, сами дани даяти начаша, и тако убо царствующему граду во обтѣсненіи велицѣмъ пребывающу, даже до царства Алексѣя, нарицаемаго Дуки Мурцуфла, при немъ же взятъ бысть царствующій градъ отъ Фрягъ и плѣненъ бысть зѣлнѣйшимъ плѣненіемъ; и тако убо все благолѣпіе и красота Греческія власти погибе. Потомъ же Михаилъ первый Палеологъ изгна Латины изъ царствующаго града, и паки убожество царства воздвигъ, и даже до лѣтъ царя Константина, нарицаемаго Дрогмась: при немъ же, грѣхъ ради нашихъ, народа христіанскаго, безбожный Магметъ Греческую власть погаси, и яко же вѣтръ и буря зѣльна, вся безъ вѣсти сотвори.

Смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляетя въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо

быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какоу погибель прїдоша! Сїя ли убо намъ совѣтуеши, еже къ такоу погибели прїити? И се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человекъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати? Или речеши ми, яко святительская поученїа тако прїимаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пешися: ино убо есть постническое пребываніе, иножь во общемъ житїи сожитїе, иножь святительская власть, иножь царское правленіе. Постническое убо правленіе—подобно быти агнцу непротивну ничесомужь, или яко птицѣ, иже не сѣявшу, ни жнущу, ни въ житницу собирающу; во общемъ же житїи, аще и міра отрекшися, но обаче строенїа и попеченїа имѣють, та же и наказанїа; аще ли же сего невнимательны будутъ, то общее житїе разорится. Святительская власть требуетъ зѣльнаго запрещенїа языкомъ, по благословенїи же въ ней ярости, и славы, и чести, и украшенїа, и предсѣданїа, еже инокомъ неприлично; царское же правленіе—страха, и запрещенїа, и обузданїа и конечнѣйшаго запрещенїа, по безумїю злѣйшихъ человекъ лукавыхъ. Се же убо разумѣи разнствы постничеству и общежителству: очима видѣлъ еси, и отъ сего можеши разумѣти, что сіе есть. Къ сему же пророкъ рече: *Горе дому, имъ же домоу жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ.* Видиши ли, яко подобно женскому безумїю многихъ владѣнїе: аще не подъ единою властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумїю подобно есть. Се убо указахъ ти, како благо есть вамъ на грѣхъ сидѣти и мимо царей царствомъ владѣти: отъ сего убо многи могутъ разумѣти имущїе разумъ. Воспомани же: *къ хотѣнїю имѣнїа, рекшаго злата, аще ся ринетъ, не прилагайте сердца:* кто же убо сїя глаголы глаголаше? не до власти ли царей бѣ? не бѣ ли ему злата? не бо на злато зриаше, но повсегда бо ему умъ къ Богу и строй воинскихъ. Понеже убо Гіезіеву прокаженїю уподобился еси, яко же онъ благодать Божию на златѣ про-

даде, тако убо и ты, злата ради, на христіанъ воздвиглъ еси. Такожь апостолу Павлу вопіюще: *Блудительный блудите злѣдѣлателя!* Яко многажды глаголахъ вамъ, нѣмъ плача глаголю о вразгѣхъ креста Господня, имъ же Богъ чрево, и слава въ студи ихъ, иже земная мудрствуютъ; како же убо ты не наречешися врагъ креста Христова, яко славы ради, и чести мимотекущаго свѣта сего желая насладитися, будущая же приснотекущая презирая, своимъ крестопреступнымъ обычаемъ, извыкши отъ прародителей своихъ, измѣну во многи времена на сердцѣ своемъ злая избирая, яднй хлѣбъ мой, возвеличи на мя пятаую свою, на христіанъ воевати вооружился еси? Но то убо самое побѣдоносное оружіе, крестъ Христовъ, силою Христа Бога нашего, вамъ сопротивникъ да будетъ!

Како же убо добротныхъ сихъ измѣнниковъ наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехомъ отъ жены Гедеоновы, сирѣчь наложницы, лжею согласившеся и леть сокрывше, во единый день избивша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ, еже убо отъ законныхъ женъ ему быша, и воцаривша Авимелеха: тако же убо и вы собацкимъ своимъ, измѣннымъ обычаемъ хотѣсте во царствіи царей достойныхъ истребити, и аще не отъ наложницы и отъ царствія разстоящася колѣна хотѣсте воцарити. И се ли убо добротны есте и души за мя полагаете, еже подобно Ироду ссущаго млеко младенца, смертію пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чюжаго же царствія воцарствити? Се ли убо за мя душу полагаете и добротствуете? И тако ли убо своимъ чадомъ хотите сотворити, егда убо въ яйца мѣсто подадите имъ скорпію, или въ рѣбы мѣсто каменѣ? Аще убо вы, злые суще, умѣете даяніе благодаяти чадомъ вашимъ, и аще убо добротны и благи наречетеса: почто убо такихъ благихъ даяній не приносите чадомъ нашимъ, яко же своимъ? Но понеже убо извыскосте отъ прародителей своихъ измѣну чинпти, — яко же дѣдъ твой князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана умышлялъ измѣнные обычаи; такоже и отецъ твой князь Михайло съ

великимъ княземъ Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія, многи пагубныя смерти умышляли; тако же и мати твоя дѣдъ Василій и Иванъ Тучко, многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили; тако же и дѣдъ твой Михайло Тучковъ, на преставленіе матери нашей, великія царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надмѣнная словеса изрече,—и понеже еси рожденіе исчадія ехиднаго, посему тако и ядъ отрыгаеши. Се убо довольно указахъ, чесого убо ради по твоему злобѣсному разуму *сопротивнымъ обрътается: разумвая разумѣй!* *Совѣсть прокаженну и мущаго* не мни, яже никакогожъ отъ державы моя нѣсть: а отцу твоему князю Михайлу гоненія зѣло много, да и убожества, а измѣны такой, что ты, не учинилъ.

А еже писалъ еси: „Прочто есмь сильныхъ во Израили „побили и воеводъ, отъ Бога данныхъ намъ на враги наша, „различными смертми есмь уморили и побѣдоносную ихъ „святую кровь въ церквахъ Божіихъ пролили есмь, и мученическими кровьми праги церковныя обагрили есмь, и на „добротныхъ своихъ, душу за насъ полагающихъ, неслыханныя муки, смерти и гоненія умыслили есмь, измѣнами „и чародѣйствы ихъ и иными неподобными обличая право- „славныхъ:“ и то еси писалъ и лгалъ ложно, яко же отецъ твой діаволъ тя научилъ есть: понеже рече же Христосъ: *Вы отца вашего хотите творити, яко же онъ человекоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ, яко истинны въ немъ нѣсть, и егдажъ ложь глаголетъ, отъ своихъ глаголетъ: ложь бо есть и отцу его.* А сильныхъ есмь во Израили не погубили, и не вѣмъ, кто есть сильнѣйшій во Израили, и не побили и не вѣмъ: земля правится Божіамъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги. И еже воеводъ своихъ, различными смертми растор-

гали есмя: а Божію помощію имѣть у себя воеводъ множество, и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя.

Крови же въ церквахъ никакія не проливали есмя; побѣдоносець же и святыя крови во своей землѣ въ нынѣшнее время, ничего си явленно, не вѣмы. *Праги же церковные:* елико сила наша и разумъ осязаетъ, и яко же подвластные наши къ намъ службу свою являютъ, сице украшенъми всякими церкви Божія свѣтятся, всякими благостынями, елико послѣ вашія бѣсовскія державы сотворихомъ, не токмо праги и помость, но и преддверія, елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшенія. Кровію же никакою праги церковные не обагрѣемъ; мучениковъ же въ сіе время за вѣру у насъ нѣтъ; добротныхъ же своихъ и душу свою за насъ полагающихъ истинно, а не лестию, не языкомъ глаголюще благая, а сердцемъ злая собирающе, и похваляюще, а не расточающе и укоряюще, подобно зеркалу, егда смотря, и тогда видить, каковъ бѣ, егда же отъидеть, абіе забудеть, каковъ бѣ,—и егда кого обрящемъ всѣхъ сихъ злыхъ свободенна, а къ намъ прямую свою службу содѣвающе и не забывающе поручныя ему службы, яко въ зеркалѣ, и мы того жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ; а иже обрящется въ супротивныхъ, еже выше рѣхомъ, то по своей винѣ и казнъ приемлють. А въ иныхъ земляхъ самъ узришь, елико содѣвается злымъ злая: тамъ не по здѣшнему! То вы своимъ злобѣснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любить; а въ иныхъ земляхъ израдець не любятъ: казнятъ ихъ, да тѣмъ утверждаются. А мукъ и гоненія и смертей многообразныхъ ни на кого не умышляли есмя; а еже о измѣнахъ и чародѣйствѣхъ воспоминауль еси: ино, такихъ собакъ вездѣ казнятъ. А еже нѣчто мы облыгаемъ православныхъ: ино, понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: *яко аспидъ глухой затыкаетъ уши свои, иже не слышитъ гласа обавоющаго, обаче обаваемъ обавается отъ премудра: понеже зубы ихъ во устьяхъ ихъ сокрушилъ есть Господь, и членовныя*

мвогъ сокрушилъ есть. И аще азъ облыгаю: о иномъ же истина о комъ явится? Ино-то, измѣнниче! *они* сотворятъ! Обличеніе нѣсть имъ! По твоему злобѣсному умышленію, чесо ради намъ сихъ облыгати? власти ли своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худа, или коли бы ихъ насыщати? како у кого? Не смѣху ли подлежитъ твой разумъ? Заецъ потреба множества псомъ, на враги жъ множество вои! Како убо безлѣпо казнити подвластныхъ разумъ!

Яко же выше рѣхъ, каковѣ злая пострадахъ отъ васъ отъ юности даже и доселѣ, пространнѣйше изобличу тя. Се убо являетъ (аще убо и юнъ еси сихъ лѣтъ, но обаче видѣти можеша): егда Божиими судьбами отецъ нашъ великій государь царь Василій, премѣнивъ порфиру ангельскимъ премѣненіемъ, тлѣнное се и мимотекущее земное царство оставъ, приде на небесная (во онъ вѣкъ некончаемый, предстояти царю царемъ и господу господемъ, мнѣ жъ оставшу со единопороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, мнѣ убо третію лѣту сушу, брату жъ моему лѣта единого, родительницѣ жъ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ въ сицевомъ бѣдна вдовствѣ оставльше, яко же въ плѣненіи отъсюду пребывающе, ово убо иноплеменныхъ языкъ отъ кругъ присѣдѣщихъ, брани непримирительныя приемлюще отъ всѣхъ языкъ, Литаонска, и Поляковъ, и Перекопи, и отъ Читаръ Хана, и Нагаи, и Казани, овожъ отъ васъ измѣнниковъ бѣды и скорби различными видами приемлюще, яко же подобно тебѣ, бѣшеной собацѣ, князь Семень Бѣльскій, да Иванъ Лятцкій оттекоша въ Литву и тамо скакаше бѣсящеся и въ Царьградъ, и въ Крымъ, и въ Нагаи, и отъсюду на православіе рати воздвизающе; но ничто же успѣша: Богу заступающе, и пречистой Богородицѣ, и великимъ чудотворцемъ, и родителей нашихъ молитвами и благословеніемъ, вся сія яко же Ахитофель советъ распысая. Тако же потомъ дядю нашего князя Андрея Ивановича измѣнники на насъ подъяша, и съ тѣми измѣнники пошелъ было къ Новуграду (ино которыхъ хвалиши! добрыхотныхъ намъ и душу за насъ полагающихъ на-

звасешь!) и се въ тѣ поры были отъ насъ отступили, а къ дядѣ нашему князю Андрею приложилися, а въ головахъ твой братъ князь Иванъ княжъ Семеновъ сынъ княжа Петрова Львова Романовича, и иные многіе; и тако съ Божією помощію тотъ совѣтъ не сотворися. Ино то ли тѣхъ добротство, которыхъ ты хвалишь? и тако ли душу свою за насъ полагають, еже насъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити? Потомъ же, измѣннымъ обычаемъ, недругу нашему Литовскому почали отчину нашу отдавати грады Радогощъ, Стародубъ, Гомей: и тако ли добротствуютъ? Егда нѣсть на всей землѣ кѣмъ погубити отъ земли и славу въ персть вселити, и тогда иноплеменнымъ примѣшаются любовію, точію да погубять безпамятно!

Тако же изволися судьбами Божіими быти, родительницѣ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ преити отъ земнаго царствія на небесное; намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ сиротствующимъ отставъ родителей своихъ, ни откуда промышленія уповающе, и на пресвятія Богородицы милость

всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое уллучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія добротнаго не сподобивша, сами же премѣсишася богатству и славѣ, и тако скачаша другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ, и добротныхъ отца нашего и воеводъ избивша! и дворы и села и имѣнія дядѣ нашихъ восхитиша себѣ и водворившася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще; а иноежъ себѣ разъяша: а дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ. И тако князь Василій и князь Иванъ Шуйскіе самовольствомъ у меня въ береженъе учинилися, и тако воцарившася, а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей главныя измѣнники, изъ поиманія выпускали и къ себѣ ихъ примирили. А князь Василій Шуйскій на дядей нашихъ княжъ Андреевѣ

дворѣ, сонмищемъ Іудейскимъ отца нашего и нашего дьяка ближняго, Ѳедора Мишурина изымавъ, позоровавши, убили; и князь Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разныя мѣста заточиша, и на царство вооружившася, и Данила митрополита сведши съ митрополиі въ заточеніе послаша: и тако свое хотѣніе во всѣмъ уллучиша, и сами убо царствовать начаша. Насъ же, со едиnorodнымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яковажъ пострадахъ во одѣянїи и во алканиї! во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспоминаю: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдять на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не преклоняся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоежъ, ниже начало обрѣтеса: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! многожды поздно ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянїя? Вся воскитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поймаша во мздоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и серебряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на кунцахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣннати, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ воскитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды, имѣнїя ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотво-

риша, свояжъ рабы аки вельможи устраиша; правити же мящесь и строить, и вмѣсто сего, неправды и нестроения многая устраиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще.

И тако имъ на много время жившмъ; мнѣ же въ возрастъ достигшу, не восхотѣхъ подѣ рабскою властію быти, и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у себя велѣлъ есми быти боярину князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому. И князь Ивашъ Шуйскій, присовокупя къ себѣ всѣхъ людей и къ цѣлованію приведе, пришедъ ратію къ Москвѣ, и боярина нашего князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ бояръ и дворянъ переимали совѣтники его Кубенскій и иные, до его пріѣзду, да сославъ на Бѣлоозеро и убили; да и митрополита Іоасафа съ великимъ безчестіемъ съ митрополіа согнаша. Потомъ же князь Андрей Шуйскій со единомышленники своими пришедъ къ намъ въ столовую избу, неистовымъ обычаемъ и передъ нами боярина нашего Семена Ѳедоровича Воронцова восхитивше безчестно и оборвавши, вынесли изъ нашей столовой избы и хотѣли его убить. И мы послали къ нимъ митрополита Макарія, да бояръ своихъ Ивана, да Василья Григорьевича Морозовыхъ съ своимъ словомъ, чтобъ его не убили, и они едва нашего слова послушали, а сослали его на Кострому; а митрополита въ то время безчестно затѣснили и мантию на немъ со источники изодрали, а бояръ нашихъ такожь безчестно толкали. Ибо то ли ихъ къ намъ добродетельство, что бояръ нашихъ угодныхъ намъ, супротивяся намъ, велѣли ихъ переимати и побили и различными муками и гоненіи мучили? То тако ли они душу свою за государей своихъ полагають, что къ нашему государству ратьми приходити и передъ нами Іудейскимъ сонмищемъ бояръ имати, и съ нами, государи, холопу ссылатися, или государю у своего холопа упрашивати? То ли къ намъ прямая ихъ служба? Воистину, сіе всѣмъ окрестнымъ въ посмѣяніе, слыша такое ихъ неистовство и гоненіе! Како могу изрещи, колики бѣды

случишамися отъ нихъ отъ преставленія матери нашея и до того лѣта? шесть лѣтъ и полъ не престаша сія злая содѣвающе!

Егда жъ достигохомъ лѣта пятагонадесять возраста нашего, тогда Богомъ наставляеми, сами яхомся царство свое строить, и за помощію всесильнаго Бога, начася строить царство наше мирно и нематежно по волѣ нашей. Но тогда случися, грѣхъ нашихъ ради, отъ произволенія Божія, распростершуся пламени огненному царствующій градъ Москву попалиша, наши жъ измѣнники бояре, иже отъ тебя нарицаеми мученики, ихъ же имена волею премину, аки благополучно время измѣнной своей злобѣ улочиша, наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческаго вынимали и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили; да будто и мы тотъ ихъ совѣтъ вѣдали: и таковымъ ихъ измѣнниковъ нашихъ наущеніемъ, множество народа неистовыхъ воскричавъ Іудейскимъ обычаемъ, придоша соборныя и апостольскія церкви въ придѣлъ святаго великомученика Дмитрія Селунскаго и изымавъ боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинскаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ соборную церковь Успенія пресвятыя Богородицы и убиша въ церкви безвинно, противъ митрополича мѣста, и кровію его помость церковный окрвавивше, и вывлекше тѣло его въ преднія двери церковныя и положиша, яко осужденника, на торжища: и сіе во церкви святой убійство его всѣмъ вѣдомо. Намъ же тогда живущимъ въ свосмъ селѣ Воробьевѣ, да тѣ жъ наши измѣнники возмутили народъ, яко бы и насъ убить, за то, яко жъ ты, собака! лжеши, что будто мы князь Юрьеву мать Глинскаго, княгиню Анну, и брата его князя Михайла у себя хоронимъ отъ нихъ: и сія суетудрствія како смѣху не подлежатъ! Чесо ради убо намъ царству своему запалители самимъ быти? Такова убо стяжанія прародителей нашихъ благословеніе у насъ погибе, еже отъ иныхъ вещей и во вселеннѣй обрѣстися не можетъ. Кто безумень или яръ

таковъ можетъ явится, еже бы гнѣваяся на своя рабы, да погубить стяжанія своя, могль бы ихъ погубити, а своя сохранили? Посему во всемъ ваша разумѣтся собачья ваша измѣна, такожде на такую высоту, еже святыи водою кропити: се убо безуміе явственнѣ. И тако ли достойно служити намъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, еже такимъ собацкимъ собраніемъ безчеловѣчнѣ бояръ нашихъ добрыхотныхъ убивати, еще жъ въ чертѣ намъ кровной, не помышляя въ себѣ страха нашего? И тако ли душу свою за насъ полагають, еже во всемъ намъ супротивная устрояють? намъ убо законъ полагающе во святыню, сами жъ съ нами путь шествовати не хотяще! Почто и хвалишися, собака! въ гордости, такожде и иныхъ собакъ и измѣнниковъ бранною храбростію? Господу нашему Иисусу Христу глаголющу: *аще царство на ся раздѣлитъ, не можетъ стати*; такожде кто можетъ бранная понести противу враговъ, аще растлится междуособія браньми царство? Яко жъ убо древо како цвѣсти можетъ, аще корени сущу суху; тако жъ и сіе: аще не прежде строенія во царствѣ благая будутъ, како бранная храбрѣ поставятся. Яко жъ убо предводитель множае полкъ утверждаетъ, тогда множае побѣждатель паче бываетъ. Ты же, вся сія презрѣвъ, едину храбрость похваляешь; а о чесомъ же храбрости состоятися, сія ни во что полагаешь, и являяся не токмо утверждая храбрость, но паче разрушая, яко жъ ничто жъ: еси въ дому измѣнникъ, въ ратныхъ же пребываній русужденія не имѣя, понеже хочешь междуособными браньми, паче же самовольствомъ, храбрость утвердити: ему же быти не возможно.

До того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся, намъ же такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы. Какихъ же честей и богатствъ его не наполнихъ, не токмо его, но и родъ его! Кое жъ служеніе праведно отъ него за сіе пріяхъ? Слыши напередѣ. Посемъ

же, совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея, пріяхъ попа Селивестра, а чая того, что онъ, предстоявія ради у престола владычня, побережетъ души своей: а онъ, поправъ священныя обѣты и хиротонію и иже у престола владычня предстоявія, идѣже желаютъ ангели приникнути, идѣже повсегда агнецъ Божій жремый за мірское спасеніе, и никогда же пожремый,—онъ же, во плоти сый, серафимскія службы своими руками сподобися, и сія вся убо поправъ, лукавымъ обычаемъ, сперва убо яко благо нача, послѣдовавшее божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невидѣнніи; онъ же восхитихся властію, яко же Ілія жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ. Потомъ же собрахомъ вся архієпископы и весь священническій соборъ Русскія митрополи, и еже убо во юности нашей, еже намъ содѣянная, на васъ бояръ нашихъ наши опалы, та же и отъ васъ бояръ нашихъ еже намъ сопротивное и проступки, сами убо предъ отцемъ своимъ и богомольцемъ, предъ Макаріємъ митрополитомъ всея Русіи, во всемъ томъ соборнѣ простихомся; васъ же, бояръ нашихъ, и всѣхъ людей своихъ въ проступкахъ пожаловалъ и впредъ того не воспоминавти; и тако убо мы всѣхъ васъ яко благія начахомъ держати. Вы же перваго своего лукаваго обычая не оставите, но паки на первое возвратитесь, и паки начасте лукавымъ совѣтомъ служити намъ, а не истинною, и вся съ умышленіемъ, а не простотою творити. Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ не разсудныхъ суца; и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по-малу всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе, и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами равняюще, молодыхъ же дѣтей боярскихъ съ вами честію подобяще; и тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почалъ причитати

къ вотчинамъ ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взяли и которыя вотчинамъ еже иѣсть потреба отъ васъ даются, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сигклитію припустилъ; насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творить, а не лукавствомъ; и тако съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша. Посемъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ, бояромъ нашимъ, по нашему жалованью честию предсѣданія почтеннымъ быти; сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, яко же вамъ годѣ, и яко же кто како восхоцетъ: потому же утвердися дружбами, и вся властію во всей своей волѣ имѣй, ничто же отъ насъ пытая, аки иѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся не потребно имъ учиниомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху! И тако убо во внѣшнихъ; во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуца и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ. Ино се ли противно разуму, еже не восхотѣхомъ въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти? Та же по семъ и сіе утвердися: еже намъ сотворити словіе пи единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бѣсосоставной грамотѣ написано; отъ его же совѣтниковъ аще кто худѣйшихъ намъ не яко ко владыцѣ или яко къ брату, — яко къ худѣйшему чесому надмѣнная словеса пейстовѣ изношаху, и

сія вся благочестивѣ вмѣняхуся; кто убо мало послушаніе или покой намъ сотворить, тому убо гоненіе и мученіе; аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсеніе, тому богатство, слава и честь, а аще не тако, то души пагуба и царству разореніе! И тако убо намъ въ сипцевомъ гоненіи и утѣсеніи пребывающимъ, и таковая злая не токмо отъ дни до дни, но отъ часу растяху, а еже убо намъ послушно и покойно; сія умалехуся: таково убо тогда православія сіяніе! Кто же убо можетъ подробну исчести, еже убо въ житейскихъ пребываніяхъ, и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и та же въ церковномъ предстояніи и во всякомъ своемъ житіи и гоненіи и утѣсеніи? И тако убо симъ бывающимъ: мняще убо, яко дивныя ради пользы сипцевая убо утѣсенія творять намъ, а не лукавства ради.

Та же, по Божію изволенію, со крестоносною хоругвию всего православнаго христіанскаго воинства, православнаго ради христіанства заступленія, намъ двигшимся на безбожный языкъ Казанскій, и тако неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ, иже надъ тѣмъ бесерменскимъ языкомъ побѣду давше, со всѣмъ воинствомъ православнаго христіанства здраво во-своися возвратихомся: что же убо изреку отъ тебе нарицаемыхъ мученикъ добротство къ себѣ? Тако убо: аки плѣнника всадивъ въ судно, везяку съ малѣйшими людьми сквозъ безбожную и невѣрную землю: аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ добротство къ намъ, за кого ты глаголеши, и какъ за насъ душу полагають, еже нашу душу во иноплеменихъ руки тщатся предати!

Та же, намъ прешедшимъ во царствующій градъ Москву, Божіе милосердіе къ намъ множащи и наслѣдника намъ тогда давша сына Димитрія,—малу же времени минувшу, еже убо владыкамъ быти случается, намъ немощію одержиму быти и зѣльнѣ изнемогшу: тогда убо еже отъ тебе нарицаемыя доброты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, мнѣвше насъ въ небытію

быти, забывше благодѣяній нашихъ и еже и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного государя себѣ не искати: они же хотѣша воцарити, еже отъ насъ разстоящася въ колѣнѣхъ, князя Володиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, воцаривъ князя Володиміра. Понеже бо аще и во внѣшнихъ писаніяхъ древнихъ речено но обаче прилично есть: „царь убо царю не кланяется; но „единому умершему, другій обладаетъ.“ Се убо намъ живымъ сущимъ такова отъ своихъ подовластныхъ добротства насладихомся: что же убо по насъ будетъ! Та же Божіимъ милосердіемъ, намъ оздравѣвшимъ, и тако сей совѣтъ разсыпая; пону же Селивестру и Алексѣю оттолѣ не престающе, вся злая совѣтующе, и утѣсненіе горчайшее сотворити; на добротныхъ же намъ гоненія разными видами умышляюще, князю же Володиміру во всемъ убо хотѣнію удержавше; та же и на нашу царицу Анастасію ненависть зѣльную воздвигше и уподобляюще ко всѣмъ нечестивымъ царицамъ, чадъ же нашихъ ниже помянути могоша.

Та же по семъ собака и измѣнникъ старій, Ростовскій князь Семень, иже по нашей милости, а не по своему досужству, сподобенъ быти отъ насъ сигелитства, своимъ измѣннымъ обычаемъ Литовскимъ посломъ пану Станиславу, да Воину съ товарищи нашу душу изнесе, насъ укоряя и нашу царицу и нашихъ дѣтей; и мы то его злодѣйство сыскавши, и еще милостиво казнь свою надъ нимъ учинили. И послѣ того пощъ Селивестръ и съ вами злыми своими совѣтниками, того собаку почалъ въ великомъ береженіи держати и помогати ему всѣми благими, и не токмо ему, но и всему его роду. И тако убо оттолѣ всѣмъ измѣнникомъ благо время улучися; намъ же убо оттолѣ въ большемъ утѣсненіи пребывающимъ; отъ нихъ во единомъ и ты былъ еси: явлено, еже съ Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго. Та же убо наченшася война, еже на Германы (о семъ же убо напередъ слово пространнѣйши явить), пону же убо Селивестру

*

и съ вами своими совѣтники, о томъ на насъ лютѣлежаще, и еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключаются болѣзней на насъ и на царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху! Како же убо воспомяну, еже во царствующій градъ съ нашею царицею Анастасіею съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія и обѣты ко святымъ о душевномъ спасеніи, и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ благомъ пребываніи нашемъ и о царицѣ нашей и чадѣ нашихъ, и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася, въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда баше.

И сице убо намъ въ таковыхъ зѣльныхъ скорбѣхъ пребывающимъ, и понеже убо такова отягченія: не могохомъ понести, еже не человѣчески сотвористе и сего ради сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтниками, милостивный свой гнѣвъ учинили: смертныя казни не положили, но по разнымъ мѣстомъ разослали. Попу же Селивестру, видѣвше своихъ совѣтниковъ ни во что же бывше, сего ради своею волею отъиде, намъ же его благословеніе отпустившу, не яко устыдѣвшись, но яко не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣцѣ, предъ Агнцемъ Божиимъ, еже онъ повсегда слуша и презрѣвъ лукавымъ обычаемъ, злая сотвори ми: тамо хошу судъ пріяти, елико отъ него пострадахъ душевнѣ и тѣлеснѣ. Того ради и чаду его сотворихъ и по се время во благоденствіи пребывать; точію убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебѣ, кто смѣху быти глаголетъ, еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не вѣсте христіанскаго мнишескаго устава, како подобаетъ наставникомъ покаритися: понеже убо немощни бысте слуги, требующе учителя лѣта ради, и нынѣ же бысте требующе млека, а не крѣпкія пищи; сего ради тако сія глаголетъ; и того ради убо попу Селивестру ни чего зла не сотворихъ,

яко же выше рѣхъ. А еже убо мѣрскимъ, яже подѣ властію нашею сущимъ, сямъ убо по ихъ измѣнѣ, тако и сотворихомъ; исперва же убо казню конечною ни единому коснухомся; всѣмъ же убо, иже къ нимъ не приставши, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися, и къ нимъ не пристояти, и сію убо заповѣдь положивый и крестнымъ цѣлованіемъ утвердихомъ; и понеже убо отъ нарицаемыхъ тобою мучениковъ и согласныхъ имъ наша заповѣдь ни во чтожь положиша и крестное цѣлованіе преступивше, не токмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша имъ помогати и всячески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составити умышленіе, и понеже убо злоба неутолима явися и разумъ непреклоненъ обличися; сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ пріяли. Се убо по твоему разуму *супротивно обрѣтешя, разумывая*, еже вашей волѣ не повинухомся? Понеже убо, сами имуще совѣсть непостоянную и клятвопреступну и малаго ради блистанія злата премѣненну, се убо и намъ совѣтуете! Сего ради реку: о Іюдино окаянство сіе хотѣніе! отъ него же азбави, Боже! душа наша и всѣхъ православныхъ христіанъ! Яко же убо Іюда, злата ради, предаде Христа, тако убо и вы, наслажденія ради міра сего, православное христіанство и насъ, своихъ государей, предали есте, свои души забывъ, крестное цѣлованіе преступивъ.

Въ церквахъ же, яко же ты лжеши, сія нѣсть было: се убо, яко же выше рѣхъ, сего ради повинные пріяша казнь по своимъ винамъ, а не яко ты лжеши, неподобнѣ измѣнниковъ и блудниковъ мученики нарицаа и ихъ кровь, побѣдоносну и святу, и намъ сопротивныхъ, сильныхъ нарицаа, и отступниковъ нашихъ воеводами нарицаа, доброхотство же ихъ и души ихъ полагаа за насъ: сіа вся изъявлена есть, яко же выше рѣхомъ. И не можеша рещи, яко не обоганіе есть, но сіа измѣны всей вселеннѣй вѣдомы, аще восхощеша, и отъ варварскихъ языкъ увѣси и самовидцевъ сямъ злымъ дѣянїямъ можеша обрѣсти, иже куплю творящихъ въ нашемъ

царствіи и въ посолственныхъ приходящихъ; но сія убо быша. Ино же бо всѣмъ, иже въ нашемъ согласіи бывшимъ: всякаго блага и свободы наслаждающимся и богатыющимъ, и никакая жъ злоба имъ первыя поминаются, но въ своемъ достояніи и чести суще.

И что еще? и на церкви возстае и не престающе насъ всякими озлобленіи гонити, иноплеменныхъ языкъ на насъ присовокупляюще всякими видами, гоненія ради и разоренія на христіанство; яко же рѣхъ, на челоуѣка возъярився, на Бога вооружилися есте и на церковное разореніе; гоненіе же—яко же рече божественный Павелъ: *азъ же, братіе, аще обрѣзаніе единаче проповѣдую, почто еще гонимъ есмь? убо упразднися соблазнъ креста. Но да и содрогнутся разъявляющы сія!* И аще убо, яко же вмѣсто креста, обрѣзаніе тогда потребно быша; тако и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія, потребно самовольство. Ино сподобно есть: почто и еще не престае гонити? Се убо вся извѣстно ти есть пространнѣйши, что по твоему разуму сопротивнымъ обрѣтися: разумѣвай, совѣсть прокаженна! О безбожныхъ что глаголати, яко ни во вселеннѣй обрящеши подобно согласно твоему бѣсовскому хотѣнію! И сія вся явлена суть, яже отъ тебе сильнымъ нарицаемыхъ и воеводамъ и мученикомъ, аще кака приличная имъ суть истиною, а не яко же ты, подобно Антенору съ Энеемъ, предателемъ Троянскимъ, много соткавъ, лжеши. Доброхотство же и души полаганіе ихъ выше речено есть; облыганіе же ихъ израды всѣмъ явлено есть во всей вселеннѣй.

Свѣта же во тьму предлагати не тшуся, и сладкое горькое не прозываю. А се ли убо свѣтъ, или сладко, еже рабомъ владѣти? А се ли тьма и горько, еже отъ Бога данному государю владѣти, о немъ же многа слова пространнѣйши напреду изъявлено? Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бѣсосоставной грамотѣ, писалъ еси, похваляя, еже рабомъ мимо господей своихъ владѣти. Тшужеса со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познають единого

истиннаго Бога, въ троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престануть, ими же царствія растлѣваются. Се ли убо горько и тьма, яко злыхъ престати и благая творити? Но се есть сладко и свѣтъ! Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престануть. Се убо злоба обычна: сама себѣ хапати! Самъ не разумѣвая, что сладко и свѣтъ, и что горько и тьма, и иныхъ поучаешь! Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными бранями и самовольствомъ? Всѣмъ явлена суть, яко нѣсть свѣтъ, но тьма, и нѣсть сладко, но горько.

О провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ передъ нами: доселѣ Русскіе владѣтели неизтязуемы были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и аще же и не подобаеъ речи о винахъ ихъ, но выше реченно есть. Предстатели называеши тлѣнныхъ чловѣкъ, яко же бо они Богу равно уподобляху Аполлона, и Діа, и Зевса и иныхъ множайшихъ прескверныхъ чловѣкъ, яко же рече въ богословіи тезоименитый Григорій, во своихъ словесѣхъ торжественныхъ пиша въ недѣлю: „Сія тайства не рождества и краденія Діа, Критомъ мучителя и юношамъ... гласы „и пліща и плясанія вооруженная, Богу плачущася гласъ „покрывающе, яко да утаится отцу чадоненавидцу: люто бо „бѣше яко младенцу плакати, яко камени поглощенному; „не Фригійская рѣзанія и писканія и плесканія... и елико о „Реи чловѣцы бѣсята... не Діонисія, не стегна боящася о „безвременнѣ рожденіи, яко другойцы глаголя прежде... не „Ѡвеевъ безуміе, его почитающихъ, не Семелію моленія „поклоняема... и Лакидонскимъ юношамъ струженія ранами, „ими же почитается богиня... гдѣ Гекаты темныя и страшныя мечты и Трофоніевы по землѣ игранія и волшвенія... „ниже Осиридова томленія, другая напасть чтому Египте- „нами; ниже Исиды безчестія... Имъ же присно особія...

„комужь потреба и торжество и общее на всѣхъ злочестіе...
„И не се убо точію люто, еже сотворено добрыми дѣлы во
„славу и хвалу Творцу и божественному подобію, елико
„мощно, стремленіе быти всякимъ страстемъ, жирующимъ
„внутренняго человѣка, но еже Бога поставити въ помощ-
„ники страстемъ, да не точію неповинно будетъ прегрѣшеніе,
„но божественно мнитися, въ такіи притекающи, отъ всѣхъ
„поклоняемыхъ.“ Множайшая скверная Еллинская дѣянія, еже
отъ страстей отъ нихъ Боги почтошася, блуда и ярости, не-
держанія и похоти и желанія! И елико убо кто отъ нихъ
коею страстію одержимъ баше, то подобно своей страсти и
Бога себѣ избираше, и въ онъ вѣру яша, яко же Ираклія
блуда, Крона же ненависти и вражды, Ариса ярости и убій-
ства, Деониса же гуденія и плясанія, и иныя же отъ стра-
стей Боги почтошася. Симъ же и ты уподобляся по своему
хотѣнію, тлѣнныхъ человѣкъ смѣя предстатели нарицати по-
дерзая и славы не трепещахуся. Яко же бо Еллини подобно
своимъ страстемъ Боги почитаху: тако же и ты, подобно
своей измѣнѣ, измѣнниковъ похваляеши: яко же убо онѣмъ
страсть прикровенна Богомъ почитаема: тако уже убо и вапа
измѣла покрываема равно правдѣ причитаема. Мы уже убо,
христіане, вѣруемъ въ троицѣ славимаго Бога нашего Іисуса
Христа, яко же рече апостоль Павелъ: *имама бо нову за-
вѣту ходатая Христа, иже съде одесную престола величе-
ствія на высокихъ, иже открывъ завѣсу плоти нашей, всегда
проповѣдуетъ о насъ, о ихъ же волею пострада, очистивъ
кровію своею завѣта новаго.* Та же и Христось рече во еван-
геліи: *вы убо не нарицайтеся наставницы, единъ бо есть
наставникъ вашъ Христось.* Мы убо, христіане, знаемъ пред-
стателя тричисленно Божество, въ не же познаніе приведенн
быхомъ Іисусъ Христомъ Богомъ нашимъ, тако же заступницу
христіанскую, сподобльшуюся быти мати Христа Бога, пречи-
стую Владычицу; и потомъ предстатели имѣемъ вся небесныя
силы, архангели и апгели, яко же Моисею предстатель бысть
Михаиль архангелъ, Іисусу Наввину и всему Израилю; та же во

благочестіи, въ новой благодати первому христіанскому царю, Константину, невидимо предстатель Михаилъ архангелъ предъ полкомъ его хождаше и вся враги его побѣждаше, и оттолѣ даже и доннѣ всѣмъ благочестивымъ царемъ пособствуетъ. Се убо имѣемъ предстатели Михаила и Гавріила, и прочихъ всѣхъ безплотныхъ; молитвенники же къ Богу имамы пророцы и апостоли и святіи мученики, ликъ преподобныхъ и исповѣдникъ и безмолвникъ, мужей и женъ. Се убо имѣемъ предстатели христіанскіе! О тлѣнныхъ человѣцѣхъ: не вѣмы ихъ предстатели нарицати ихъ. Не токмо сія не подобаеъ подовластнымъ нашимъ, но и намъ царемъ неприлично естъ нарицатися предстатели, аще убо и порфиру носимъ, златомъ и серебромъ украшину, но обаче тлѣнни есми, и человѣческою немощію обложени. Ты же убо, не стыдишься тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ предстатели нарицати, Христу глаголющу во святомъ евангеліи: *еже естъ высоко въ челоуцѣхъ, мерзость естъ предъ Богомъ*. Та же на измѣнныхъ и тлѣнныхъ человѣкъ, не токмо человѣческую высоту восхищая, подкладаешъ, но Божию слову восхищаеши! Подобенъ Еллиномъ и изступившимъ умамъ неистовишися, бѣсному подобяся: по своей страсти, тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ избирая похваляеши. Яко же Еллини своихъ боговъ почтоша! Ови убо рѣжущесея и всякими пагубами себя погубляюще, въ почесть Богомъ; ови же всякимъ страстемъ вдашася, Богомъ подобящесея. Яко же рече божественный Григорій: „сіи убо „сквернительство почтоша и свирѣпству вѣроваша“; тако же убо и тебѣ подобаеъ. Яко же бо они пресквернымъ своимъ Богомъ послѣдоваша, тако и тебѣ своимъ измѣненнымъ другомъ сострадати страсти ихъ подобаеъ и погибнути. Яко же убо Еллини, неподбно тлѣнныхъ человѣкъ мученики нарицаеши, и того ради подобаеъ тебѣ праздники, мучениковъ рѣзанія, и страданія, и плясаіа, и гуденія своихъ приносати. Яко же Еллини, тако же и тебѣ подобаеъ; якова же они пострадаша, и тебѣ праздники мучениковъ своихъ страдати!

А о немъ же писалъ еси, что будто тѣ „предстатели „прегордыя царства разорили и подручны намъ ихъ сотворили „во всемъ, у нихъ же прежде въ работѣ были праотцы „ваши:“ се убо разумно есть, еже едино царство Казанское: отъ Астрахани же, ниже близъ вашей милости было, не точию дѣло. О бранной же сей храбрости свыше начну ти обличати, безумне! Како убо, гордостію дмяся, хвалишися! Како бо прародителемъ вашимъ и отцемъ и дядьямъ, въ каковѣ разумѣ храбрость суще и помысла попеченія, яко вся ваша храбрость и мудрость ни къ единому ихъ сонному видѣнію подобно, и такіе храбрые и мудрые люди и ни кимъ же понуждаеми, но своими хотѣніи и бранной храбрости хотими, а не яко же вы, еже понуждаеми на рать, и о семъ скорбяще,—и такіе храбрые тринадцать лѣтъ до нашего возраста не могоша отъ варваръ христіанъ защитити! По апостолу Павлу рѣхъ: *быхъ вамъ подобенъ, безумитъ хваляся: понеже вы мя понудисте, власть бо пріемлете, безумныя... аще кто вы поядаетъ, аще кто въ лице бѣетъ, аще кто величается; по досажденію глаголю: всѣмъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша отъ варваръ православныя, и отъ Крыма, и отъ Казани: до полуземли пусто бяше! И егда начало воспріяхомъ, за Божією помощію, еже брани на варвары, егда первое послахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы въ опалѣ своей ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не своего для дѣла! Ино, се ли храбрость, еже служба ставится во опалу? и тако ли покорити прегордыя царства? Та же, сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понужденіемъ, съ хотѣніемъ, ходите? Но и всегда аки на бѣдное хожденіе ходите! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како не хотѣсте съ нами воеватися на варвары, яко болѣе пятнадцать тысячъ, вашего ради нехотѣнія, съ нами тогда не быша! И тако ли прегордыя царства разоряете, еже народъ безумными глаголы нау-*

пяти и отъ брани отвращати, подобно юношѣ Угорскому? Како же и въ тамошнемъ пребываніи всегда развращенная совѣтовасте, и егда запасы истопиша, како три дни стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися! И повсегда не хотѣсте во многопребываніи надобна времени ждати, ниже главъ своихъ щадяще, ниже бранныя побѣды смотряюще, точію: или побѣдивъ, наискорѣйши побѣжденнымъ бывшимъ, скорѣйши во своя возвратитися. Та же и войны многоподобныя, возвращенія ради скорога, остависте, еже послѣди отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть. Како, еже убо и въ самое взятіе города, аще бы не удержажъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати? Та же убо по взятіи града Божіимъ милосердіемъ, вы же убо, вмѣсто строенія, на грабленіе текосте! Тако ли убо прегордыя царства разоряти, еже убо ты, безуміемъ дмяся, хвалишися? иже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть: понеже вся, яко раби, съ понужденіемъ сотворити есте, а не хотѣніемъ, и паче съ роптаніемъ. Се убо похвально есть, еже хотѣніемъ желая, брани творити. Подручна же тако царствія сія сотвористе намъ, яко же множае седми лѣтъ мнѣ же сихъ царствъ и нашего государствія бранная лютость не престая! Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако нашему царствію государское во всемъ послушно учинишася, и множае третью надесять тысящъ бранныхъ исходитъ въ помощь пранославію. Тако вы прегордыя царства разорили и подручны намъ сотворили, талавни! И тако сопротивенъ разумъ, по твоему злобѣсному умышленію!

Се убо отъ Казани; отъ Крыма же и на пустыхъ мѣстѣхъ, идѣже звѣрія бяху, грады и села устроиша: что же убо и ваша побѣда, яже Хопромъ и Дономъ? Колико убо злая истощанія и пагуба христіаномъ содѣявше, супротивнымъ же ни малыя досады! О Иванѣ же Шереметевѣ что глаголати? Еже по вашему злосовѣтію, а не по нашему хотѣнію, случися таковая пагуба православному христіанству.

Се убо такова ваша добротная служба, и тако прегордия царства разоряете и подручныя намъ сотворяете, яко же выше явихомъ! О Германскихъ же градѣхъ глагоleshь: „тщаніе разума измѣнниковъ нашихъ отъ Бога намъ данно“. Но, яко же наученъ еси отъ отца своего діавола, все ложь глаголати! Брань, еже на Германы: тогда послали есмя слугу своего царя Шигалея и боярина своего и воеводу князя Михаила Васильевича Глинскаго съ товарищи, Германъ воевати, и отъ того времени отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися! Егда же васъ послахомъ на лѣто на Германскіе грады, тебѣ тогда сушу въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, своя ради потребности, а не нашимъ посланіемъ, множае убо седмь посланій нашихъ къ боярину нашему и воеводѣ, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и къ тебѣ послахомъ: вы же едва пойдосте съ малѣйшими людьми, и нашимъ многимъ поминаніемъ множае пятнадцать градовъ взясте. Ино, се ли убо тщаніе разума вашего, еже нашимъ посланіемъ и напominаніемъ градъ взяша, а не по своему разуму? Како убо воспомяну о Германскихъ градѣхъ? Супротивъ словія попа Селивестра восхищати можетъ, иже сиру вдовицу, суду не внемлюще, ихъ же вы желающе на христіанство злая составляете! Антихристажъ вѣмы, ему же вы подобная твористе, злая совѣтующе на церковь Божію. Отъ насъ *сильныхъ же во Израили и отъ разліянія крови вашей* писахъ; потоки жъ никакимъ не творимъ; паче же сами вы супротивословія не приѣмлете, но обаче потоки любите. А еже *сиклита, отъ пробужденія рожденна*, не вѣмы: паче же въ васъ таковой; *Маовитинъ же и Амонитинъ* ты. Яко же убо они отъ Лота изшедши, отъ сыновца Авраамля, всегда на Израиль воеваху: тако же убо ты: еже убо отъ васкаго племени изшелъ еси, и на ны безпреставнѣ совѣтуеши пагубу.

Что же убо писалъ еси, *хотя* убо *поставити* судію или учителя: ни къ чесому убо власть твоя, понеже претительно повелѣваеши. И яко же убо бѣсовскому злохитрію подобно! Ово убо лукаво и ласкательно, ово же гордо и страшительно: тако же убо и ты: ово убо гордостію дмяся, выше мѣры подобяся мѣстоблюстителемъ, яко извѣты твоя, къ намъ писалъ еси; ово же худѣйшимъ рабомъ своимъ и скуднымъ умомъ подобяся. Яко же убо иже бѣжавши отъ рукъ нашихъ, яко же тѣи недѣлая глаголюще; тако же и ты по своему злобѣсному, измѣнному, собацкому хотѣнію и умышленію, изступивъ ума неистоваяся, бѣсному подобяся, колебляся писалъ еси. Тѣмъ же подобно пророческое слово: *Се владыка Господь Саваоѣ отъиметъ отъ Іудей и отъ Іерусалима крѣпяюще, крѣпяща, крѣпость хлѣба, и крѣпость воды, исполнина крѣпка, и челоуѣка ратника, и судію, и пророка, и смотрѣлива, и старца, и пятьдесятиначальника, и дивна советника, и премудра художника, и разумна послушника. И поставлю юношу начальника ихъ, и ругатели обладаютъ ими. И спаднутъ людіе, челоуѣкъ къ челоуѣку, и челоуѣкъ къ ближнему своему: приразится отроча къ старцу, и безчестный къ честному. И яко имется челоуѣкъ брата своего или приснаго отца своего, глаголя: ризу имаша, началавождь намъ буди, и брашно мое во область твою да естъ. И отвѣщаетъ въ день оныхъ, речеть: не буду старъ, нѣтъ бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы: не буду старъ и модель симъ. Яко оставленъ бысть Іерусалимъ, Іудея разорится, и языцы ихъ со беззаконіемъ, Господеви не покажутся. Зане же смирися слава ихъ, и студъ лица ихъ противится имъ; грѣхъ же свой, яко Содомскій, возвеститиша и явиша. Горе душѣ ихъ! зане умыслиша советъ лукавъ въ себѣ, рекше: свяжемъ праведна, яко не потребенъ намъ естъ: убо плоды дѣлъ своихъ съядятъ. Горе беззаконному! злая бо приключаются ему по дѣломъ руку его. Людіе мои! приставницы ваши пожинаютъ васъ, истязяюще и обладаютъ вами. Людіе мои! блажащіе васъ лъстятъ въ, и стези ногъ вашихъ возмутятъ. Но нынѣ*

станеть на судъ Господь и поставитъ люди своя. Самъ Господь на судъ придетъ со старцы людей и со князи своими. И яко же Ареопагитъ писа къ Димофилу иноку: „Димофилъ же, и аще кто другій благія враждуя зѣло правдѣ, не за- „прещается, и навывааетъ добрая и ублажается. Како бо не „подобаше ли, рече, благому о спасеніи остана и погибшихъ „веселитися о животѣ умершихъ? Сего ради и на рамови „емлетъ еже едва отъ заблужденія возвращенное и благіе „ангелы на веселіе воздвижеть, и благъ есть не о благодар- „ныхъ, и возсіяваетъ солнечныя луча на лукавыя и благіе и „самую душу свою полагаетъ за отбѣгающихъ. Ты же, яко „писмена твоя являють, и пришедшаго къ священнику, его „же рекль еси нечестива и грѣшна, не вѣмъ како на себе „возставъ отринулъ еси; тажъ ово убо моляшеся и повѣдаше „ко врачеванію злыхъ прійти; ты же не ужасеся, но и бла- „гому священнику свирѣивствомъ досадила еси, помилованна „быти кающагося и нечестива судившу; и конецъ, *Измди*, „рекль еси священнику, съ подобными воскочилъ еси на куцу „праведно съ неходимымъ, и святая святыхъ skutаль еси, и „пишеша къ намъ, яко хотящаго растлети священная про- „мыслителнѣ снабдѣхъ, и еще что сохраняя. Нынѣ убо слыши „нашихъ: нѣсть праведна священника, отбѣже отъ тебя слу- „житель или вкупочинныхъ тебѣ рабъ виновна творять, аще „и не чествовати въ божественная мнится, и аще ино что „отреченныхъ обличитя содѣявъ. Аще убо неудобреннѣ и „безчиннѣ божественнѣйшихъ есть и предѣлъ и уставъ; ис- „шествія не имать, славы ради богопреданныи разрушити „чинъ. Не бо въ себѣ Богъ раздѣлися, какъ бо станеть цар- „ствіе его? И аще Божій есть, яко жъ словеса глаголють, „судъ, священницы же вѣстницы, и пророцы по священно- „начальницѣхъ суть божественныхъ судьбъ, отъ тѣхъ, боже- „ственная, прикладъ, лѣтъ насредствомъ служитель, егда есть „время, навывкуеши, ими же быти угодникъ сподобился еси. „Или не освященны образы сіе же вопіють? Ибо не простѣ „всѣхъ изби, изрядни суть святая святыхъ; приближаетъ жеся

„вѣщимъ священно-совершительное удобрение, тажъ священ-
„никъ удобрение. Послѣдуй, еже ииѣмъ служительное; вчи-
„неннымъ же угодникомъ, рекше инокомъ дверьми невходи-
„мыхъ суть отлучены, на нихъ же совершаются и предстоятъ
„не блюденію ихъ, но въ чину и разумѣнію своихъ, паче
„людемъ, нежели священническимъ и приближающимся. Сего
„ради священныхъ чиноначалія, причащаются имъ священно
„полагаетъ божественныхъ, инымъ, рекше внутреннѣйшимъ,
„ихъ припаденіе вручи: ибо иже о божественномъ образѣ
„присно предстояще жертвенницы, слышать и зрять боже-
„ственная свѣтлѣй имъ открываемая, происходяще благовиднѣ,
„называя божественныхъ и за все послушательнымъ и угод-
„никомъ и священнымъ людемъ и чистящимся чиномъ и
„изъявляютъ по достоянію священная, яже добрѣ пречистая
„сохраненная, дондеже мучительски скончалъ еси; обличити
„святая святыхъ понудилъ еси нехотящая; имѣти, реклъ еси,
„священная соблюдать паче, и еже видѣлъ еси, и еже слы-
„шалъ еси, ниже имѣлъ еси что о прикладнымъ священни-
„комъ, якожъ ниже истину словесъ видѣлъ еси, на кійждо
„день сія толкуя возвращеніе слышашимъ. И аще убо языка
„начальство некако взяти начнетъ, неповелѣнно ему отъ
„царя, праведно мучитися имате. И аще князь оправдая нѣ-
„коего или осуждая, предстоитъ нѣкто, иже невчиненный судъ,
„что дерзнетъ: ни убо, глаголю, досаждати вкупѣ и начала
„изгоняти? Ты же, человекѣ! сице смѣятеленъ еси ни крот-
„каго и благаго и на священноначальническіе его уставы. Но
„сія подобаше рещи, егда паче достоянія кто начиная, обаче
„лѣпотно дѣти мяшеса, ибо ниже се мощно снѣденному.
„Что убо Іозія безмѣстно твориша, краде Бога? Что же Сауль
„подражая? Что же мучительные бѣсове Бога славяще и Гос-
„пода? Но отриновени благословіемъ всякъ чуждъ епискупъ
„и кійждо въ чину службы своя да не будетъ, и единъ
„первосвященникъ внидетъ во святая святыхъ единого въ
„лѣто, и смѣи во всякой священноначальнической чистотѣ. И
„священницы скутываютъ святая, и Леввити аще прикоснутся

„святыхъ, да не умрутъ. Дерзнувше же Іозія, гнѣвъ Божій
„наведе на ся, и Марія прокаженна бываеъ, законодавцу
„уставъ полагати наченшеса. И на сыны паскочивше бѣсове,
„*не послушахъ*, рече, и ти течаху; я не глаголаху къ нимъ,
„и ти пророчествоваху, и *нечестивій пожираху тельца, яко*
„*убивая и пса*. И просто рещи, не терпитъ беззаконныхъ
„всесовершенная Божія правда; глаголющимъ же имъ: „о
„имени твоёмъ силы многи сотворихомъ,“— „*не вѣмъ васъ*,
„отвѣщаетъ, *отъидите отъ мене, вси дѣлателіе беззаконія*.“
„Тѣмъ же нѣсть лѣзѣ, яко жъ глаголють словеса, ниже пра-
„ведная, не по достоянію гошты. Внемлити же комуждо
„себѣ подобаеъ, а не высочайшая и глубочайшая смышлай,
„разумѣвай же единая по достоянію тому повелѣнная.

„Что же убо, глаголеши, не подобаеъ священствуемая,
„или о чесомъ иномъ безмѣстныхъ облачаемыя творити, еди-
„нымъ же лѣтъ хвалящимся законопреступленіемъ закона
„Бога обезчестовати? и какъ священницы изъявили судъ
„Божій? како бо возвѣстити имуть людямъ божественныя
„добродѣтели, не увѣдѣша ихъ силу? или како просвѣщати
„имуть потемненныя? Како же божественнаго проповѣдять
„духа, ниже аще есть духъ святыи истинною вѣроваша имъ?
„Азъ же отвѣщати имаю къ симъ: бо не врагъ Димофилъ,
„ниже терплю тебя лихоимствуема. И убо коеждо сущихъ
„при Бозѣ удобреніе, боговиднѣйше вѣщще отстоимаго есть,
„и свѣтлѣйшая вкупѣ и просвѣщательная же паче истин-
„ному свѣту приближательнѣйшая. Да не вѣстнѣ примеша,
„но въ богопріятномъ прикладствѣ приближеніе. Аще убо
„священникъ удобреніе есть просвѣщательно, весьма отпалъ
„есть священническаго чина и силы, иже не просвѣщате-
„ленъ, колѣми паче иже не просвѣщенный. Дерзостивъ мнѣ
„мнится священникъ таковый начиная, не убоися, ниже усты-
„дѣся божественныя предстоянія, гоня и непщуя Богу видѣ-
„ти, яко той собою разуменъ есть, и прельстятн непщуетъ,
„иже лжеименіемъ того отца нарицаемаго имѣетъ скверная
„своя злохуленія: (не бо имаю рещи молитву), но въ бже-

„ственныхъ знаменныхъ и Христовидно глаголати. Нѣсть се „священникъ, нѣсть; но злый и лътивный поругатель себѣ и „волкъ на божественные люди, въ кожу овчюю облеченный. „Не Димофилу сія праведно исправляти. Аще убо Богословъ „неправеднѣ праведная гонити повелѣваетъ (праведная же „гонити есть, егда воздати вамъ хочеть что комуждо по до- „стоянію), праведнѣ всѣмъ достоятъ гонити: понеже анге- „ломъ праведно воздати, яже по достоянію, отлучати, обаче „не отъ насъ, Димофиле! тѣмъ же намъ отъ Бога, и тѣмъ „же еще преимущими ангелы. Просто рещи, во всѣхъ и су- „щихъ первы имя вторымъ воздаются, яже по достоянію отъ „всѣхъ благочиннаго и праведнѣйшаго промышленія: еже убо „инне начальствовати отъ Бога вчиненные воздають послѣд- „нимъ себѣ и послушливымъ, яже по достоянію. Димофилъ „же слову ярости и похотѣнію, яже по достоянію, да отлу- „чаетъ и да не обидитъ своего чина, но да начальствуетъ „меньшими.“

Первоходимое слово. Аще бо нажилищихъ видиши раба владыцѣ, и старцу юношу, и Алексѣя и всѣхъ васъ на всяко время, еже бы не ходити бранію, и како убо, лукаваго ради напомниманія, дастся до короля лѣто цѣло безлѣпо Лифлян- томъ сбиратись? Они жъ, пришедъ предъ зимнимъ временемъ, и колько тогда народу христіанскаго погубили! Се ли же тщаніе измѣнниковъ нашихъ? Да, и ваше благо, еже народъ тако христіанскій погубляти! Потомъ послахомъ васъ съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ и зѣло со многими людьми; вы же едва единъ Вильянь взясте, и тутъ много нашего народу погубисте. Такожде убо тогда отъ Литовскія рати дѣтскими страшили устращистесь! Подъ Пайду же нашимъ повелѣніемъ неволею пойдосте, и какомъ трудъ воемъ нашимъ сотвористе и ничтожъ успѣсте! Таково ли убо тщаніе разума вашего, и тако ли претвердые грады Германскіе тщалися есте утверждати? И аще не бы ваше злобѣсное претиканіе было, то бы за Божією помощію, едва не вся Германія была за православіемъ. Та же оттолѣ Литовскій языкъ и

Готскій и иные множайшіе воздвигосте на православіе. Се ли убо, тщаніе разума вашего и тако ли хотѣніе утверждати православіе? А всеродно васъ не погубляемъ; а измѣнникамъ вездѣ казнь и опала бываетъ: въ кою поѣхалъ еси землю, и тамо о семь пространнѣе увѣси. А за такія ваши послуги, еже выше рѣхомъ, достойны есте были многихъ опалъ и казней; но мы еще съ милостію къ вамъ опалу свою чинили; аще бы по твоему достоинству, и ты бѣ къ недругу нашему не уѣхалъ, и въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ бы нашемъ градѣ избылъ еси, и утеканія тебѣ сотворити было невозможно. Коли бы мы тебѣ въ томъ не вѣрили, и мы бы тебя въ ту свою вотчину не послали, и ты такъ собацкимъ своимъ обычаемъ измѣну намъ учинилъ, безсмертенъ быти мняся, понеже смерть Адамскій грѣхъ, общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ; аще бо и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему, подобно всѣмъ человѣкомъ, обложенъ есмь по естеству, а не яко жъ вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.

О ереси же всякой: яко жъ выше рѣхомъ, благодарю Бога моего, вѣмъ благочестіе отчасти утвердити по Божію дарованію, елико ми есть сила; сіе же мняху подлежитъ, еже человѣкомъ яко скотомъ быти: аще ли же тако, то уже въ человѣцѣхъ пара, а души нѣсть: се убо ересь Саддукейская! Сице убо ты неистовишися, безъ ума пиша! Азъ же вѣрую Спасову страшному судищу, хотящу пріяти душамъ человѣческимъ съ тѣлеси ихъ, съ ними жъ содѣяша, каждо противу дѣлу ихъ вси вкупѣ во единомъ лику разлуча надвое: царіе и худѣйшая чадъ, яко братія изгязани будутъ, каждо противу дѣлу своему. А еже писалъ еси: „аки не хотя ужъ „неумытному судищу предстати:“ ты жъ убо на человѣки ересь полагаеши, самъ подобенъ Манихействѣ злобной ереси, пиша! Яко же они, еже небомъ обладати Христу, землю же самовластнымъ быти человѣкомъ, преисподними же діаволу; такожъ и ты будущее судище здѣ проповѣдуешь, и еже Божіихъ наказаній, приходящихъ согрѣшеній ради че-

ловѣческихъ, презираеши. Азъ же исповѣдую и вѣмъ, яко не токмо тамо мученія иже здѣ живущимъ и престающимъ заповѣди Божія, но и здѣ Божіаго гнѣва праведнаго, по своимъ злымъ дѣломъ, чашу ярости Господни испиваютъ и многообразными наказаніи мучатся, а по отшествіи свѣта сего, горчайшее осужденіе пріемлюще. Сиде азъ вѣрую страшному судищу Спасову! Та жъ и се вѣмъ: обладающе Христу небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на землѣ и преисподняя состоится его хотѣніемъ, свѣта отча и благоволеніемъ святаго духа; аще ли жъ не тако, сія мученіе пріемлютъ, а не яко же Мавихей, яко же о неумытномъ судищѣ Спасовѣ, аще не хотимъ предстати Христу Богу отвѣтъ дати о своемъ согрѣшеніи, вся вѣдущему сокровенная тайная. Азъ убо вѣрую, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ: како жъ твой разумъ смѣху не подлежитъ, яко аще тлѣнни власти множицею на судище неволею привлекаютъ! Царю же царемъ и господу господемъ всѣми владѣющему, како не повинутися? и аще кто и не хочетъ безумень, то отъ Божія гнѣва гдѣ укрытися можетъ? иже неодолимую тяготу на воздухѣ держаще, воду и моря востязюще Божія мудрость, ему же дыханія въ руцѣ всѣхъ сущихъ, яко же рече пророкъ: *Аще взмду на небо, ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси; аще возму крыль мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя. Не утаися кость моя отъ тебя, юже сотворилъ еси втайнѣ, и составъ мой въ преисподнихъ земли.* Сиде убо азъ вѣрую неумытному судищу Спасову! И отъ Божія всемогущія десницы живымъ и мертвымъ кому возможно гдѣ скрытися? вся нага и отверста! Прегордымъ же гонителемъ всѣмъ и всѣмъ Христа Бога нашего истиннаго противникомъ, яко жъ рече писаніе: *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

*

Станемъ же убо о семь разсужденіе имѣти, кто прегордѣ: азъ ли, отъ Бога только повиннымъ рабомъ вамъ повелѣваю хотѣніе свое сотворити; или вы, противяся Божія повелѣнія, моего владычества и своего работнаго ига отметааетеся, и яко господіе повелѣваете мнѣ вашу волю творити, и поучаете, обличаете и учительскій санъ на ся восхищаете? яко же рече божественный Григорій къ надѣющимся юности и во все время держащимъ быти учителемъ: „Ты прежде брады учиши „старца: или учити вѣруешь ни отъ возраста, ни отъ нрава, „и ниже какой имъ честь? Посему Даниль Іонъ сядею и „изсуди я и притча на языкѣ: всякъ убо обидяй, въ отвѣтъ „готовъ, но не закономъ церкви скудно.“ Яко же не едина ластовица весну творить, ниже писмо единого землемѣрца или корабль единъ въ морѣ; такожде и ты, ни отъ кого же рукоположенъ, учительскій санъ восхищаша. Се ли гордо, яко владыцѣ рабу учити? или се гордо, яко владыцѣ повелѣвати рабу? И можетъ ли сіе невѣжда разумѣти, яко жъ ты, собака, и того не разсудишь, како тріе патріарси собрашася со множествомъ святителей къ нечестивому Теофілу царю, и многосложный свитокъ написаша, таковая жъ хуленія, яко жъ ты, не написаша, аще и нечестивъ бѣше царь Теофілъ: благочестивымъ же наипаче подобаетъ смиреннѣйше вѣщати, да отъ Бога самъ милость обрящешь; азъ же вѣрую Христу Богу моему, яко жъ ни движеніемъ сердечнымъ таковая согрѣшенія имѣю; и аще убо они, власть имѣя, и нечестивому не хулиша: ты же кто еси, санъ восхищая, неистоваясь хулиши? И хочете законъ Божій нуждою утвердити и своимъ злобѣснымъ обычаемъ вся апостольская преданія попираете; апостолу бо Петру глаголющу:... *ни яко обладающе ряду, но образъ бывающе стаду; не нуждою, но волею, не мшелою*: вы же вся сія презираете. Гоненія жъ на люди воскладаете: вы ли убо съ попомъ и со Алексѣемъ не гонили? Како убо епископа Коломенскаго Θεодосія, намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣсте каменіемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его со престола его. Что жъ о казначеѣ на-

шемъ Никитѣ Аванасьевичѣ? почто животь его раздробисте, самого жъ въ заточеніи много лѣтъ, въ дальнихъ странахъ, во алчбѣ и наготѣ держасте? И кто можетъ довольно вся гоненія ваша исчести за множествомъ ихъ! Аще кто мало намъ послушенъ явится, вси тѣи отъ васъ гоними быша неправедно. Сіе убо праведно? Ни: но бѣсомъ подобно твористе, спивая и полячая сѣти, уловляюще неправедно. Сіе же убо паче беззаконно твористе, подобно Фарисейскому киченію: внѣ уду являющесь праведни, внутрь же уду полни лицемѣрія и беззаконія, тако и вы являющесь человекомъ, яко исправленія ради гонисте, внутрь же уду свое неправедное хотѣніе гнѣва исполняете; и сіе ваше гоненіе всѣмъ разумно есть. Изтязаніе жъ не токмо до власть, но и движеніе сердечное, яко же рече, не содѣланное мое видѣсте очи Господни, и въ книзѣ твоей вси напишутся, яко жъ речено бысть въ *Старчествъ* о Иванѣ Калосѣ: егда возстѣна о нѣкоемъ братѣ, живущемъ въ велицѣй лаврѣ во всякомъ небреженіи, и въ піянствѣ и въ блудѣ, и тако за сіе видѣ себя восхищенна въ видѣнни и поставленна у страшнаго престола предъ нелицемѣрнаго судію, Господа нашего Іисуса Христа, предстояще жъ окрестъ множество ангелъ, како за сіе пострада и отвѣтъ воспрія! Се есть: *Антихристъ, восхищяя судъ Мой*, и тако видитъ себе изгонима отъ престола славы, и воспрія лишеніе мантии, еже есть покровъ Божій, и пятнадцатъ лѣтъ страдавшу ему въ пустынѣ, едва сподобися мантию и прощеніе пріяти. Смотри же сего, бѣдникъ! Понеже не осуди, но токмо возстѣна, и за сіе пострада страшно, аще и праведникъ; кольми же паче постраждуть, иже нечестія много сотворяющіе и Божій судъ на ся восхищающе, гордящеся, съ прещеніямъ ужасающе, а не сѣтующе съ милованіемъ. И аще о сѣтованіи пострада таковая, кольми же паче осуждай постраждеть!

Судителя жъ приводишь Христа Бога нашего между мною и тобою: и азъ убо сего судища не отметаюся: онъ бо господь Богъ нашъ, судитель праведенъ, испытай сердца и

утробы, и вся наша помышленія во мгновение ока нага и явственна предъ нимъ, и нѣсть иже укрывается отъ очю его, вся вѣдущему тайная сокровенія; и се убо вѣсть, за кое дѣло возстаете на мя и что пострадаете отъ мене, аще и послѣди, по вашему безумію, съ милостію мечь вамъ воздахъ. Но обаче вы есте соблазнъ всему и начало злу: понеже, по пророку, *мняте мя червя, а не чловѣка, и о мнѣ глаголете, сядяще во вратѣхъ, и о мнѣ поясте, пьющи вино съ другими измѣнники; сему убо, всѣмъ лукавымъ вашимъ совѣтамъ и умышленіямъ, судитель истинный Христосъ и Богъ нашъ. И ты убо судію Христа приводишь, дѣлъ же его отметаешься: оному убо глаголющу: *солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ, безъ прощенія, и молитесь за творящихъ напасть, отрицаетесь.* Зла же и гоненія безлѣпа отъ мене не пріялъ еси, и бѣдъ и напастей на тебя не подвигли есмя; а кое и наказаніе мало бывало на тебѣ, и то за твое преступленіе: понеже согласился еси съ нашими измѣнники. А лжей и измѣнъ, ихъ же не сотворилъ еси, на тебя не взваживали есмя; а которые еси свои проступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по тому и наказаніе чинили. Аще ты нашихъ опалъ, за множествомъ ихъ, не можешь счести, како убо можетъ вся вселенная исписать вашихъ измѣнъ и утѣсненій земскихъ и особныхъ, еже вы злобѣснымъ своимъ умышленіемъ сотвористе намъ? И мы всего того есмя не памятовали, и отъ Божія земли тебя не отгоняли, но самъ еси отъ всѣхъ лишился, и на церковь Божию возсталъ еси, подобно Евтропію: яко не церковь бо его предаде, и онъ самъ отъ церкви Божіи отторжеся; тако жъ убо и ты: не Божія земля тебя отъ себя отгнала, но ты самъ себя отъ нея отторгнулъ еси. Злую жъ и непримирительную ненависть кую воздалъ тебѣ и до нынѣшней твоей измѣны? Всячески бо дыхалъ еси на пагубу нашу, и достойныхъ мукъ по твоему злоумію не воздахомъ тебѣ, видящи тя о главѣ нашей злая совѣтующа, и въ таковѣй ближней чести держакомъ ты выше отецъ твоихъ: вси бо вѣдять, въ каковой чести родители твои жиша, и како убо*

отець твой, князь Михайло въ каковѣ жалованѣ и въ богатствѣ и чести былъ; каковъ же былъ еси и ты предъ ними, и сколько у отца твоего начальниковъ поселянъ, и былъ отецъ твой боляриномъ князя Михайла Кубенскаго: ты же тоя чести отъ насъ сподобленъ былъ еси. Но и сія ли тебѣ отъ насъ не довольно бысть? Всѣмъ еси лучше былъ отца своего по нашей къ тебѣ превысочайшей милости; храброваніемъ же множайше хуже отца своего, измѣною же прешель еси. И се ли убо благое твое возлюбленіе къ намъ, еже повсегда сѣти претывканія полагалъ еси намъ и подобяся Іудѣ на пагубу души поучалъ еси?

А что речеши: „кровь твоя пролитая отъ иноплеменныхъ „за насъ,“ по твоему мнимому безумію, „вопіеть на насъ „къ Богу:“ тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сіе! Еже убо отъ инаго пролитая, на инаго же вопіеть. Аще бы и тако, еже отъ сопротивныхъ супостатъ пролитая кровь твоя, то должная отечеству сія сотворилъ еси; аще бы не сотворилъ еси, то нѣси бы еси былъ христіанинъ, но варваръ:—и сіе къ намъ неприлично. Кольми же паче наша кровь на васъ вошеть къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ бездѣотно; яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многого вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханія и стѣнанія сердечная; и отъ сего убо предчресліе пріяхъ: понеже убо конечному любленію не сподобисте мя. А еже о царицѣ нашей и о чадѣхъ нашихъ, ни мало убо внимасте. Сипцеое убо мое моленіе на вы вопіеть къ Богу моему, паче вашего безумія: понеже бо иное проліяніе крови вашея за православіе,—ино жъ, чести и богатства желая. И сіе убо Богови непріятно есть; паче же и удавленіе вмѣняетъ, да еже славы ради умерети; мое жъ утѣсненіе и вмѣсто крови пролитыя отъ васъ самѣхъ пріяхъ всякое оскорбленіе и озлобленіе, еже вашимъ злымъ сѣяніемъ озлобленія жихъ, строптивая не престаеть убо,—се наипаче

на васъ непрестанно къ Богу вопіеть! Совѣсть же свою испыталъ еси не истинноу, но лестію; сего ради и не обрѣлъ еси истины: понеже едино воинственное испыталъ еси, а еже убо о нашей главѣ твоего нечестія, — сіе презрѣлъ еси; посему мнишися и неповиненъ быти.

Побѣды жъ пресвѣтлы и одолѣніе преславно когда показалъ еси? Егда убо послахомъ тя въ нашу отчину, въ Казань, непослушныхъ нашихъ повинути намъ; ты жъ, въ повинныхъ мѣсто, къ намъ неповинныхъ нашихъ привелъ еси, измѣну на нихъ туне возлагая; а на нихъ же послахомъ тя, ни коего жъ зла имъ сотворилъ еси. Егдажъ въ нашу отчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ, Крымскій царь, и мы тогда васъ послахомъ противу его: оному жъ утрашшуся и во своя возвратившуся, Агметъ улану жъ, воеводѣ его, не со многими людьми оставшуся, вы же тогда поѣхасте на обѣдъ къ воеводѣ нашему, ко князю Григорью Темкину, и ядше, пойдосте за ними, и ничто жъ имъ сотворше: они бо въ то время въ далечайшее разстояніе отъ васъ отъидоша. Аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды никоея же не сотвористе. Тако жъ убо и подъ градомъ Невлемъ: пятнадцать тысящъ четыре тысящи не могосте побити, и не токмо убо побѣдисте, но и сами отъ нихъ, ничто же успѣвшс, едва возвратишася. Се ли убо пресвѣтлая побѣда и одолѣніе преславно? Иная убо не твоей милости бяху, сіе убо тебѣ на похвалу написуется!

А еже убо речеши, яко „ратныхъ ради отлученій, мало „зрѣхъ рождшія тя, и жены своя, отлученія ради, не по- „знахъ, и отечество оставляхъ, но всегда въ дальнихъ и „окольныхъ градѣхъ нашихъ противъ враговъ нашихъ опол- „чахся, претерпѣвалъ еси естественныя болѣзни, и ранами „учащенъ еси отъ варварскихъ рукъ, въ различныхъ бра- „нѣхъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь:“ — и сія тебѣ вся сотвориша тогда, егда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣсте. И аще не годно, почто тако творили есте? Ащежъ творили есте, то почто, сами своею властію сотворивъ, на

насъ воскладаете? Аще бы и мы сіе сотворили, нѣсть дивно: но понеже бо сіе должно нашему повелѣнію въ нашемъ служеніи быти. Аще бы мужъ браненосецъ былъ еси, не бы еси исчислялъ бранные труды, но паче на предняя простиралъбься; аще же исчитаеши бранные труды, то сего ради и бѣгунъ явился еси, яко не хотя бранныхъ трудовъ повести, и сего ради во упокоеніи пребывати. Сія же твоя худѣйшая браненосія намъ ни во что же поставлена, еже вѣдомія измѣны твоя и еже претыканія о нашей главѣ тебя презрѣнна бывша, и яко единъ отъ вѣрнѣйшихъ слугъ нашихъ, былъ еси и славою и честію и богатствомъ почтень. И аще бы не тако, то какихъ казней за свою злобу былъ еси достоинъ? И аще бы не было на тебѣ нашего милосердія, не бы возможно было тебѣ угонзнути къ нашему недругу, аще бы наше къ тебѣ гоненіе было, яко жъ по твоему злобѣсному разуму писалъ еси. Бранныя же дѣла твоя вся намъ вѣдома. Не мнѣя неразумна суща или разумомъ младенчествующа, яко жъ начальницы ваши поупъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мѣ дѣтскими страшилы устрашити, якожь прежде сего съ попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте; или мните нынѣ таковая сотворити? Въ притчахъ бо речено бысть: „его же не можеша имати, того не покушайся имати.“ Мздовоздаятеляжъ Бога призываеши: воистину, онъ праведный воздаятель всякимъ дѣламъ, благимъ же и злымъ; но токмо подобаетъ разсужденіе имѣти всякому человѣку, како и противъ какихъ дѣлъ своихъ кто мздовоздаянія приметь. „Лице жъ свое, пишешъ, не явити намъ „до дне страшнаго суда Божія:“ кто же убо восхоцетъ таковаго Евѣопскаго лица видѣти!

А еже речеши, глаголя: „возсылати Богу о отщепеніи „своемъ:“ и сія или не вѣси, како преподобный Поликарпъ моляше праведнѣ на развращающіе церковь Божію о нанесенію суда съ прещеніемъ; щедрый же въ милости схождаше щедротами своими, изъ пропасти зміевы сихъ свободы и прочее, рече Поликарпови: „готовъ есмь человѣки страдавшіе

„спасати, аще ми покаются.“ И аще убо такого праведна мужа и праведнѣ молящася на погибель не послуша ангельскій владыка: кольми же паче тебя, пса смердяща, бѣснаго измѣнника и неправедника, на зло молящася, послушаетъ! Яко же рече божественный Іаковъ: *Просите и не пріемлете, зане зль просите, да въ сластехъ вашихъ изживете.* Обаче вѣрую Богу моему, болѣзнь моя обратится на главу твою. А еже пишешь, возлагая судъ праведному князю Ѳеодору Ростиславичу: сего азъ судію желательнѣ пріемлю, аще и сродникъ ти есть, понеже святіи вѣдятъ, паче и по смерти, праведная творити и видятъ между нами и вами язь отъ начала и до днесь, и праведнѣ убо да разсудятъ. А яже бо нашу царицу Анастасію, вами уподобляемую Евдокіи: како супротивъ злаго вашего немилосердаго умышленія, сей святыи князь Ѳеодоръ Ростиславичъ молитвами своими, по дѣйствию святаго духа, отъ вратъ смертныхъ воздвигъ ея,—и се убо наипаче явлено есть, яко не вамъ способствуетъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ: такожде и нынѣ уповаемъ его способника быти намъ, паче, нежели вамъ. Понеже аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили: можетъ бо Богъ и отъ каменія воздвигнути чада Аврааму. Не вси бо, изшедшіе изъ Авраама, сѣмя Авраамле причитаются; но живущіе въ вѣрѣ Авраамовѣ; сіи суть сѣмя Авраамле. Суемудрыми же мыслями ничтожъ умышленія творимъ и на такой степени ногъ своихъ не утверждаемъ, но еликажъ сила наша крѣчайша, тогда, на твердемъ степени утвердивъ ноги своя, стоимъ неподвижно.

Прогнанныхъ же отъ насъ нѣсть никого, развѣ сами злодѣйственнѣ отторгошася; избѣенныежъ и заточенные вси пріяша по своимъ виновностямъ, яко же выше рѣхъ, по тому тако и пріяша. Но обаче о семъ вамъ скорбѣти подобаетъ, еже во всемъ вамъ богоданному владыцѣ сопротивистеся! Убѣенныхъ же по своимъ измѣнамъ мните, пишуще, у престола владычня предстояще: и сіе убо суемудренно твое умышленіе, по апостолу: *Бога никто же нигдѣ же видѣ.*

Вы же, измѣнники, аще и вопіете безъ правды, ничтоже убо пріимете: понеже сластей ради просите. Азь же убо ни о чемъ хвалюсь въ гордости и никакожь горденія желатель: понеже убо свое царское содѣлаю, и выше себя ничто же творю. Паче же вы убо гордитесь, дмящися: понеже раби суще церкви и святительскій санъ на ся восхищающе, учаще и запрещающе и повелѣвающе. На христіанскій же родъ никакихъ мучительныхъ сосудовъ не умышляемъ; но паче за нихъ желаемъ противу всѣхъ враговъ ихъ не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подвластнымъ же своимъ благимъ убо благая подаемъ, такожде и злымъ злая, по приточнику: „благимъ убо исперва создано бысть благо, такожде „и грѣшникомъ зло;“ не хотѣниемъ убо сія творя, ни желая, но по нуждѣ: злаго ради ихъ преступленія и наказаніе имъ бываетъ. Вѣси ли, яко многожды и не хотяще случается по нуждѣ законопреступнымъ наказаніе? „Наругающіежеса и по- „пирющіе Ангельскій образъ, согласующеса ласкателемъ своимъ нѣкіимъ:“ развѣ останкомъ вашего злаго совѣта! Въ боярѣхъ же нашихъ несогласія нѣсть: развѣ друзей и совѣтниковъ вашихъ, яже нынѣ, подобно бѣсомъ, вся совѣты своя лукавые не престаючи въ нощи содѣвающе, яко же рече пророкъ: *Горе совѣщавающимъ совѣтъ золь до заутрія, и гонящимъ свѣтъ, да въ совѣтъ своемъ скрываютъ праведнаго!* И сего убо ради, яко не хотѣхъ въ дѣтствѣ быти въ волѣ вашей, гоненіе нарицаете! Вы же владѣтели и учителя по- всегда хотите быти яко младенцу! Мы же уповаемъ милостию Божіею, понеже дойдомъ въ мѣру возраста, исполненія Христова, и кромѣ Божія милости и пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, отъ чловѣкъ ученія не требуемъ, ниже подобно есть, еже владѣти множествомъ народа, онѣхъ разума требовати. Отъ Кроновыхъ же убо жрецъ, еже подобно псу лаеши, ядъ ехидный отрыгая, — сіе неподобно писалъ еси: еже убо како рождшимъ своимъ чадомъ сицевая неудобствія творити, пачежь и намъ царемъ, разумъ имущимъ, како

уклонитися на сіе бездѣятство? Сія убо вся злѣбѣннѣмъ своимъ собацкимъ умышленіемъ писалъ еси.

А еже свое писаніе хочешь съ собою во гробъ вложить: се убо послѣднее свое христіанство отложилъ еси! Еже бо Господу повелѣвшу не противитися злу, тыжъ убо и обычное, еже невѣжды имуть, конечное прошеніе отвергль еси; и по сему убо нѣсть подобно и пѣнію надъ тобою быти. Въ нашей же отчинѣ, въ Вифляндской землѣ, градъ Волмеръ недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь: се убо свою злѣбѣсную собацкую измѣну до конца совершаешь! А еже отъ него надѣшешия много жалованъ быти,—се убо подобно есть: понеже не восхотѣ подъ властію быти Божія десницы, и отъ Бога даннымъ владыкамъ своимъ послушнымъ и повиннымъ быти, но самовольствомъ самовластно жити: сего ради такова государя искалъ еси по своему злѣбѣсному хотѣнію, еже ни чимъ же собою владѣюща, но паче худѣйша отъ худѣйшихъ рабъ суца, понеже отъ всѣхъ повелѣваемъ есть, а не самъ повелѣвая. Но что еще глаголю ти много? по премудрому Соломону: *Съ безумнымъ не множи словесъ; обличенія бо ему о правдѣ злѣба слышати.* Аще бы еси имѣлъ смыслъ цѣль и разумъ здравъ, то по приточнику сему уподобился бы еси: *Разумъ премудраго яко потокъ умножится и совѣти его яко животенъ источникъ.* Ты же яко изгнвшій сосудъ; ничто жъ удержано имъ суть; такожде и ты разума стяжати не возможе.—Писана наша великія Россіи, преименитаго, царствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царскаго порога, отъ дѣта міросозданія 7072, Іулія мѣсяца въ 5 день.

III.

КРАТКОЕ ОТВѢЩАНІЕ
КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРВСКАГО,
НА ЗЪЛО ШИРОКУЮ ЭПИСТОЛІУ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МОСКОВСКАГО.

Курбскій отвѣчаетъ на предыдущее посланіе, что царь постыдился бы писать такъ нескладно, подобно *неистойой бабѣ*, въ чужую, просвѣщенную страну, и что онъ, злополучный изгнаникъ, заслуживаетъ не укоризнь, а утѣшенія. Не знаетъ, чего хочетъ Іоаннъ, погубивъ всѣхъ потомковъ Владимира святого, и отнявъ у бояръ все, до послѣдней рубахи. Думалъ отвѣчать на каждое слово царское, но не рѣшился, отдавая все суду Божию, и считая рыцарю неприличнымъ ругаться, подобно рабу.

Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ, и выразишь и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, такъ великому и во вселеннѣй славимому, но и простому, убогому воину сіе было не достойно; а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати; въ краткихъ словесѣхъ много разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и вязливо, цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьями! Тутю же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и инья безчисленныя, воистину, яко бы неистовыхъ бабъ басни; и такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтвмъ со удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые челоуѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусныя.

Но еще къ тому, и ко мнѣ челоуѣку смирившемуся уже до зѣла, во странствѣ, много оскорбленному и безъ правды

изгнанному, аще и многогрѣшному, но очи сердечныя, и языкъ ненаученный имущу, такъ претительнѣ и многошумяще, прежде суда Божія, претити и грозити! И вмѣсто утѣшенія, въ скорбѣхъ многѣхъ бывшему, аки забывъ и отступивши пророка (*не оскорбляй, рече, мужа въ бѣдѣ его, довольно бо таковому*), яко твое величество меня неповиннаго въ странствѣ таковыми, во утѣшенія мѣсто, посѣщаешь!.. Да будетъ о семъ Богъ тебѣ судьей!... И сице грызти кусательнѣ за очи неповиннаго мя мужа, отъ юности нѣкогда бывшаго вѣрнаго слугу твоего! Не вѣрую, иже бы сіе было Богу угодно.

И уже не разумѣю, чего уже у насъ хочещи? Уже не токмо единоплемянныхъ князятъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владимира, различными смертми поморилъ еси, и движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ; но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ. А хотѣхъ на каждое слово твое отписать, царю и могъ бы избраннѣ: понеже, за благодатію Христа моего, и языкъ маю отеческій, по силѣ моей наказанъ, аще уже и во старости моей здѣ пріучихся сему; но удержажъ руку со тростию, сего ради: яко и въ прежнемъ посланію своемъ написахъ ти, возлагаючи все сіе на Божій судъ, и умыслихъ и лучше разсудихъ здѣ въ молчаніи пребыти, и тамо глаголати, предъ маестатомъ Христа моего со дерзновеніемъ, вкупѣ со всѣми избіенными, и гонимыми отъ тебя, яко и Соломонъ рече: *тогда, рече, станутъ праведнии предъ лицемъ мучащихъ*, тогда, егда Христосъ придетъ судити, и возглаголютъ со многымъ дерзновеніемъ со мучащими или обидящими ихъ, идѣже, яко и самъ вѣси, не будетъ лицепріятія, на судѣ ономъ, но каждому человѣку правость сердечная и лукавство изъясляемо будетъ; вмѣсто же свидѣтелей, самого каждаго свойственно совѣсти вопіюще и свидѣтельствующе. А къ тому еще и то, иже не достоятъ мужемъ рыцарскимъ сва-

ритися, аки рабомъ, паче же и зѣло срамно самимъ христіаномъ отрыгати глаголы изъ устъ нечистые и кусательныя, яко многажды рѣхъ и прежде: лучше умыслихъ возложити упованье мое на всемогущаго Бога, въ трехъ лицѣхъ славимаго и поклопяемаго: ибо онъ есть свидѣтель на мою душу, иже не чую ся предъ тобою винна ни въ чесомъ же. А сего ради, пождемъ мало: понеже вѣрую, иже близъ, на самомъ прагѣ предверія надежды нашея христіанскія, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа пришествіе. Аминь.

IV.

Г Р А М О Т А,

ПОСЛАННАЯ

О Т Ъ Г О С У Д А Р Я

ИЗЪ ВОЛОДИМИРА ЛИВОНСКАГО

КО

КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРЬСКОМУ,

СО КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПОЛУБЕНСКИМЪ.

Прописавъ весь титулъ свой и со смиреніемъ напомнивъ Курьскому о дарованныхъ Богомъ побѣдахъ надъ Нѣмцами, Литвою и Татарами, царь снова разбираетъ первое письмо его: разсматриваетъ въ особенности выраженіе *растланный умомъ*, и доказываетъ, что оно прилично не ему, царю, а боярамъ, кои а) предпочли царевичу Теодору князя Прозоровскаго; б) судили сего послѣдняго съ Сицкимъ, въ укоровну самому Іоанну; в) честили дочерей Курлятевыхъ, а царевенъ проклинали; д) погубили царицу Анастасію Романовну; е) довели царя до *Кроновыхъ жертвъ*; ф) наконецъ хотѣли избрать на царство Владимира Андреевича. — Сознается въ строгости мѣръ, вынужденныхъ строптивостію бояръ; говорить, что вся *матерь* измѣнниковъ тщетна, что и безъ нихъ Русское оружіе торжествуетъ, что грады Германскіе падаютъ силою креста животворящаго, и что Богъ принесъ его, царя, въ самый Вольмаръ, гдѣ думалъ укрытсѣя

Курбскій. Смѣется надъ бѣгствомъ его. Въ заключеніе совѣтуетъ одуматься, и увѣряетъ, что сіе письмо писано не изъ гордости, а къ воспоминанію исправленія его.

Всемогуція и вседержація десницы дѣланію держащаго всея земли концы Господа Бога и спаса нашего Іисуса Христа, иже со отцемъ и святымъ духомъ, во единствѣ погланяема и славима, милостію своею благоволили намъ скинетры Россійскаго царствія смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ воимъ, и отъ его вседержавныя десницы христоносныя хоругви, — сице пишемъ мы, великій государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Вѣлозерскій, государь отчинный и обладатель земли Лифляндскія Нѣмецкаго чину, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель—бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Вспоминаю ти, о княже! со смиреніемъ: смотри Божія смотрѣнія величество, еже о нашихъ согрѣшеніяхъ, паче жъ о моемъ беззаконіи, ждый моего обращенія, иже паче Манасіи беззаконовахъ, кромѣ отступленія, но не отчаяваюся создателя милосердія, во еже спасену быти ми, яко жъ рече во святомъ своемъ евангеліи, иже *радуется о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяти десяти и девяти праведныхъ*, такожде, *о овцахъ и о драхмахъ притчи*. Аще бо и паче песка морскаго беззаконія моя, но надѣюсь на милость благоутробія Божія: можетъ пучиною милости своея потопити беззаконія моя, яко же и нынѣ грѣшника мя суца, и блудника, и мучителя помилова, и животворящимъ своимъ крестомъ иже издревле Амалика и Максентія нвзложи, крестосной преходящей херугви, и никая же бранная хитрость

непотребна бысть, яко не едина Русь, но и Нѣмцы, и Литва, и Татарове и многіе языцы свѣдѣять: самъ вопрося ихъ, увѣдай; азъ же сія писати не хочу, понеже не моя побѣда, но Божія. Тебѣ жъ отъ многихъ мало воспомяну вся досады, яже писалъ еси ко мнѣ, прежь сего восписалъ ти о семъ подлинно; нынѣ же отъ многа малая воспоминаю ти. Помяни реченное во Іовѣ: *обшедь землю и прошедь поднебесную*, тако и вы хотѣсте съ попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти; Богъ же даетъ власть, ему жъ хоцеть.

Писалъ еси, что азъ „растлѣненъ умомъ, яко ни въ языцѣхъ имянуема:“ и я паки тебя судю и поставлю съ собою: вы ль растлѣнны, или азъ? что азъ хотѣлъ вами владѣти, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и азъ за то на васъ опалѣлся? И паче вы растлѣнны, что не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ни чего не владѣлъ. Колякія напасти азъ отъ васъ пріялъ, колико оскорбленіе, колякія досады и укоризны! И за что? Что моя предъ вами исперва вина? Кого чимъ оскорбилъ? То ли моя вина, что Прозоровскаго полтора раста чети Θεодора сына дороже? По памяти и косу: съ какою есть укоризною ко мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими, и какъ обыскивали, кабы злодѣя! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы передъ нами? Ино то ужъ мы въ ногу ихъ не судны! А у батюшки, за Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и великихъ чудотворцевъ молитвами, и Сергіевою милостію, и батюшковымъ благословеніемъ, и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой! Да много того; и такихъ мнѣ отъ васъ бѣдъ всего того не исписати.

А и съ женою меня вы прочто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея: ино бы Кроновы жертвы не было. А будетъ молвишь: „что язъ о томъ не терпѣлъ „и что ты не сохранилъ:“ ино вся есмя человекъ. Ты чего для понялъ стрѣлецкую жену? Только бѣ есте на меня съ попомъ не стали; ино бѣ того ничего не было: все то учинилося отъ вашего самовольства. А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А азъ восхищенемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на государство? Народился есми, Божіимъ изволеніемъ, на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А князю Володиміру почему было бити на государствѣ? Отъ четвертаго удѣльнаго родился. Что его достоинство къ государству? Которое его поколѣнье? Развѣе ваша измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ? Что ваши жъ дяди и господа отца его уморили въ тюрьмѣ, а его и съ матерью также держали въ тюрьмѣ. И я его и мать отъ того свободы и держалъ въ чести и въ дружествѣ, а онъ было уже отъ того и отшелъ. — И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ! И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти: язъ хотѣлъ васъ покорити въ свою волю, и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! Осердяся на человекъ, да Богу ся приразили. Колико церквей и монастырей и святыхъ мѣстъ испоругали есте и осквернили! Сами о томъ Богу отвѣтъ воздадите. О семъ же паки умолчу; а нынѣ о настоящемъ восписую ти. Смотри, о княже! Божія судьбы, яко Богъ даетъ власть, ему жъ хошетъ: вы убо, яко діаволь, съ Селивестромъ попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ хваляся: *обыдохъ землю и прошедохъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рече ему Господь: внялъ ли на моего Іова?* тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами у

вась быти и всю Русскую землю: но вся *матерь* ваша ни во что жъ бысть, Божіимъ изволеніемъ. Сего ради трость наша наострѣя къ тебѣ писати. Яко же рекосте: *нѣсть людей на Руси! некому стояти!* — и нынѣ вась нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ животворящаго креста поклоняють главы своя. А гдѣ по грѣхомъ, по случаю, животворящаго креста явленія не было, ту и бой былъ. Много отпущено всякихъ людей: спроси ихъ, увѣдай.

А писалъ себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, кабы опаляючися, посылали: ино нынѣ мы, Божіею волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всеѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всеѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были? И гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всеѣхъ трудовъ твоихъ, въ Волмерѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ чаялъ ушелъ, а мы тутъ, за Божіею волею: съгнали! И ты тогда дальноконечнѣе поѣхалъ. И сія мы тебѣ отъ многа мало написаномъ. Самъ себѣ разсуди, что ты, и каково дѣлалъ, и за что? и Божія смотрѣнія величества о насъ милости разсуди, и что ты сотворилъ? Сія въ себѣ разсмотри, и самъ себѣ раствори сія вся. А мы тебѣ написаномъ сія вся, не гордяся, ни дмяся: Богъ вѣсть; но къ воспоминанію твоего исправленія, чтобъ ты о спасеніи души своя помыслилъ. — Писанъ въ нашей отчинѣ Лифляндскія земли, во градѣ Волмерѣ, лѣта 7086 года, государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Россійскаго 31, Казанскаго 25, Астраханскаго 24.

V.
НА ВТОРУЮ ЭПИСТОЛІЮ
ОТВѢЩАНІЕ
ЦАРЕВИ МОСКОВСКОМУ
УБОГАГО
АНДРЕЯ КУРЬСКАГО,
КНЯЗЯ КОВЕЛЬСКАГО.

Курбскій считаетъ себя недостойнымъ быть царскимъ исповѣдникомъ. Не вѣрять смиренію и покаянію Іоанна. Укоряетъ его въ оклеветаніи благочестивыхъ мужей, въ неблагодарности къ Сильвестру, исцѣлившему на время царскую душу. Исчисляетъ бѣдствія Россіи, по изгнаніи и побіеніи доблестныхъ сикелитовъ: а) голодъ; б) сожженіе врагами Москвы; с) опустошеніе Россіи; d) срамное бѣгство царя отъ Крымскихъ Татаръ. Оправдываетъ себя въ приписываемыхъ ему Іоанномъ преступленіяхъ: а) въ удаленіи изъ Россіи; б) въ разореніи Великолуцкой области; с) въ связи съ Татарами; d) въ смерти царицы Анастасіи; е) въ намѣреніи возвести на престолъ князя Владиміра Андреевича. Не вѣрять успѣхамъ царскаго оружія въ Ливоніи; не понимаетъ, о какихъ узорочьяхъ, Кроновыхъ дѣлахъ и стрѣлецкихъ женахъ писалъ Іоаннъ. Считаетъ излишнимъ оправдывать себя въ замслѣ овладѣть Ярославлемъ. Въ доказательство же, что невольное бѣгство не есть измѣна, приводитъ два отрывка изъ Цицерона. Исчисляетъ пагубные плоды ласкателей: а) срамныя побѣды враговъ надъ Русскимъ воинствомъ; б) сожженіе Москвы Татарами; с) надевіе Полоцка; d) непонятное ослѣпленіе царя, который при всеобщихъ бѣдствіяхъ отечества, при непрестанномъ пораженіи воеводъ, думаетъ, будто бы сила животворящаго креста ему помогаетъ. Убѣждаетъ вспомнить первые дни царствованія и смириться. Въ заключеніе не совѣтуетъ писать въ чужія земли къ чужимъ слугамъ.

Во странствѣ пребывающе и во убожествѣ отъ твоего гоненія, титулъ твой величайшій и должайшій оставя, (зане ото убогихъ тебѣ, великому царю, сіе не потребно; но негли отъ царей царемъ сіе прилично таковыя имянованія, со презлишнимъ продолженіемъ исчитати);—а еже исповѣдь твою ко мнѣ, яко ко единому презвитеру, исчитаеши по ряду, сего азъ недостойнъ, яко простый человекъ, въ военномъ чину

сущь, и краемъ уха послушати, а наипаче же многими и безчисленными грѣхи обтягченъ. А всяко, воистину достойно было радоватися и зѣло веселитися не токмо мнѣ, нѣкогда рабу твоему вѣрному бывшу, но и всѣмъ царемъ и народомъ христіанскимъ, аще бы твое было истинное, яко въ ветхомъ Манасиино, покаяніе: ибо глаголють его, по кровопійствахъ и неправдахъ, покаявшаго, и въ законѣ Господнѣ живуща, аже до смерти кротко и праведно, и ни много же, а ни мало къ тому обидѣвша; въ новомъ же, яко Закхейно прехвальное покаяніе и возвращеніе четверосугубное избоженимъ отъ него. И аще бы согласовало твое покаяніе тымъ священнымъ узрокомъ, ихъ же отъ священнаго писанія приємлющи, приводяхъ яко отъ ветхаго, такъ и отъ новаго! Тѣ же потомъ, во епистолиі твоей, въ послѣдующихъ, является не токмо не согласно, но изумительно и удивленія достойно, и зѣло на обѣ бедра храмлющее и исхождение неблагочинно являющее внутреннаго человѣка, наипаче же въ земляхъ твоихъ супостатовъ, идѣже мужіе многіе обрѣтаются, не токмо въ внѣшней философіи искусные, но и во священныхъ писаніяхъ сильны: ово превзлшнѣ уничижаешися, ово преизобильнѣ и паче мѣры возносишися! Господь глаголетъ ко своимъ апостоломъ: *аще и вся заповѣди исполните, глаголите: раби непотребны есми; а діаволь подушаетъ насъ, грѣшныхъ, усты точію каятися, а въ сердцѣ превисоцѣ о себѣ держати и святымъ преславнымъ мужемъ ровняться. Господь повелѣваетъ! никого же прежде суда осуждати и берно изъ своего ока персте отымати, и потомъ сучецъ изъ братня ока изымати;* а діаволь подушаетъ точію словомъ проблекovati, аки бы то покаяніе, дѣломъ же не токмо возноситися и гордиться по безчисленныхъ беззаконіяхъ и кровопролитіяхъ; но и нарочитыхъ святыхъ мужей не токмо проклинати учить тя, но и діаволомъ нарицати, яко Христа древле Жидово ово льстецомъ и бѣснующимъ, ово, о Велзаулѣ князѣ бѣсовствѣмъ, изгонящемъ бѣсы: яко во епистолиі твоего величества зрится, иже правовѣрныхъ и святыхъ му-

жей діаволомъ нарицаешъ, и духомъ Божіимъ водимыхъ, духомъ бѣсовскимъ не срамляешися потворати, аки отступивши великаго апостола: *никто же бо, рече, нарицаеть Исуса Господомъ, токмо духомъ святымъ.* А кто христіанина правовѣрнаго оклеветуетъ, не его оклеветуетъ, но самого духа святаго, пребывающаго въ немъ, и грѣхъ неисцѣлимый на главу свою самъ привлечить, яко Господь рече: *аще кто хулитъ на духа святаго, не оставится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.* И къ тому еще,—что наигнушательнѣйшаго и пресквернѣйшаго, еже исповѣдника твоего потваряти и сикованціи на него умышляти, который душу твою царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выи носилъ, и взявши тя отъ прелявственнѣйшихъ сквернъ, яко чиста, предъ наичистѣйшимъ царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ поставилъ! Се тако ли воздаешъ ему и по смерти? О чудо! яко зависть, отъ презлыхъ и прелукавыхъ маньяковъ твоихъ считаая, и по смерти, на святыхъ и преподобныхъ мужей не угаснетъ! Не ужасались, о царю! притчи Хамовы, иже насмѣвался наготѣ отчей? Како снесено бысть о томъ на исчадіи его проклатіе! И аще таковая притча отъ тѣлесныхъ отцѣхъ случилась, колыми паче отъ духовныхъ должны есмя покрывати, аще бы нѣчто и случилось, человѣческія ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго презвитера, иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи! Воистину, и азъ глаголю: льстець онъ былъ, коварецъ, и благокозненъ: понеже ялъ тя, исторгнувши, отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ было тя ко Христу Богу нашему. То же воистину и врачеве премудрые творять, дикія мяса и неудобь цѣлимыя гагринны бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожь и онъ творилъ презвитерь, блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся и неудобныя ко исцѣленію. Яко нѣцы премудрые глаголютъ, „застарѣвшіеся, „рече, злые обычаи въ душахъ человѣческихъ многими лѣты,

„во естество прелагаются и неудобь исцѣльны биваютъ,“ та-кожь и онъ, преподобный, неудобь исцѣльнаго ради твоего недуга, прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы на-падающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные нравы наказаніемъ жестокиимъ рѣжуще (негли онъ памяталъ пророческое слово: *да претерпиши лучше, рече, раны прія-теля, нежели ласкательныя цѣлованія вражія*; ты же не вспомянулъ того, или забылъ, прельщенъ будучи отъ през-лыхъ и прелукавыхъ, отогналъ еси его отъ себя, и Христа нашего съ нимъ), ово, яко уздою крѣпкою со браздами, не-воздержаніе и презлишнюю похоть и ярость твою востя-зающе. Но сбхтсѣ на немъ Соломоново слово: *Накажи, рече, праведники и приложитъ со благодареніемъ примати*, и паки: *обличай премудра, и возлюбитъ тя*; прочіе же, по-слѣдующіе стихи умолчу, возлагающе ихъ царской совѣсти твоей, вѣдуще ты священнаго писанія искуснаго; а къ тому да не зѣло приражуся кусательными словесы ко твоей цар-ской высотѣ, азъ, убогій, яко могучи вмѣщая, да укроюся отъ свары: понеже зѣло не достоинъ намъ воиновъ, ако ра-бомъ, сваритися. А могъ еси и вспомянути на то, яко во время благочестивыхъ твоихъ дней, вещи тобѣ, по волѣ бла-годати ради Божія, обращались, за молитвами святыхъ и за молитвами святыхъ и за избраннымъ совѣтомъ нарочитыхъ сигклитовъ твоихъ; и яко, потомъ, егда прельстили тя пре-злые и прелукавые человѣкоугодники, (о нихъ же вси мудрые согласуютъ, яко въ царствѣ, идѣже любятъ ихъ, ничто же можетъ смертоноснѣйшія язвы быти, паче ихъ)—ластатели, пагубники твои и отечества своего, яко и что приключилося и яковне, отъ Бога попущенныя, глады, глаголю, и стрѣлы повѣтренныя, и послѣди мечъ варварскій, мститель закона Божія, и пресловутаго града Москвы внезапное сожженіе, и всея Россійскія земли спустоженіе! и—что наивгоршаго и сра-мотнѣйшаго—царскія души опроверженіе и въ бѣгство плещь царскихъ, прежде храбрыхъ бывшихъ, обращеніе, яко нѣщны здѣ намъ повѣдаютъ, аки бы, хороняся тогда отъ Татаръ,

по лѣсомъ со кромѣшники твоими вмалѣ гладомъ не погибъ еси! А той же Измаильтескій песь прежде, когда богоугодно пребывалъ еси, предъ нами, наимнѣйшими слугами твоими, и на полѣ дикомъ бѣгая, мѣста не пашель, и вмѣсто нынѣшнихъ превеликихъ и тяжкихъ даней твоихъ, ими же покупаешь его на христіанскую кровь, нашими саблями воиновъ твоихъ въ бусурманскія головы было плачено, или дань дано ему... А еже пишеша, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умереть; на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ сгажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бы и гоненія не было; аще ли же кто, прелютаго ради гоненія, не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убойца, противящеся Господню словеси: *аще, рече, ионятъ васъ во градъ, бѣгайте во другій*; а къ тому и образъ Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгающе не токмо отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ Жидовъ.

А еже реклъ еси, иже аки бы азъ разгнѣвався на человека, а приразися Богу, сирѣчь церкви Божіи разорилъ и попадилъ; на сіе отвѣщаю ти: или насъ туне не оклеветуй, или выгляди, царю! письмо: иже и Давыдъ принужденъ былъ, гоненія ради Саулова, со поганскимъ царемъ на землю Израилеву воевати; азъ же не отъ поганскихъ, но отъ христіанскихъ царей заповѣданіе исполняхъ, заповѣданіемъ ихъ хождахъ. Но исповѣдую ти грѣхъ мой: иже принужденъ быхъ, за твоимъ повелѣніемъ, Витебское великое мѣсто и въ немъ двадесять четыре церкви христіанскихъ сожещи; тако же и отъ короля Сигизмунда Августа принужденъ быхъ Луцкія волости воевати, и тамо зѣло стрегли есмы, вкупѣ со Корецкимъ княземъ, иже бы невѣрные церквей Божіихъ не жгли и не разоряли; и воистину не возмогохъ, множества ради воинства, устрещи: понеже пятнадцатъ тысящей тогда

съ нами было войска, между которыми не мало было ово варваровъ Измайлтескихъ, ово другихъ еретиковъ, обновителей древнихъ ересей, враговъ креста Христова, и безъ нашего вѣдома, по исхожденію нашему, закрадшеса, нечестивые сожгли едину церковь и съ монастыремъ: да свидѣтельствуютъ о семъ мнихи, яже пущени были отъ насъ изъ плѣненія! А потомъ, аки по лѣтѣ единомъ, непріятель твой главный, царь Перекопскій, прислалъ яко кролеви моляся, такъ и насъ просячи, иже бы пошелъ есть съ нимъ на тую часть Русскія земли, яжъ подъ державою твоею; азъ же, повелѣваюшу ми и кролеви, отрекохся: не восхотѣхъ и помыслити сего безумія, еже бы шель подъ бусурманскими херунгами на землю христіанскую съ чужимъ царемъ, безвѣрникомъ. Потомъ и самъ кроль тому удивился и похвалилъ мя, иже самъ не уподобился азъ безумнымъ, прежде мене на сіе дерзнувшимъ.

А еже пишеша, аки бы царицу твою счаровано и тебя съ ней разлучено отъ тѣхъ предреченныхъ мужей и отъ меня: азъ ти за оныхъ святыхъ не отвѣщаю: бо вещи вопіютъ, трубы явленнѣйше гласъ испущающе, о святинѣ ихъ добродѣтели; о мнѣ же вкратцѣ отвѣщаю ти, (сирѣчь по великой неволѣ: принужденъ бо быхъ отъ тебя; аще бы ти не отвѣщали правды, и былъ бы яко безсловесенъ, или повиненъ тому, чимъ мя напрасно оклеветуешь): аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостоинъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ великаго князя Смоленскаго Феодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добръ вѣси отъ лѣтописцевъ Русскихъ, иже тое плѣнницы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе, сущіе во свѣжей еже памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всероднѣ заглажено и потреблено... еже ко слышанію тяжко, ужасно!..

отъ сосцовъ матернихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣты поморенно, и внуку оному блаженному и присно Боговѣнчанному? А тая твоя парица, мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того листа написано. А о Володимерѣ братѣ воспоминаешъ, аки бы есть мы его хотѣли на царство: воистину, о семъ не мыслихъ: понеже и не достоинъ былъ того. А тогда жъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того-то брата твоего, наипаче же, могу поистинѣ рещи со дерзновеніемъ, въ тотъ вашъ издавна кровопивственный родъ. А еже хвалилися и величаешися горѣ и долу, иже Лифлянтовъ окаянныхъ поработилъ еси, аки бы животворящаго креста силою: не вѣмъ и не разумѣю, аще бы то вѣрѣ было подобно: подобнѣйше, съ разбойническихъ крестовъ хоругвями! Иже еще кролеви нашему, отъ маестата своего не двигнуся, и вся шляхта въ домѣхъ своихъ пребывающе и все воинство кролево при кролѣ на мѣстѣхъ было, а уже кресты тые во многихъ мѣстѣхъ поломались отъ нѣякаго жабки, а въ Кеси, стольномъ градѣ, отъ Латышей; а сего ради поистинѣ, не Христовы кресты, но погибшаго разбойника, яко предъ разбойникомъ ношено. Гетманижъ Ляцкіе и Литовскіе еще и не начинали готовитися сопротивъ тебѣ, а твои окаянные воеводишки, а праведнѣйши калики рекше, изъ подъ крестовъ твоихъ влачими въ чимбурѣхъ здѣ, на великомъ сонмѣ, идѣже различные народы бывають, ото всѣхъ подсмѣваеми и наругаеми, окаяннїи, на прескверное и вѣчное твое постыденіе и всеа святорусскія земли, и на посрамощеніе народовъ, сыновъ Русскихъ!

А еже пишеша о Курлетевѣ, о Прозоровскихъ и о Сицкихъ, и не вѣмъ о якихъ узорочьяхъ и за упокой, предминающи Кроновы и Афродитовы дѣла, и стрѣлецкихъ женъ, аки бы нѣчто смѣху достойно и піяныхъ бабъ басни: на сіе отвѣту не потреба, по премудрому Соломону: *глупающему, рече, отвѣщати не подобаетъ*: понеже уже всѣхъ тѣхъ пред-

реченныхъ, не токмо Прозоровскихъ и Курлетовыхъ, но и безчисленныхъ благородныхъ лютость мучительская пожерла, а въ то мѣсто остались калики, ихъ же воеводами поставляти усильствуешь, или любо пришься упрямѣ сопротивъ разума и Бога; а того ради скоро и со грады исчезаютъ, не токмо отъ единого воина ужасающесея, и отъ листу вѣтромъ вѣющаго пропадающе и съ грады, яко жъ во второноміи пишетъ святыи пророкъ Моисей: *Едины, рече, пожнетъ за беззаконія ваша тысящу, а два движнутъ тмы.* Въ той же эпистоліи припаменено, иже на мой листъ уже отписано: но и азъ давно уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ ти, да не возмогохъ послати, непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертьми (такъ жъ и здѣ, тобѣ уподобяся, жестоцѣ творятъ). И того ради такъ долго не послахъ ти его; а нынѣ яко сію отпись на нынѣшнюю эпистолію твою, такъ и оную, на широковѣщательный листъ твой прежній, посылаю ко величеству высоты твоея. И аще будеши мудръ, въ тишинѣ духа, безъ гнѣва, да прочтеши ихъ! И къ тому молю ти ся: не дерзай уже писати до чужихъ слугъ, паче же, идѣже умѣютъ отписати, яко нѣкоторый мудрый рече: *Возглаголеши хотяще, да услышиши не хотяще,* сирѣчь отвѣтъ на твое глаголаніе.

А еже пишеши, аки бы тебѣ не покорихся и землю твою хотѣхъ владѣти, измѣнникомъ и изгнанцемъ нарицающе мене: сіе отвѣщаніе оставляю, явственнаго ради отъ тебе навѣту, или потвару; тако же и другія отвѣщанія оставляю, того ради, иже достойло отвѣщати тебѣ и отписати на твою эпистолію, ово сокращая эпистолію мою, къ тебѣ писанную, да не явится варварско, преизлишнихъ ради глаголовъ, ово возлагающе на судъ нелицемѣрнаго судіи Господа Бога на-

шего, яко и во первыхъ моихъ эпистоляхъ о семъ многажды уже вспомянухъ, и къ тому не хотячи съ твоею царскою выотою азъ, убогій, вяще сваритися.

А всяко посылаю ти двѣ главы, выписавъ отъ книги премудраго Цицерона, Римскаго наилѣпшаго сигклита, аже еще тогда владѣли Римляне всею вселенною. А писалъ тотъ отвѣтъ къ недругомъ своимъ, аже укоряше его изогнанцемъ и измѣнникомъ, тому подобо, яко твое величество насъ убогихъ, не могуще воздержати лютости твоего гоненія, стрѣляюще насъ издалече стрѣлами огненными сикованцы твоя туне и всуе.

Андрей Курбскій княжа на Ковню.

Въ коемъ преподобіе есть, тому ничесо же убываетъ ко блаженному житію.

*Отъ премудрыя книги Цицероны, глаголемая Парадоксы, со-
противъ Антонію отвѣтъ.*

„А ни азъ Марка Регулуса сокрушеннаго, а ни несчастливаго, а ни окаяннаго, никогда быти нещечахъ: ибо „вѣмъ, а ни великоуміе его умучено было отъ Картагенонъ, „ни сановитость, ни вѣра, а ни непоколебимость, а ни „всякое преподобіе, ни смыслъ его самый, который великихъ добротъ помощми вооруженъ и такъ великими собрании преподобій огражденъ, егда тѣло его торгано было, „расторганъ самъ заисте не могъ быти. Яко и я Маріуса „видѣхомъ, который мнѣ, въ счастливыхъ вещахъ, единъ „отъ счастливыхъ людей, а въ противныхъ единъ з' наивысшихъ мужей видѣлся быти; наипаче же смертному ничесожъ быти можетъ благословеннѣйшаго. Не вѣси, неистовниче! не вѣси, яковыя силы преподобіе маеть; имя „себѣ толико преподобія привлекаешь: а что само до- „стоитъ, не разумѣешь. Никто же можетъ преблагословеннѣйшій быти, который есть всесовершенъ въ себѣ, и аже въ

„себѣ единомъ вся своя полагаетъ. А коему надежда, разумъ
„и мышленіе висить счастья, тому ничто же быти можетъ
„цвѣснаго, ни чесо же твердаго, что бы вѣдомо мѣль, а
„ни одинаго дня воистину. Тому ты челоуѣку грози смертей,
„або изгнаній прещеньми, если котораго будешь таковаго
„обращаешь. А мнѣ что ни буди прилучится въ томъ небла-
„годарномъ отечествѣ, ни отмояющему воистину прилучи-
„тися, не токмо возбраняющему. А что и труждахся, что
„дѣлахъ, або въ чемъ бодрствовали труды и мышленія моя,
„аще воистину ни чесо же породилъ таковаго, ни чесо же
„постыгохъ, да на томъ престолѣ былъ бы, котораго а ни
„счастья упрямство, а ни недруговъ неправда не поколе-б
„летъ. Смерть ли мнѣ грозишь? Иже бы емъ воистину отъ
„людей! Або изгнаніе? Да отъ злыхъ отшествіе будетъ ми!
„Смерть страшна есть тѣмъ, ихъ же со животомъ вся уга-
„сають, а не тѣмъ, которымъ слава умрети не можетъ; а
„изгнаніе есть страшно тѣмъ, имъ же яко бы описано есть
„мѣсто обиталища, а не тѣмъ, которые всея земли округъ
„мѣсто едино мнятъ. Тебя окаянство, тебя изчезновеніе да-
„вятъ, вси, яже тебя блаженнаго, яже тебя цвѣтущаго
„мнишь. Твоя похоти тебя торгаютъ; ты днемъ и ночью му-
„чишися; ему же не довольно есть, что есть, и то самое,
„что маешь, боишися, вже бы не долго было; тебя совѣсти
„щиплютъ злостей твоихъ; тебя страха страшатъ судовъ,
„законовъ: куды нибуди воззришь, якобы грозательницы, такъ
„твой тебя окружають неправды, ажъ тебѣ а ни отдохнути
„допускають. Того ради, яко злomu и глупому и гнусному
„никому жъ добрѣ быти можетъ; такъ добрый мужъ, мудрый
„и храбрый, убогій быти не можетъ. А ни коего преподобіе
„и обычаи похвальны суть, того бы житіе не похвально было:
„воистину а ни блюстися житія потребно, яже похвально. А
„потреба блюстися, аще бы было окаянно.... Того ради, что
„ни есть похвально, то благословенно и цвѣтуще и вожде-
„лѣнно быти подобаетъ.

Сопротивъ Клодіуса, иже изгналъ былъ Цидерона изъ града
Римскаго туне. Глава 17.

„Все глупы неистовятся; а азъ тебя не глупымъ, яко
„часто, не злымъ, яко всегда, но безумнымъ и неистовымъ
„вещьми доведу истинными. Мудраго разумъ величествомъ
„совѣта, претерпѣваніемъ вещей человѣческихъ, презрѣніемъ
„счастія, добротами всякими, яко муромъ огражденъ; побѣж-
„денъ и преодоленъ ли будетъ, иже а ни изъ града заисте
„выгнаться можетъ. Ибо который есть градъ? Всяко ли со-
„шествіе лютыхъ и нечеловѣколюбныхъ? Всяко ли лотровъ
„и бѣгуновъ собранное на едино мѣсто множество? Заисте
„дрѣти будешь. Ибо не былъ онъ въ то время градъ, егда
„законы въ немъ ничесо же возмогали; егда суда погранны;
„егда обычай отеческій загашенъ былъ; егды, мечемъ изгнан-
„нымъ властямъ, сенату имя вещи общей не было. Разбой-
„никовъ оное стеченіе и тобою возженное разбойничество на
„торжищу поставлено, и остатки соприсяжниковъ отъ Кати-
„линова запаленія до твоей злости и звѣрообразія обратилися:
„градъ ли былъ? Сего ради изъ града изгнанъ не былъ,
„иже бѣ никако же; тогда призванъ быхъ во градъ, егда
„былъ въ вещи общей той бурмистръ, иже во оно время
„опроверженъ былъ; было произволеніе люду вольнаго, были
„законы управленія, яже столпы суть граду, возвращенна
„память. Но зри, яко тыя твоего лотрованія стрѣлы пре-
„зрѣлъ. Вверженную и впущенную отъ тебя злостливую на
„мя напасть всегда разумѣлъ; а меня коснутися, никогда жъ
„непщевалъ; развѣ убо, егда стѣны ломалъ еси, або егда
„презлые огни по кровомъ подкчалъ еси, моихъ нѣчто упасти,
„алибо сгорѣти мнилъ еси. Ничто же, а ни мое есть, а ни
„всякому, что отнаться, что выдраться, что погубитися мо-
„жетъ. Если бы мнѣ выдралъ ума моего вѣчную неподвиж-
„ность, мои труды, бодрости, совѣты, ими жъ община не-
„преодолима стоитъ; — если того вѣчнаго добродства без-
„смертную память потребилъ бы еси, а далеко больше, аще

„онный умъ, откуда тые совѣты произыдоша, мнѣ исторглъ
„бы еси: тогда азъ пріяти мене исповѣдалъ быхъ обиду. Но
„аще что не сотворилъ еси, а ни сотворити моглъ еси: воз-
„вращеніе мнѣ похвальнѣйше твоя сотворила обида, а не из-
„гнаніе преломное. Того ради, азъ всегда гражданиномъ
„быхъ, и тогда наибольше, егда мое здравіе совѣтницы
„окрестнымъ народомъ, яко гражданина, яко наилѣпшаго
„вручали; ты а ни нынѣ войстину гражданиномъ вѣсть еси;
„аще же убо кто супостатомъ быти и гражданиномъ можетъ,
„Али ты гражданина отъ супостата естествомъ и мѣстомъ?
„а не умомъ и дѣломъ раздѣляешь? Забойство на торжищу
„сотворилъ еси; вооруженными злодѣи церкви держалъ еси;
„окрестныхъ дома, церкви святыя запалилъ еси. Чего ради
„врагомъ Спартакусъ, аще ты гражданиномъ? Можешь ли
„быти гражданиномъ, его же ради никогда градъ не былъ:
„И меня измѣнникомъ, твоимъ именемъ, нарицаешь, егда
„всѣ въ моемъ отшествіи изгнанну вещь общую нещевали?
„Не престанеши ли бѣситься, себя не размотришь? Никогда
„ли, что творишь, не будеши зрѣти, а ни что глаголешь?
„Не вѣси ли, изгнаніе злодѣянію бысть казнь? Мой же онный
„путь подъяхъ не свѣтлѣйшихъ ли ради вещей, отъ меня
„предъ тѣмъ управляемыхъ? Всѣ злые и безбожныя, ихъ же
„тебя вождемъ быти исповѣдуешь, ихъ же законы изгнаніемъ
„казненныхъ быти хотятъ, изгнанцы суть, аще елико земли
„не премѣнили. Или егда всѣ уставы тебя изгнанцемъ суща
„показуютъ, не будеши ли ты измѣнникомъ? Егда не нари-
„цаешься супостатомъ яже съ борожіемъ былъ? Предъ Сена-
„томъ твой мечъ обрѣтенъ есть. Иже челоуѣка убилъ? По-
„губилъ еси. Иже запаленіе сотворилъ? Домъ Дѣвичъ отъ
„твоея руки сгорѣлъ. Иже церковь Боговъ обладалъ? На
„торжищу полки положилъ еси. Но что азъ общіе законы
„исповѣдую, ими же всѣми еси измѣнникомъ! Корнифиціусъ,
„другъ твой, о тебѣ законъ уставилъ: аще бы подъ кровъ
„богини Боны вшелъ еси, да будешь измѣнникомъ. Но тебѣ
„убо, тое сотворивши, возноситься обыклъ еси! Убо како же

„толикими законы во изгнаніе изриненъ, имени измѣнника не „гнушаешься? „Въ Римѣ есмь,“ речешь? И ты воистину во „пристанищу странномъ еси! Сего ради, не тамъ, гдѣ кто „будеть, онаго мѣста законы содержати будутъ, аще тамъ „ему закономъ повиноватися не подобаетъ.“

Зря, о царю! со прилежаніемъ: аще поганскіе философы, по естественному закону, достигли таковую правду и разумность, со дивною мудростію между себя (апостоль рече: *помысломъ осуждающимъ или оставляющимъ*), и того ради и всею вселенною попустилъ Богъ имъ владѣти, а мы христіане нарицаемся, и не токмо достигаемъ книжниковъ и фарисеевъ правды, но ни вѣковъ естественнымъ закономъ живущихъ! О горе намъ! Что Христу нашему отвѣщаемъ на судѣ? и чѣмъ оправдимся?... Аки по лѣтѣ единомъ или дву писанія перваго моего къ тебѣ, видѣхъ сбывшееся отъ Бога, по дѣломъ твоимъ и по начинанію рукъ твоихъ: прескверную и зѣло паче мѣры срамную побѣду надъ тобою и надъ воинствомъ твоимъ, что погубилъ еси славу божественныя памяти великихъ князатъ Русскихъ, прародителей твоихъ и нашихъ, въ великой Руси царствующихъ блаженнѣ и преславнѣ. И мало того, яко не постыдился еси и не усрамился отъ Господа наказанія и обличенія, яко и во первыхъ эпистоліяхъ воспоманухомъ ти, сирѣчь казней праведныхъ различныхъ, беззаконія ради твоего, еже въ Русіи никогда же не бывали, и отечества твоего, преславнаго града Москвы созженія отъ безбожныхъ Измаильтянъ; — и взялъ еси на ся, пресквернымъ произволеніемъ, Фараоникое пепокореніе и ожесточеніе сопротивъ Бога и совѣсти, отнюдь поправши совѣсть чистую, во всякаго человѣка отъ Бога вложенную, и яко недреманное око неусыпнаго стража, всякому человѣку душѣ и уму безсмертному поданную и поставленную, стражи ради и храненія. И что еще безумнѣйшаго творишь и дерзаешь: не срамляешься писати къ намъ,

аки бы ти, воинствующу сопротивъ враговъ своихъ, сила животворящаго креста помогала! И тако непщуети или мниши?... О безуміе челоувѣческое, наипаче же развращенныя души отъ похлѣбниковъ, или отъ любимыхъ маньяковъ твоихъ!... Зѣло азъ о семъ удивляюся и всѣ сущіе имущіе разумъ, наипаче же тѣ, которые предъ тѣмъ знали тя, когда въ заповѣдѣхъ Господнихъ пребывалъ еси, избранныхъ мужей нарочитыхъ окрестъ себя имѣлъ еси, и не токмо былъ еси храбрый, мужественный подвижникъ и врагомъ твоимъ страшенъ, но и священнаго писанія преполонъ и святынею чистою освященъ. А нынѣ... во якую бездну глупства и безумія развращенія, ради прескверныхъ маньяковъ твоихъ, совлеченъ еси! И памяти здравы лишенъ! Како не воспоманеши во священныхъ книгахъ, лежащихъ къ наказанію нашему писанныхъ, иже пресквернымъ и прелукавымъ Богъ всемогущій и святыня его не помогаетъ? яко речено во ветхомъ: *иже отъ лица Бога Іаковля Ерданъ въ водополе устудился*, сирѣчь отъ кіота завѣта Господня и другихъ у нихъ тамо вещей, во славу Божию сотворенныхъ, яже нарицалися *Святая святыхъ*, Ерихонскія стѣны падаху, непреоборимыя, и неодолимныя царіе со многи языки и волоты отъ лица ихъ исчезаху; единого жъ ради грѣха Ахарова, егда Господь прогнѣвался на весь Израиль, пятьдесятъ мужей поганскихъ явилось на горѣ, сопротивъ стража Израилева: абіе тогда все войско Израилево, шесть сотъ тысящей мужей пресильныхъ, считаемыхъ отъ двадцати лѣтъ до шестьдесятъ, всѣ разбѣгошася, и весь Израиль яко вода разлился: сіе при Моисеѣ и Іисусѣ. А что возглаголю, еже дѣялося при другихъ пророцѣхъ, при Самуилѣ и Давидѣ? И како падоша весь Израиль предъ враги скверны, ради прелукавства сыновъ Іліи презвитера, и како во плѣнь предана бысть поганомъ вся святыня Господня: сіе по ряду оставляю въ той эпистоліи, преизлишнія ради долготы; а къ тому вѣдаю тя во священныхъ писаніяхъ искусна. Сіе въ ветхомъ вкратцѣ воспоманено, иже святыня Господня на помощь пребываетъ

преподобнымъ и богоугождающимъ, а пресквернымъ и презлымъ кровопійцамъ сопротивъ обрѣтается. А въ новомъ, вмѣсто оныхъ всѣхъ, крестная сила намъ христіаномъ дана на помощь, яко Константину великому, еще погану сущу и непросвѣщену, знаменіе явилось живогворящаго креста, на небеса звѣздами написано, руководяще его и наставляюще ко благочестію, и одолѣніе свѣтлое указующе на прегордаго Максентія. А тому жъ великому Константину, уже давно правовѣріемъ просвящену и утверждену сущу, егда преклонилъ ухо къ похлѣбникомъ, или ко ласкателемъ пресквернымъ, и повелѣлъ неповиннѣ оковати трехъ пословъ, посланныхъ бывшихъ отъ него въ вышнюю Фригію, усмиренія ради, за навѣтомъ или ложною клеветою прельщеннаго златомъ епарха, егда жъ уже въ ноци той усѣщи ихъ пове, лѣлъ, связанныхъ въ темницѣ; тогда убо, тогда глаголю, скорый въ бѣдахъ помощникъ, въ тѣлеси еще живъ сущъ, святыи Николай, призываемый отъ нихъ и подвизаемый къ Богу на молитву и на помощь бѣдѣ ихъ, абіе скоро приде въ ложницу цесарскую, затворенными дверьми, яко Христосъ нашъ ко ученикомъ и апостоломъ его, и рече ему со прещеніемъ: „о цесарю! Непотіяна, Урса и Ерпиліона, неповиннѣ отъ тебе осужденныхъ и окованныхъ, скоро разрѣшиши повели; аще ли сего не сотворишь, нестерпимую тебѣ брань являю, и еще къ тому срамное поражение и пресквернѣйшую погибель тебѣ и дому твоему!“ Яко о семъ ширѣи святыи Симеонъ Метафрастъ во исторіи о немъ, житіе его пишуще, воспоминаеть, еже, мню, въ Русіи у васъ еще не преведено тое то истинное житіе всемірнаго онаго святильника.

А твоего величества лютость не единого Непотіяна и прочихъ дву неповинныхъ, но безчисленныхъ воеводъ, стратилатовъ благородныхъ и великихъ въ родѣ, и пресвѣтлыхъ въ тѣлесѣхъ и въ разумѣ, и въ военныхъ вещахъ искусившихся отъ самаго юности своея, и въ полкоустроеніяхъ свидѣтельствовавшихся сущихъ мужей, еже бываетъ наидѣпшее и наи-

крѣпчайшее въ бореніяхъ, ко преодоленіямъ супостатовъ,— различными смертями разтерзаль еси и всероднѣ погубилъ, безъ суда и безъ права, приклонивъ ухо ко единой странѣ, сирѣчь презлымъ ласкателямъ, пагубникомъ отечества. И бывши въ таковыхъ сквернахъ и кровопролитіяхъ, посылаеши въ чужую землю армату великую христіанскую подъ чужіе грады, безъ искусныхъ и свидѣтельствованныхъ стратилатовъ, и къ тому отнюдь не имущихъ мудраго и храбраго простатора или гетмана великаго,—что бываетъ войску паче всего погубельнѣйшее и повѣтреннѣйшее, — сирѣчь вкратцѣ рещи: безъ людей, съ овцами или съ зайцы, неимущи добраго пастыря, которые отъ вѣтру листа вѣющаго боятся, яко во первой моей епистоліи воспоминаюхъ о каликахъ твоихъ, ихъ же воеводишками усильствуешь безстыднѣ творити, вмѣсто оныхъ предреченныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ мужей, избіенныхъ и разгнанныхъ отъ тебя. А нынѣ къ тому приложилъ еси и другую срамоту прародителемъ своимъ срамотнѣйшую и тысяща кратъ бѣднѣйшую: градъ великій Полоцкъ со всею цѣлою церковью, сирѣчь со епискупомъ, и клиросомъ, и воинствомъ, и съ народомъ, предалъ еси, преобличіемъ твоимъ, его же было досталъ еси персыи своими... уже не глаголю, тѣшачи тебя, нашими вѣрными службами и многими труды: бо еще тогда не всѣхъ былъ еси до конца погубилъ еси и разогналъ, егда Полоцка досталъ было еси. Собравшися со всѣмъ твоимъ воинствомъ, за лѣсы забившися, яко единъ хороняка и бѣгунъ, трепещешь и исчезаешь, никому жъ гонящу тя: токмо совѣсть твоя внутрь вопіюща на тя, обличающе за прескверныя твои дѣла и безчисленныя крови. Только ти негли остается сваритися, яко рабѣ пьяной; а что воистину сану царскому належитъ или достойтъ, сирѣчь судъ праведный и оборона, се уже подобно исчезло, за молитвою и совѣтомъ прелукавыя четы Осифлянскія Васьяна Топоркова, (иже ти совѣтовалъ и шепталъ во ухо не держати мудрѣйшіе роды при себѣ), и другихъ таковыхъ совѣтниковъ твоихъ вселукавыхъ мниковъ и мірскихъ. Славу таковую отъ

*

нихъ получилъ еси! И свѣтлую побѣду избрѣли тебѣ, яко пророчествовалъ Константину великому святой Николай за трехъ мужей, и тебѣ множество блаженный Селивестръ, исповѣдникъ твой, и казнящъ тя, наказующе о непреподобныхъ твоихъ дѣлѣхъ и прелукавыхъ нравѣхъ, нань же и по смерти непримирительнѣ враждуешь! Або не читалъ еси въ Исаи пророцѣ лежащаго: *лучше, рече, лоза и жезлъ пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражию*. Помяни первые дни, и возвратися паки! Нагою главою безстыдствуешь сопротивъ Господа своего! Або еще не часъ образумитися и покаятися и возвратитися ко Христу паки? Еще еси не распряглися отъ тѣла: понеже есть до смерти покаяніе всяко. И мудръ бывалъ еси, и нынѣ вѣдаешь о тричастномъ души, како поработаються смертныя части безсмертной; аще ли же не вѣдаешь, и ты научися у мудрѣйшихъ и покори и поработи звѣрною часть Божию образу и подобію: всѣ бо отъ вѣка такъ спасаются, покоряюще худшее лучшему. (Зри о семъ въ книгѣ блаженнаго Исаака Сирина и въ книгѣ премудраго Іоанна Дамаскина. Мню, иже въ твоей землѣ не предложена сполна съ Греца языка; а у насъ здѣ благодатию Христовою, вся есть цѣла преведена и съ великимъ тщаніемъ исправлена.

А еже отъ презлишняго надменія и гóрдости, мнящеся о себѣ мудръ всеа вселенныя и учитель быти, пишеша до чужія земли и чуждыхъ слугъ, аки научающе ихъ и наказующе, яже паче здѣ смѣются ти о семъ и поругаются, аки не слышалъ еси великаго апостола Павла: *ты кто еси, судяй или повелѣвай чуждому слузѣ?* и прочее. Усмиритися уже достовѣтъ и укротитися твоему величеству, и войти въ чувство: уже время! Уже есиа ближайши ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умомъ къ отвѣту Божию, нежели къ суетному сему житію, простиратися. Аминь.

Писано во преславномъ градѣ Полоцку государя нашего, свѣтлаго короля Стефана, паче же преславна суща въ богатырскихъ вещахъ, въ третій день по взятію града.

Андрей Курбскій, княжа на Ковлю.

VI.
ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ
ИЗЪ
ПОЛОЦКА.

Курбскій сокрушается о переиѣнѣ Іоанна, о бѣдствіяхъ Россіи. Сравниваетъ время Сильвестрово съ временемъ наушниковъ: прежде побѣды, покореніе царствъ, трещеть враговъ; теперь: а) вмѣсто мудрыхъ совѣтниковъ, тунеядцы и шуты; б) вмѣсто доблестныхъ стратиговъ, гнусные Вѣльскіе; с) вмѣсто храбраго воинства, опричники; д) вмѣсто чтенія Св. книгъ, пляски и скверныя пѣсни; е) вмѣсто Сильвестра, колдуны и чародѣи; ф) вмѣсто прежней чистоты, развратъ. Курбскій кладеть персть на уста, и плачетъ. Убѣдительно просить царя опомниться, предвѣщая гибель его дому.

Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ: како недостойтъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человекъ, въ ней же нѣкогда духъ святыи пребывалъ, яже по прехвальномъ покаянію была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая молитва, яко благоуханія миро, или фиміямъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основанію правовѣрныхъ вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и царская душа въ той церкви, яко голубица крылы посеребреными между рамя ея блистася, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, богатію духа святаго преукрашенна дѣлами, укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и наидражайшею его кровію, ею же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Се такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная! А за тѣмъ, того ради, всѣ добрыя послѣдовали хоругвіямъ крестоноснымъ христіанскимъ. Языцы различные варварскіе, не токмо со грады, но и со пѣльми царствы ихъ, покоряхуся тебѣ, и предъ полками христіанскими

архангелъ хранитель хождаше со ополченіемъ его, осѣняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога, *по положенію предъловъ языка нашего*, яко рекль святыи пророкъ Моиссей, враговъ же устрашающе, и низлагающе супостатовъ. Тогда было, тогда, глаголю, егда со избранными мужи избраненъ бываль еси, и со преподобными преподобенъ и со неповинными неповиненъ, яко рече блаженный Давидъ, и животворящаго креста сила помогаше ти и воинству твоему.

Егда же, развращенный и прелукавый, развратился, со-противъ обрѣлся еси, и по такомъ покаянїи, возвратился еси на первую блевотину, за совѣтомъ и думою любимыхъ твоихъ ласкателей, егда церковь твою тѣлесную осквернили различными нечистотами, и иными безчисленными и неизреченными злодѣйствы напроказили, ими же всегубитель нашъ, діаволь, родъ человѣческой издавна гнусенъ творить и мерзокъ предъ Богомъ, и въ послѣднюю погибель вреваеть, яко нынѣ и твоему величеству отъ него случилось: вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тебѣ; вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ—прегнусодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ или опришниковъ кровоядныхъ, тмы тмами горшихъ, нежели палачей; вмѣсто богодухновенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя бессмертная наслаждалася, и слухи твои царскіе освящались,—скомороховъ со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснями, ко оскверненію и затворенію слуха входу ко еѳеологіи; вмѣсто блаженнаго онаго презвитера, иже было тя примирилъ къ Богу покаянїемъ чистымъ, и другихъ совѣтниковъ духовныхъ, часто бесѣдующихъ съ тобою, — яко намъ здѣ повѣдаютъ (не вѣмъ, есть ли правда), чаровниковъ и волхвовъ отъ далечайшихъ странъ собираешь, пытающе ихъ о счастливыхъ дняхъ, яко скверный и богомерзкій Саулъ творилъ, оставя пророковъ Божїихъ, ко матронѣ или ко ватунїи, жегѣ, чаровницѣ, притекалъ, пытающе ея о

сраженію настоящемъ, яже ему, по хотѣнію его, мечтаніемъ бѣсовскимъ, Самуила пророка, аки возставшаго отъ мертвыхъ, въ мѣстѣ показала, яко о томъ толкуеть свѣтлѣ святой Августинъ во своихъ книгахъ. А что же тому за конецъ случился? Сіе самъ добрѣ вѣдаешь: погибель ему и дому его царскому, яко блаженный Давыдъ рече: *не пребудутъ домо предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія, сирѣчь трудныя повелѣнія, или декреть неудобъ терпимый.*

И аще погибають царіе или властели, иже созидаютъ трудныя декреты и неудобъ подъемлемыя номоканоны, кольми паче, не токмо созидающе неудобъ подъемлемыя повелѣнія или уставы съ дому погибнути должны: но во яковыхъ сіи обрящутся, еже пустошати землю свою и губятъ подручныхъ всероднѣ, ни ссущихъ младенцевъ не щадяще, за нихъ же должны суть властели, каждый за подручныхъ своихъ, кровь свою противъ враговъ изліявати, и дѣвнцъ, глаголють, чистыхъ четы собирающе, за собою ихъ подводами волочаше О бѣда! о горе! Въ каковую пропасть глубочайшую діаволъ, супостатъ нашъ, самовластіе и волю нашу низвлачаетъ и вреваетъ!

Еще другое и другое, яко намъ здѣ отъ твоея земли приходящіе повѣдаютъ, тмы тмами кратъ гнуснѣйшее и богомерзкое, оставляю писати, ово сокращенія ради писанейца сего, ово ждуще суда Христова, и положи персть на уста, преудивляюся зѣло и плачу сего ради... Еще ли мниши, таковыхъ ради и ко слуху тяжкихъ и нестерпимыхъ, еже бы ти помогала и воинству твоему сила животворящаго креста? О споспѣшнице перваго звѣря и самаго великаго дракона, иже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божию и все человѣческое естество! доколѣ такъ долго не насытѣшися крови христіанскія, попирающе совѣсть свою? и прочто такъ долго отъ такъ тяжкаго лежанія или сна не воспрянешь, и не приложиши въ часть ко Богу и ко человѣколюбивымъ ангеломъ его?

Вспомяни дни своя первіи, въ нихъ же блаженнѣ царствоваль еси!

Не губи къ тому себя и дому твоего!

Аще рече Давыдъ: *любай неправду, ненавидитъ свою душу*: кольми паче кровьми христіанскими оплывающіи исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ! Вскую такъ долго лежишь простергъ и храниши на одрѣ, зѣло болѣзненнымъ объять будучи аки летаргичскимъ сномъ?

Очутися и восприяи! Нѣкогда поздно: понеже самовластіе наше и воля, ажъ до распряженія души отъ тѣла, ко покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, не отъемлетя, исправленія ради нашего на лучшее.

Пріими божественный антидоръ, имъ же, глаголю, цѣлятся неисцѣльные яды смертоносные, ими жъ отъ похлѣбниковъ и отъ самоѳо отца ихъ, прелютаго дракона, подобно уже напоенъ еси. Егда же кто того лекарства внутреннимъ человѣкомъ вкуситъ, яко рече Златоустый, пишучи во первомъ словѣ страстномъ, о Петра апостола покаянію: „по вкушенію того, посылаются молитвы къ Богу, умиленные, чрезъ „послы слезные.“ Мудрому довлѣеть! Аминь.

Писано въ Полоцку государя нашего короля Стефана, по сущему преодоленію подъ Соколомъ въ 4 день.

Андрей Курбавскій, княжа на Ковло.

Объяснительныя статьи.

1. Любовь Курбскаго къ научному образованію.

Не сохранилось никакихъ преданій о томъ, гдѣ и какъ провелъ Курбскій свою молодость, а потому съ осторожностью должно произносить приговоръ о его воспитаніи. Мы не знали бы даже, въ какомъ году онъ родился, если бы онъ самъ объ этомъ не намекнулъ въ одномъ мѣстѣ, да и то случайно. Я совершенно согласенъ съ Горскимъ, что природа

не отказала Курбскому въ гибкомъ, замѣчательномъ умѣ и въ блестящихъ дарованіяхъ. Его сочиненія вполне подтверждаютъ эту мысль. Но справедливость требуетъ сказать о Курбскомъ гораздо болѣе.

Съ молодыхъ лѣтъ и до самой глубокой старости онъ обнаруживалъ удивительную склонность къ научному образованію. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно для того, чтобы поставить Курбскаго на ряду съ лучшими людьми своего времени. Воспитаніе Курбскаго совершалось при иныхъ, исключительныхъ условіяхъ. Отечественные учителя, конечно, не могли удовлетворить пытливость его ума. Самъ Курбскій передаетъ одинъ такой случай. Когда ему понадобилось отыскать человѣка, болѣе или менѣе отчетливо знающаго славянскій языкъ, то монахи, представители всей учености въ свое время, „отрекошася... отъ того достохвальнаго дѣла; мірстѣи не восхотѣша, объаты будучи суетными міра сего“. Но на этотъ разъ судьба пожалѣла Курбскаго: онъ встрѣтился съ единственнымъ представителемъ тогдашней образованности, около котораго группировались всѣ лучшія силы того времени—Максимомъ Грекомъ; сразу почувалъ отъ него вѣяніе какой-то высшей плодотворной силы и съ раннихъ лѣтъ возблаговѣлъ предъ его умомъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Максимъ Грекъ если не былъ учителемъ Курбскаго въ подлинномъ смыслѣ слова, то былъ для него руководителемъ вообще и имѣлъ на него громадное вліяніе. И дѣйствительно, Курбскій даетъ намъ замѣтить, что Максимъ былъ для него авторитетомъ во всю жизнь, онъ (Курбскій) всегда дорожилъ каждымъ его наставленіемъ, каждымъ его словомъ. Максимъ первый внушилъ ему мысль о переводной литературѣ,—и Курбскій привязался къ ней всею душою. Онъ очень хорошо видѣлъ, на какой низкой степени умственнаго развитія стоятъ его соотечественники, чувствовалъ, что они „гладомъ духовнымъ таютъ“. Вслѣдствіе этого онъ постоянно считаетъ своею главною задачей переводить на славянскій языкъ тѣхъ „великихъ восточныхъ учителей“, которые еще

не были переведены. Живя въ Россіи, онъ не могъ этимъ заниматься, „понежъ безпрестанно обращался и лѣта изну-
рялъ повелѣніемъ царевымъ“. Но вотъ въ преклонныхъ лѣ-
тахъ онъ нашелъ себѣ какого-то юношу „Амброжія“ и подъ
его руководствомъ, пользуясь минутами досуга, изучалъ ла-
тинскій языкъ со всѣми его грамматическими и діалектиче-
скими тонкостями, и принялся за переводы греческихъ писа-
телей. Такимъ образомъ личность Курбскаго имѣла всѣ дан-
ныя для того, чтобы стать въ числѣ передовыхъ двигателей
общественнаго образованія. Вліяніе Максима Грека дало луч-
шее направленіе его умственнымъ силамъ. Оно помогло ему
стать во многихъ отношеніяхъ значительно выше своего вѣка.
Достаточно указать на тотъ фактъ, что Курбскій свободенъ
былъ отъ того предрасудка, которому поголовно было под-
вержено все русское дворянство, изъ котораго постоянно про-
исходили между боярами ссоры и распри. Я хочу сказать,
что Курбскій переросъ давнишній обычай мѣстничества; по
крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній предпола-
гать противное. Далѣе, уже и то весьма говоритъ въ пользу
Курбскаго, что онъ не ограничился изученіемъ однихъ цер-
ковныхъ писателей, языческую мудрость не считалъ бѣсов-
скою; напротивъ, внимательно изучалъ „естественную фило-
софію“ Аристотеля и считалъ ее образцовымъ произведеніемъ,
„роду человѣческому наипаче зело потребнѣйшимъ“. Не гну-
шался латинизма до такой степени, какъ его соотечественники,
которые питали глубокое отвращеніе ко всему нерусскому
вообще и къ латинству по-преимуществу. Напротивъ, Курб-
скій предполагалъ и видѣ предѣловъ своей націи хорошія сто-
роны. Получивши первое письмо отъ Іоанна Грознаго, Курб-
скій отвѣчалъ, что царь постыдился бы писать такъ нескладно,
подобно неистойой бабѣ, въ чужую страну, идѣже „нѣкото-
рые человѣцы обрѣтаются, не только въ грамматическихъ и
риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ уче-
ніяхъ искусные“. Если Курбскій, занимаясь литературою,

какъ дѣломъ побочнымъ, да и то лишь въ минуты досуга, оставилъ потомству произведенія, которыя ставятъ его на ряду съ лучшими людьми своего времени; то чего же должно было ожидать отъ него въ томъ случаѣ, если бы онъ всецѣло посвятилъ себя наукѣ?

(Изъ Киевск. Унив. Извѣстій).

2. Записки Курбскаго о Грозномъ.

(Изъ ст. проф. Лашнюкова).

Въ лѣтописяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ XV и XVI столѣтій находимъ мало извѣстій, относящихся къ изображенію быта современнаго общества, его нравовъ, обычаевъ и вѣрованій. Эта сторона нашей исторіи осталась бы весьма неполной, если бы не было современныхъ записокъ русскихъ людей и иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Изъ записокъ русскихъ людей особенно замѣчательны записки князя Курбскаго и Котошихина. Первый оставилъ подробную исторію царствованія Грознаго, послѣдній—повѣствованіе о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Записки Курбскаго изданы Устряловымъ въ двухъ томахъ: въ первомъ помѣщена исторія царствованія Грознаго до 1578 года; во-второмъ переписка Курбскаго съ царемъ и письма его къ разнымъ лицамъ. Сочиненіе Курбскаго „Исторія князя великаго московскаго, о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у досто-вѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ“ содержитъ исторію Грознаго отъ самаго его дѣтства до 1578 года. Сказавъ кратко о характерѣ великаго князя Василя Ивановича, о разводѣ его съ первою супругою, Саломонидою, Курбскій описываетъ воспитаніе Іоанна и крамолы бояръ. Далѣе Курбскій рассказываетъ о мятежахъ московскихъ и о чудесномъ исправленіи Іоанна подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, потомъ подробно повѣствуетъ о покореніи Казани, о походѣ на Крымскихъ татаръ и о войнѣ ливонской; наконецъ, приступаетъ

къ главному предмету: къ описанію тиранства Грознаго. Записки Курбскаго имѣютъ важное значеніе, какъ произведеніе современное очевидца, близкаго къ лицу, котораго дѣянія онъ изображаетъ; но онѣ не имѣютъ главнаго достоинства историческаго сочиненія, именно, безпристрастія. Курбскій является какъ бы адвокатомъ партіи, къ которой самъ принадлежалъ, защитникомъ боярства, подавленнаго Грознымъ. Основная его мысль та, что всѣ главныя дѣла Грознаго принадлежать не ему, а его совѣтникамъ, и что Грозный до тѣхъ поръ царствовалъ мудро и счастливо, пока руководствовался совѣтами Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. Руководясь этою мыслью, Курбскій изображаетъ царствованіе Грознаго въ двухъ эпохахъ: въ первой онъ изображаетъ Грознаго образцомъ монарха и описываетъ его славные подвиги (покореніе Казани, Астрахани, побѣды въ Крыму и Ливоніи); вторая же эпоха представляетъ мрачную картину бѣдствій и униженій Россіи отъ страшнаго тирана царя; начинается она съ тѣхъ поръ, когда Іоаннъ удалилъ Сильвестра и Адашева, началъ царствовать самовластно, окруженный новыми любимцами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ палъ нравственно и сдѣлался тираномъ. Переписка Курбскаго съ Грознымъ представляетъ большой матеріалъ для исторіи послѣдняго. Въ ней рѣзко высказывается задушевная мысль царя, отстаивавшаго свои священныя права: быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ бояръ и казнить ихъ за измѣну и крамолу. Курбскій, напротивъ, въ своихъ письмахъ является горячимъ защитникомъ боярства и оправдываетъ свою измѣну жестокостью царя, укоряетъ его въ неблагодарности къ Сильвестру и Адашеву, въ изгнаніи и избіеніи доблестныхъ синклитовъ и въ бѣдствіяхъ Россіи, которыя навлекалъ царь своимъ тиранствомъ и несправедливостію къ мудрымъ совѣтникамъ; и Грозный, и Курбскій горячо отстаиваютъ свои права и убѣжденія, а потому въ перепискѣ много пристрастія.

3. Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его Исторіи.

(С. Соловьевъ).

Явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо, при ихъ совершеніи, царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, по видимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всю тяжесть его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностію, самовольство, самоуправство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы ль растлѣнны, или я? что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ“. Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „Ты гово-

ришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь: но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вскладываете!“ Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринять не Иоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы съ крестоносною хоругвіею всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій и получивъ, неизрѣченнымъ Божиимъ милосердіемъ, побѣду, возвращались домой: то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ черезъ безбожную и невѣрную землю“. Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Иоаннъ прямо говоритъ: „Когда мы двинулись“; потомъ Иоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Иоанна въ недостаткѣ храбрости во время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Иоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе боярѣ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы послали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было

больше пятнадцати тысячъ по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты; когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благоприятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться! Для этого скорого возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ было много пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во-время“. Какъ согласить эти слова: „я посылалъ, если бъ я васъ не удержалъ“ съ словами: „вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ?“ Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, προϊстекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но виѣсть явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта пурей своихъ“. Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 году царь выступилъ противъ крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобы встрѣтить татаръ: и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалить, то хвалить своихъ. Такимъ образомъ

мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверстришко челомъ бьетъ. Писаль тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семень Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалить; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святой митрополить! Священникъ Семень про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутренѣ: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жъ. Да Семень же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобы онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ, но тогда царь и государь въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго Троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до Троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходитъ и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфірій при-

ходилъ къ Благовѣщенскому священнику Семену и вель съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семень мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія въ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и благоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать. Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его послалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто Троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя цара? Всего страннѣе предполагать, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ перехо-

довъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія всего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагодарасудили представить его вначалѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаниемъ, что походъ предпринять для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ; но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ.

4. Форма изложенія писемъ Іоанна Грознаго и Курбскаго.

(С. Соловьевъ).

Скажемъ нѣсколько словъ о формѣ, ибо послѣдняя послужитъ намъ объясненіемъ характера этого знаменитаго историческаго лица, и средствъ, которыми владѣлъ Іоаннъ. По тогдашнимъ средствамъ къ умственному образованію, Іоаннъ былъ

начетчикъ, самоучка, и съ нимъ случилось то же самое, что можно видѣть и теперь на подобныхъ начетчикахъ: формы языка, на которомъ читалъ онъ, формы, имѣвшія для него важное, священное значеніе, эти формы густо столпились въ его памяти, и когда онъ хотѣлъ употреблять ихъ, то, безъ изученія особенностей этихъ формъ, руководясь только одною памятью, онъ часто не могъ совладѣть съ ними, съ постройкой рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ всякой связи, бросался отъ одного предмета къ другому, не окончивши одного, начиналъ другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Іоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что онъ писалъ.

Что читалъ Іоаннъ, это ясно видно изъ его писемъ: священное Писаніе, переведенныя сочиненія отцовъ Церкви, русскія лѣтописи, хронографы, изъ которыхъ бралъ свѣдѣнія о римской и византійской исторіи; но преимущественно онъ находился подъ вліяніемъ двухъ первыхъ, такъ что посланія его наполнены мѣстами изъ св. Писаній и сочиненій св. отцовъ. Талантъ Іоанна виденъ въ искусномъ употребленіи средствъ: въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ ловко обращается къ религіозному чувству послѣдняго и выставляетъ ему на видъ ту сторону его поступка, противъ которой это чувство особенно должно было вопіять: „Князь! зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло, ты озлобился на меня, и душу свою погубилъ, потому что поднялъ руки на церковное разореніе. Не думаешь ли, что убережешься отъ этого? никакъ. Если ты пойдешь вмѣстѣ съ ними (литовцами) воевать, то непременно будешь церкви разорять, иконы погрязать, христіанъ губить. Представь себѣ, какъ вѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами. Такимъ образомъ, твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется Иродову неистовству, направленному противъ младенцевъ? Неужели ты назовешь это благочестіемъ? Итакъ, ты ради тѣла погубилъ душу, ради славы мимолетующія приобрѣлъ безславіе, и не на человѣка озлобился, а на Бога возсталъ. Разумѣй, несчастный,

*

съ какой высоты и въ какую пропасть ты низвергнулся душою и тѣломъ! Могутъ понять и тамъ, кто поумнѣе, что ты отъѣхалъ, желая славы мимотекущія и богатства, а не отъ смерти бѣгалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, то зачѣмъ испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но приобрѣтеніе“. Потомъ Іоаннъ словами Писанія доказываетъ, что и самый отъѣздъ Курбскаго, даже и безъ войны противъ православнаго отечества есть грѣхъ. „Зачѣмъ ты презрѣлъ апостола Павла, который говоритъ: „противящійся власти, Божію повелѣнію противится“. Смотри и разумѣй: кто Богу противится, тотъ называется отступникомъ, и это величайшій грѣхъ“. Курбскій указываетъ на происхожденіе свое отъ святого князя Θεодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго и отдаетъ свое дѣло на судъ этому предку своему. Но Іоаннъ низлагаетъ его и здѣсь: „Съ охотою принимаю въ судьи святого Θεодора Ростиславича, хотя онъ тебѣ и родственникъ; потому что кто былъ праведенъ здѣсь, въ земной жизни, тотъ тѣмъ болѣе творить праведное по смерти, и праведно разсудить онъ между нами и вами. Этотъ самый святой князь Θεодоръ исцѣлилъ царицу нашу Анастасію, которую вы уподобляли Евдокіи: ясно, что онъ не вамъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ; такъ и теперь надѣмся, что онъ будетъ помогать болѣе намъ, чѣмъ вамъ. Если бъ вы были чада Авраама къ сѣмени Авраамову причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое въ гробъ съ собою положить: значить, ты отложилъ уже и послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу, а ты и конечное прощеніе отвергаешь: такъ не слѣдуетъ тебя и погребать по-христіански“. Изъ св. Писанія заимствуетъ Іоаннъ уподобленія свои: „Ради временной славы (пишетъ онъ къ Курбскому), и сребролюбія, и сладости міра сего, ты все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ; ты уподобился сѣмени, падающему на камень

и выросшему при жарѣ солнечномъ, но вдругъ ради слова ложнаго ты соблазнился, отпалъ и плода не сотворилъ“.

Понятно, что, при томъ недостаточномъ состояніи просвѣщенія, въ какомъ находилось русское общество въ описываемое время, грамотей, начетчикъ тѣмъ большимъ пользовался уваженіемъ, чѣмъ больше выказывалъ свою ученость, начитанность въ рѣчахъ и посланіяхъ; понятно, что Іоаннъ любилъ выказывать свою ученость, помѣщая въ письмахъ своихъ обширныя историческія выписки: любятъ обыкновенно хвастаться тѣмъ, что рѣдко и ново; толпа увлекается количествомъ, обиліемъ; законность вопроса о приличіи, о мѣрѣ признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Іоаннъ же по природѣ своей не могъ принадлежать къ этимъ немногимъ, ибо менѣе другихъ былъ способенъ удовлетворять требованіямъ приличія и мѣры. Плодовитость рѣчи, неумѣнье сдержаться, умѣрить себя, проистекая вообще отъ страстности его природы, зависѣли также болѣе или менѣе и отъ особеннаго состоянія его духа: такъ первое посланіе къ Курбскому, написанное въ сильномъ волненіи и гнѣвѣ, отличается особеннымъ многорѣчіемъ; второе посланіе кратко: между двумя причинами этой краткости нельзя не признать и ту что второе посланіе написано при большемъ спокойствіи духа, при большемъ довольствѣ своимъ положеніемъ, отъ военныхъ удачъ происшедшихъ.

Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣпить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться. Неудивительно, что онъ не щадитъ въ своихъ насмѣшкахъ Курбскаго: „Писалъ ты себѣ въ досаду, отвѣчаетъ онъ ему, что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, послали; теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекахъ городовъ

прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: такъ теперь уже нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ ты думалъ, что ушелъ, а мы тутъ, по волѣ Божіей, догнали. И ты дальше поѣхалъ“.

Письма Курбскаго относительно изложенія носятъ иной характеръ, чѣмъ письма къ нему Іоанновы, по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка; Курбскій былъ ученикомъ Максима Грека, и поѣтому долженъ былъ уже имѣть другія, высшія понятія о риторствѣ въ словесной премудрости, долженъ былъ пріобрѣсти большее умѣнье разбираться въ словесномъ матеріалѣ и давать своей рѣчи большую стройность. Въ отвѣтѣ Іоанну Курбскій укоряетъ его за неприличное многословіе, за нестройность рѣчи, за слишкомъ обширныя выписки изъ св. Писанія и отеческихъ твореній: „Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, выразишь и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что не только царю, столь великому и во вселенной славимому, во и простому, убогому воину было бы неприлично; особенно въ немъ много изъ священныхъ Писаній нахватаю, и приведены эти слова со многою яростью и лютостью, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры, и перепутано, цѣлыми книгами, и паремьями и посланіями! Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ, и такъ все варварски, что не только ученымъ и искуснымъ мужамъ, но и простымъ, даже дѣтямъ въ удивленіе и смѣхъ, особенно въ чужой землѣ, гдѣ находятся люди, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусны“. Дѣйствительно, если сравнимъ

по формѣ письма Іоанна съ письмами Курбскаго, то не можемъ не отдать преимущества послѣднему; вотъ, напримѣръ, начало одного изъ писемъ его къ царю: „Если пророки плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, изъ камня прекраснѣйшаго созданной, и о гибели живущихъ въ немъ: то какъ намъ не восплакать о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, которую создалъ Господь, а не человекъ, въ которой нѣкогда Духъ Святой пребывалъ, которая послѣ прехвальнаго покаянія была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ которой чистая молитва, какъ благоуханное миро или еиміамъ, ко престолу Господню восходили, въ которой, на твердомъ основаніи правотѣрной вѣры, благочестивыя дѣла созидались, и въ этой церкви царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами, блисталась, честиѣ и свѣтлѣ золота, благодатью Духа Святаго преукрашенная дѣлами, укрѣпленная и освѣщенная тѣломъ и кровію Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!“

Большей стройности, большому изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способенѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный. Наконецъ на форму рѣчи Курбскаго должно было имѣть сильное вліяніе то положеніе, въ которомъ онъ явился писателемъ, положеніе изгнанника. Чувство ненависти къ гонителю, побуждавшее его къ рѣчи гнѣвной, умѣрялось другимъ чувствомъ, чувствомъ глубокой скорби о потерѣ отечества, о безотрадности положенія своего. Это особенно ощутительно въ первомъ посланіи, которое состоитъ изъ одного болѣзненнаго вопля: „Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израили, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковныя обогрилъ! на доброты твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя

мученія, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму переложить и сладкое прозвать горькимъ? Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель! Не прегордыя ли царства храбростію своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое намъ воздаяніе за это: всеродно губишь насъ! Или думаешь, что ты безсмертенъ, или прельщенъ ересью и думаешь, что не будетъ суда Іисусова? Онъ, Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, судья между тобою и мною. Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? какихъ бѣдъ и напастей на меня ты не подвигнулъ? какихъ ожесточеній презлыхъ на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь исчислить: потому что объять еще горестію душа моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишень и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!“

5. Борьба Грознаго съ боярствомъ.

(Проф. Ключевскаго).

Разсорившись съ своимъ боярствомъ, царь Иванъ покинулъ въ 1564 году Кремль, Москву, всѣ свои „государства“ и самый титулъ царя, учредилъ себѣ новый дворъ съ особыми боярами, дворянами, приказными и другими людьми, оставивъ прежній правительственный и придворный штатъ при его должностяхъ, отобралъ для этого новаго двора нѣсколько улицъ въ Москвѣ и нѣсколько областей въ государствѣ, оставивъ другія улицы и области подъ властію боярской думы и подчиненныхъ ей приказовъ, началъ скромно зваться Иванцомъ Васильевымъ, княземъ московскимъ, ходить и ѣздить въ „смирномъ“ черномъ платьѣ и немилостиво казнить

тѣхъ, кого считалъ измѣнниками. Государь, потратившій столько усилій мысли, чтобъ усвоить себѣ понятіе о единствѣ верховной власти, ввелъ „раздѣленіе земли и градовъ“; объявивъ предъ лицомъ земли, что всѣ бояре измѣнники, и что на простыхъ людей царской опалы и гнѣва нѣтъ, онъ оставилъ этихъ вѣрныхъ ему простыхъ людей земли подѣ властью боярской думы, наполненной измѣнниками.

Въ опричинѣ надобно различать двѣ стороны: ея политическую форму и ея политическую цѣль. Первая вовсе не была новостью въ русскомъ государственномъ устройствѣ, введенной царемъ Иваномъ. Это знакомый намъ удѣлъ. Самый терминъ *опричина* былъ заимствованъ изъ удѣльнаго языка: такъ назывались особыя выдѣленныя владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ *прожитковъ*. Въ актахъ XVI вѣка *опричный* значить чужой, сторонній, не принадлежащій къ извѣстному обществу или уѣзду. Князь Курбскій подыскалъ мѣткій этимологическій синонимъ этого термина, но только этимологическій, назвавъ опричниковъ „кромѣшниками“, удачно играя буквальнымъ и переноснымъ смысломъ этого слова. Никогда прежде не существовало удѣла, состоявшаго изъ тѣхъ именно городовъ, какіе взяты царемъ въ опричину. Но Иванъ поступалъ согласно съ преданіемъ удѣльныхъ вѣковъ, составивъ свой новый удѣлъ частію изъ городовъ, принадлежавшихъ къ старинной вотчинѣ московскихъ князей, каковы были Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, частію изъ недавнихъ сравнительно прибрѣтеній московскихъ государей, какими были Двина, Волга, Вязьма, Бѣлевъ, наконецъ, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ волостей, разбросанныхъ въ московскомъ и другихъ уѣздахъ, которые не были взяты въ опричину. Изъ такихъ именно разрядовъ земель и съ такой же черезполосицей предки Грознаго составляли удѣлы своимъ дѣтямъ въ духовныхъ грамотахъ. Самое управленіе въ опричинѣ было устроено по старому удѣльному образцу, сколько можно

судить о томъ по скуднымъ слѣдамъ дѣятельности опричной администраціи. Какъ въ удѣльное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введеннаго, такъ и теперь въ жалованной грамотѣ игумену Махрицкаго монастыря 1571 г. царь писалъ объ искахъ стороннихъ людей на игуменѣ съ братіей или на ихъ слугахъ и крестьянахъ: „а сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или мой бояринъ введенный у насъ въ опришнину“. Какъ въ удѣльное время все центральное управленіе заключалось въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, дворъ князя составлялъ собственно княжеское правительство; такъ и опричнина нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея учрежденія была переименована *во дворъ*, а бояре и дворяне опричные въ бояръ и дворянъ *дворовыхъ*. Наконецъ самымъ опричнымъ своимъ титуломъ царь противопоставалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному, земскому цѣлому; нѣкоторое время онъ официально назывался просто „княземъ московскимъ“, даже не великимъ, предоставивъ титулъ „великаго князя *всѣя Руси*“, поставленному имъ во главѣ земщины крещенному хану касимовскому Симеону.

Но, возстановляя старую форму, уже отжившую, повидимому, свое время, царь указалъ ей цѣль, для которой прежде не существовало особаго учрежденія: устанавливая опричнину, онъ задумалъ вывести измѣну изъ русской земли. По челобитью духовенства царь воротился на покинутое имъ государство, но съ тѣмъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государственной волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Такимъ образомъ учреждалась высшая полиція по дѣламъ государственной измѣны; назначенный по уставу новаго учрежденія опричный отрядъ въ 1000 человекъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Но направленная противъ людей правительственнаго класса, опричнина не касалась политическаго положенія всего этого класса.

Высшее управленіе оставалось аристократическимъ попрежнему; боярская дума продолжала руководить землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ; теперь, поставленная во главѣ женщины, она какъ будто даже стала самостоятельнѣе прежняго. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстенъ хранившійся въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива подлинный „указъ объ опричинѣ“, и мы знаемъ его содержаніе только по изложенію лѣтописца. Послѣдній пишетъ, что учреждая опричину, царь приказалъ вѣдать государство свое московское, воинство, судъ и управу и всякія земскія дѣла дѣлать своимъ земскимъ боярамъ, къ которымъ должны приходиться съ докладомъ о „большихъ дѣлахъ“ управляющіе отдѣльными приказами, а сами бояре обязаны приходиться къ государю, когда будутъ какія „ратныя вѣсти или земскія великія дѣла“. И прежде бояре иногда судили въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это было отступленіемъ отъ заведеннаго порядка, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ. Теперь, повидимому, такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами; слѣдовательно, боярскіе приговоры по всѣмъ прочимъ вопросамъ получили силу закона и безъ этого доклада.

Такое странное сочетаніе старой, уже отжившей политической формы съ новой, еще небывалой правительственной задачей и сочетаніе ихъ обѣихъ съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, которому была чужда та и другая, вызвано было однимъ любопытнымъ эпизодомъ нашей политической исторіи XV и XVI вѣка. Этотъ эпизодъ принято называть борьбой московскихъ государей съ своимъ боярствомъ. Не только люди послѣдующихъ поколѣній, но и современники, даже сами участники борьбы расположены были видѣть источникъ ея въ непримиримости политическихъ притязаній тогдашняго боярства съ политическими понятіями и стремленіями государей, преимущественно Грознаго. Но извѣстны привычки бойцовъ въ пылу боя забывать происхожде-

ніе и первоначальную цѣль борьбы и останавливаться въ опѣнкѣ ея на послѣднемъ пережитомъ моментѣ. Этимъ объясняется, какимъ образомъ малыя причины иногда рождаютъ великія ссоры и наоборотъ важныя разногласія разрѣшаются мелкими распрями. Обѣ стороны, боровшіяся въ Москвѣ XVI вѣка, даютъ поводъ сомнѣваться въ такомъ происхожденіи ихъ борьбы, какое онѣ сами ей приписывали. Во-первыхъ, притязанія боярства далеко не были такъ рѣшительны и радикальны, чтобы не оставалось никакой возможности примиренія. Они шли немного дальше дѣйствительности; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были признаны государями. Боярская программа состояла не столько въ требованіи политическихъ нововведеній, сколько въ защитѣ дѣйствовавшихъ правительственныхъ обычаевъ. Былъ важный недостатокъ въ политическомъ положеніи боярства—отсутствіе надежныхъ обезпеченій этого положенія: но требованія такихъ обезпеченій не находимъ и въ боярской программѣ. Съ другой стороны, если бы споръ шелъ о политическомъ порядкѣ и выходилъ изъ несогласимыхъ между собою плановъ государственнаго устройства, отъ царя прежде всего можно было бы ожидать прямого отвѣта на вопросъ, какого онъ хочетъ порядка, того ли, какой тогда складывался и дѣйствовалъ, или какого-нибудь другого. Письма Ивана къ Курбскому навболѣе полная его политическая исповѣдь. Они рѣшительно подкупаютъ читателя своей задушевностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи, въ которой каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и возвышенныя политическія воззрѣнія. Но снявъ эту пѣну, находимъ подъ нею скудный запасъ идей и довольно много противорѣчій. Онъ, пользуясь его же выраженіемъ, собственно „едино слово пишетъ, обращая сѣмо и ѡвамо“, діалектически развиваетъ одну идею, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ: это идея самодержавія, которое Иванъ старается утвердить на историческихъ и по-

литических основаніяхъ. Самодержавіе для него исконный фактъ нашей исторіи, который онъ ведетъ отъ Владимира Святого, прибавляя, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть, сосредоточенная въ рукахъ царя, необходима для водворенія внутренняго порядка, для прекращенія междоусобныхъ браней и самовольства. Но боярство, по крайней мѣрѣ, его литературные представители, возставали не противъ того самодержавія, которое шло отъ Владимира Святого, а противъ самодержавія, окруженнаго кромѣшниками, жертвой котораго палъ св. Филиппъ, и въ которомъ царь Алексѣй, также самодержавный, принесъ торжественное покаяніе за своего предшественника, за „прадѣда“ своего царя Ивана. Съ особенной горечью жалуется царь на бояръ во имя своего самодержавія, вина ихъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ „попа невѣжи“ и „собака“ А. Адашева съ ихъ совѣтниками: они сняли съ царя всю власть, оставили ему только честь предсѣдательства и званіе царя, а на дѣлѣ сталъ онъ ничѣмъ не лучше холопа; они совѣтовались обо всемъ тайкомъ отъ царя, всѣ дѣла рѣшали, какъ хотѣли, ни въ чемъ его не спрашиваясь, какъ будто его и не было, или былъ онъ младенцемъ неразумнымъ. Но если дѣйствительно таково было значеніе Сильвестра, какимъ изобразилъ его Иванъ, если и по словамъ лѣтописца этотъ іерей былъ „аки все мога“, неограниченно распоряжался всѣми церковными и государственными дѣлами, только что не имѣлъ званія и сѣдалища царскаго и святительскаго, то въ этомъ вовсе не были виноваты бояре. Точно также не боярами, а скорѣе на зло боярамъ Адашевъ взятъ былъ „отъ гноища“ и изъ батожниковъ пожалованъ въ вельможи. Прежде всего на самого себя долженъ былъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его довѣрія. Политическое значеніе боярства, его притязанія не были виной того, что эти люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительныхъ къ нему совѣтниковъ и на-

чали „всѣхъ бояръ въ самовольство приводити“; царь самъ отдался имъ въ руки, испуганный событіями 1547 года. Иванъ какъ будто не замѣчалъ, что обвиняетъ противниковъ въ собственныхъ ошибкахъ и слабостяхъ и самъ выдаетъ имъ свое самодержавіе. И это самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть или голая отвлеченная идея: не безъ искусства развивая ее діалектически, онъ не выводитъ изъ нея всѣхъ практическихъ послѣдствій, она не облакается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства. [Вся его философія самодержавія сводится къ одному простому заключенію: „жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ вольны же“. Но это заключеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Въ актахъ удѣльнаго времени оно и выражалось почти тѣми же словами: „я, князь великій Борисъ Александровичъ (тверской) воленъ, кого жалую, кого казню, а другому въ то не вступаться“, читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ. Такое простое пониманіе самодержавія выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государя-правителя съ его подданными, а хозяина-вотчинника съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, чѣмъ и были опричники царя Ивана. Не вопросомъ объ основаніяхъ государственнаго порядка вызвана была вражда, литературнымъ памятникомъ которой осталась полемическая корреспонденція царя съ бояриномъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ корреспонденціи лишь кстати, къ слову; Курбскій даже почти вовсе не затрогиваетъ его въ своихъ письмахъ. Не

противоположные политическіе принципы, а личные счеты и взаимныя огорченія раздѣляютъ обоихъ корреспондентовъ. Поэтому въ своей перепискѣ они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько жалуются другъ на друга и исповѣдуются одинъ другому. Курбскій, вообще болѣе противника владѣвшій собою, самъ замѣтилъ это и прямо назвалъ посланіе царя исповѣдью, съ ироніей прибавивъ, что будучи не пресвитеромъ, а военнымъ и къ тому же очень грѣшнымъ человѣкомъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. У обоихъ корреспондентовъ есть свои больныя мѣста, о которыхъ каждый усердно твердитъ другому, плохо вслушиваясь въ рѣчь противника. — За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ Иванъ Курбскій. — „Нѣтъ, отвѣчаетъ Иванъ Курбскому, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи“. Такимъ короткимъ діалогомъ можно выразить сущность знаменитой переписки.

Дѣйствительная причина вражды была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ, и всегда не въ мѣру откровенный Иванъ не скрылъ ея въ своей исповѣди. Съ половины XV в. эта вражда дважды обнаружилась съ особенною силой и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи, о преемникѣ. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго, а его противодѣйствіе великому князю въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями. Нерасположеніе великаго князя Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первые сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Иванъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи: онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ его кн. Михаилъ съ вел. кн. Димитріемъ внукомъ на его государева отца „многія пагубныя смерти умышляли“. Другой случай былъ при самомъ Иванѣ IV въ 1553

году, когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владимиръ, заявилъ притязанія на престоль. Сильвестръ и Адашевъ вели себя двусмысленно въ этомъ дѣлѣ, а ихъ совѣтники, большинство бояръ, не хотѣли цѣловать креста младенцу, говоря, что его именемъ будутъ править родственники царицы Захарьины. Большой царь на совѣтѣ долженъ былъ черезъ силу уговаривать непокорныхъ бояръ и между прочимъ сказалъ имъ: „вы намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, не помните, на чемъ намъ крестъ цѣловали; такъ если *мы вамъ ненадобны*, то это на вашихъ душахъ“. Съ тѣхъ поръ и пошла вражда, замѣчаетъ лѣтописецъ, и самъ Иванъ подтверждаетъ это замѣчаніе, отвѣчая Курбскому на обвиненія въ жестокостяхъ: „только бы на меня съ попомъ не стали вы, такъ ничего бы этого и не было“. А бояре стали съ попомъ противъ царя, прежде всего въ этомъ несчастномъ дѣлѣ 1553 г. благоприятствуя Владимиру. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнию, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ его смерти. „Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ, не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю“. Имъ опять, какъ послѣ московскихъ пожаровъ и волненій 1547 года, овладѣло чувство, которому онъ всегда легко поддавался, чувство страха. Въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія убѣдительное всякихъ книжныхъ политическихъ доктринъ: „за себя есми сталъ“, пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владимира, а его, „и съ дѣтьми извести“. Мы имъ ненадобны, такъ надо бѣжать отъ нихъ или обороняться: это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ, кажется, всю жизнь не покидало царя. Достаточно просмотрѣть его знаменитые синодики опальныхъ, чтобы видѣть, что во время опричнины Иванъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру

испугавшійся челоѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ. Шла борьба съ измѣнническимъ боярствомъ, а въ поминанье заносились перебитые десятками по разнымъ городамъ и селамъ боярскіе люди, подъячіе, псари, монахи, мастеровые, „скончавшіеся христіане мужского, женскаго и дѣтскаго чина“, которыхъ имена, да и политическія вины, прибавить можно, „Ты Самъ, Господи, вѣси“, какъ причитаетъ помяникъ послѣ каждой статьи избитыхъ массами.

Такъ борьба московскихъ государей съ боярствомъ имѣла не политическое, а династическое происхожденіе. Несомнѣнно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не остались безъ вліянія на образъ дѣйствій бояръ старыя боярскія привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ считалъ себя въ правѣ выбирать себѣ мѣсто службы, переѣзжая отъ одного князя къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре считали возможнымъ выбирать между кандидатами на престолъ. „Чѣмъ намъ служить государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владимиру, говорили они въ 1553 году: „какъ служить малому мимо стараго?“ Выборъ облегчался отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Руководясь правомъ, дѣйствовавшимъ въ частной гражданской средѣ, удѣльные князья не хотѣли стѣснять себя въ распоряженіи своими вотчинами передъ смертью: имъ не приходила мысль о возможности и пользѣ ограниченія личной воли завѣщателя. Этотъ обычай продолжалъ дѣйствовать и въ Московскомъ государствѣ: „кому хочу, тому и дамъ княжество“, говорилъ Иванъ III. Цѣну этой личной воли, простой и понятной, московскіе государи почувствовали раньше, чѣмъ стали думать о болѣе сложныхъ политическихъ своихъ прерогативахъ, и дорожили ей больше, чѣмъ послѣдними, когда стали объ нихъ думать. Потому стороннее вмѣшательство въ эту область трогало ихъ больше, чѣмъ могъ трогать общій вопросъ о политическомъ значеніи боярства и его отношеніи къ государственной власти. Едва ли и сами бояре смотрѣли на свое вмѣшатель-

ство въ распоряженіи обоихъ Ивановъ о престолонаслѣдіи, какъ на свое право опредѣлять порядокъ преемства верховной власти; они просто хотѣли воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобъ устранить неприятнаго преемника. Но легко понять, что династическій случай долженъ былъ поднять и общій политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, о прерогативахъ верховной власти и правахъ аристократіи. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена къ разрѣшенію этого вопроса ни при Иванѣ III, ни при его внукаѣ. Страннымъ можетъ показаться, что русское общество инстинктомъ или сознательною мыслью глубже своего правительства проникало въ смыслъ совершившихся событій, лучше понимало политическое положеніе, какое ими создавалось. Писатели XVI вѣка говорили уже „о единомъ существѣ русской земли“ и о соединеніи „во едино существо міра всего Божиимъ милосердіемъ и царской добродѣтелю“, на чемъ настаиваетъ валаамская *Бесѣда*; еще раньше старецъ Филоеѣй въ посланіи къ великому князю Василию писалъ, т.-е. мечталъ о томъ, что уже всѣ христіанскія царства собрались въ одно царство русскаго царя. Политическое единство свободной извнѣ земли неразрывно съ ея національнымъ и церковнымъ единствомъ было для русскаго общества фактомъ, который оно почувствовало живо, съ отрадой и гордостью, почувствовало впервые послѣ ряда вѣковъ внѣшняго порабоженія и внутренняго разъединенія. Официальный языкъ, кажется намъ, можетъ служить нѣкоторымъ отраженіемъ политическихъ понятій правителей, которые имъ пользуются. Судя по нему, московское правительство и во второй половинѣ XVI вѣка какъ будто слабо сознавало указанный фактъ и его послѣдствія. Сохранились крестоцѣловальныя записи, по которымъ присягали царю Ивану и его царевичамъ Ивану и Ѳедору областные судьи и таможенныя головы: чиновники присягали царю, царицѣ, царевичамъ и ихъ *землямъ*. Уже съ конца XV в. московскіе государи не разъ заявляли польскому правительству, что всю русскую

землю считаютъ своей исконной прародительской отчиной; однако и въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ они продолжали называться въ торжественныхъ случаяхъ не государями единого государства Всероссийскаго, а государями Владимирскаго и Московскаго и „всѣхъ великихъ государствъ“ російскаго царства. Отдѣльная земля, присоединенная къ старой вотчинѣ московскаго государя, долго считалась еще особымъ *государствомъ*, т.-е. особымъ благопріобрѣтеннымъ хозяйствомъ государя, и эта личная связь новаго пріобрѣтенія съ старой вотчиной, состоявшая въ томъ, что у нихъ являлся общій хозяинъ, кажется, чувствовалась яснѣе всякой другой, политической или народной. И царь Иванъ въ письмѣ къ Курбскому писалъ, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ „всѣми царствы“ своими. Всѣ владѣнія государя составляли единую отчину *государеву*; но правительственное сознание долго не могло освоиться съ мыслью, что эта вотчина есть и цѣлое *государственное*. Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя, еще смутно понималъ недѣлимость верховной власти и въ своей духовной далъ удѣлъ младшему сыну, только съ неясной оговоркой, что этотъ удѣлъ „ему же (старшему сыну, царю) къ великому государству“. Московскимъ государямъ, кажется, легче давалась идея самодержавія, чѣмъ идея единой державы; извѣстны случаи двоегосударія и въ XVII вѣкѣ. Изъ такихъ остатковъ удѣльныхъ отношеній и понятій, признанныхъ или еще не брошенныхъ московскимъ правительствомъ, главнымъ образомъ и слагалось политическое положеніе московскаго боярства въ его новомъ составѣ, ими и питались его аристократическія притязанія. Сопоставляя политическія воззрѣнія обѣихъ сторонъ, высказывавшіяся въ XVI вѣкѣ, находимъ, что они не расходились между собою до возможности соглашенія. Мы видѣли, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями въ правительственной практикѣ, и не настаивало на многомъ, что тогда еще могло быть допущено въ его пользу.

*

Его литературные представители признавали власть государя, какой она была тогда, со всѣми ея обширными, практически выработавшимися полномочіями, дають государю значеніе главы правительственнаго тѣла, но при этомъ желаютъ, чтобъ и бояре, какъ мудрые совѣтники, были членами того же тѣла, а не отрѣзанными ногтями. Иванъ жаловался на бояръ съ ихъ „начальниками“ Сильвестромъ и Адашевымъ, будто они добивались того, чтобъ онъ, царь, только „словомъ былъ государь“, а сами хотѣли всѣмъ владѣть и „всю землю русскую подъ ногами своими видѣть“. Но это было преувеличеніемъ боярскихъ притязаній со стороны совѣтниковъ, подобранныхъ царю его же любимцами, если только не было преувеличеніемъ со стороны самого Ивана, котораго страхъ, обладавшій слишкомъ великими глазами, заставлялъ давать невѣроятные размѣры своимъ бѣдамъ и опасностямъ. Правда, тотъ же Иванъ непримиримо рѣзко, самымъ остріемъ поставилъ противъ боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла послѣдовательно изъ органическаго роста привычнаго, отъ предковъ унаслѣдованнаго политическаго сознанія, а была, такъ сказать, наростомъ на этомъ сознаніи, натертымъ уже во время борьбы. Царь пользовался этой идеей, какъ политическимъ оружіемъ противъ бояръ, для оправданія своихъ жестокостей; но она осталась у него безъ практическаго употребленія, ничего не измѣнивъ въ основаніяхъ государственнаго порядка и только увеличивъ существовавшія въ немъ противорѣчія. Итакъ, у обѣихъ сторонъ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Но при сходствѣ политическихъ понятій или, лучше сказать, политическихъ привычекъ онѣ еще связаны были одна съ другой важными практическими интересами и очень нуждались другъ въ другѣ. Бояринъ былъ нуженъ и полезенъ государю и внѣ своей правительственной дѣятельности, какъ крупный землевладѣлецъ. О князьяхъ

М. Воротынскомъ и Н. Одоевскомъ Курбскій пишетъ, что они и при Иванѣ IV „велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ“; изъ зависти будто бы къ этому воинству царь и погубилъ обоихъ. Значить, они выставляли въ поле цѣлыя полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали, избавляя правительство отъ хлопотъ объ этомъ. Въ дѣлѣ обороны страны одинъ такой князь стоялъ цѣлаго уѣзда, наполненнаго мелкими вотчинниками и помѣщиками. Общій интересъ связывалъ обѣ стороны и въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянскаго труда. Обоюдная выгода ихъ состояла въ томъ, чтобъ этотъ бродячій и безкапитальный трудъ привязать къ мѣсту и расширить его производство. Есть признаки, указывающіе на то, что крупнымъ землевладѣльцамъ это удавалось тогда лучше, чѣмъ мелкимъ и даже чѣмъ обществамъ черныхъ государственныхъ крестьянъ. Различіе интересовъ крупной земельной собственности и государства въ этомъ отношеніи чувствовалось еще слабо въ XVI в. Наконецъ боярство и правительство въ XVI в. вмѣстѣ боролись съ успѣхами монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствіями, вредными для обоихъ.

Значить, безъ особаго жгучаго повода не отъ чего было возгорѣться пожару лютоги въ землѣ русской, воскуриться гоненію великому, на что жалуется кн. Курбскій. Такимъ жгучимъ поводомъ послужило при царѣ Иванѣ повторившееся столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи. Вызванный этимъ случаемъ споръ продолжался и послѣ него; династическая распря перенесена была въ область высшей политики. Въ странное положеніе ставила эта распря обѣ разсорившіяся стороны: объявили другъ друга врагами, заспорили о власти, о политическихъ принципахъ люди, политически нуждавшіеся другъ въ другѣ, воспитанные въ сходныхъ политическихъ понятіяхъ и привычкахъ, привыкшіе дѣйствовать вмѣстѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что вражда продолжалась только по недоразумѣнію, потому что враги не умѣли или не имѣли случая спо-

вориться между собою. Несчастный династическій случай даль почувствовать обѣимъ сторонамъ, можетъ быть, даже усилилъ существовавшее въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ противорѣчіе, которое безъ того не помѣшало бы имъ мирно ужиться другъ съ другомъ, какъ онѣ уживались во времена Дмитрія Донского. Московское государство въ XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена, кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными недругами. Правительство обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дѣйствовать вмѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, и эта необходимость только обостряла вражду, усиливала столкновеніе. Обѣ стороны увидѣли себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ; ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожителство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Форма послѣдней была указана или подсказана Ивану московскимъ правительственнымъ предаіемъ. Когда старое удѣльное зданіе Московскаго княжества, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ заставилось новыми государственными пристройками, ближняя государева дума послужила одной изъ связей перваго съ послѣдними. Но ближняя дума была реставраціей боярскаго совѣта удѣльнаго времени, когда послѣдній превратился въ постоянный правительственный корпусъ съ опредѣленнымъ многосложнымъ вѣдомствомъ и составомъ, основанномъ на новомъ складѣ боярства. Не устраняя дѣятельности боярскаго совѣта и составляясь обыкновенно изъ ея же членовъ, ближній совѣтъ былъ со стороны государя косвеннымъ признаніемъ этой думы въ значеніи такого правительственнаго

корпуса и, слѣдовательно, признаніемъ боярства въ значеніи правительственнаго класса. Къ ближнимъ думнымъ людямъ примыкали ближніе постельничіе, стольники и нѣкоторые другіе дворцовыя чины, которые подъ общимъ названіемъ *ближнихъ людей* слѣдовали въ придворной іерархіи непосредственно за думными и вмѣстѣ съ ближними людьми думныхъ чиновъ составляли государеву *комнату*. Выдѣленіе этой комнаты изъ большого двора было слѣдствіемъ желанія государей сохранить около себя привычную тѣсную обстановку удѣльнаго времени среди придворнаго штата, принимавшаго все бѣльшіе размѣры: такъ точно, построивъ себѣ большія каменныя палаты, они долго еще продолжали жить въ тѣсныхъ деревянныхъ хоромахъ, напоминавшихъ имъ удѣльныя избы ихъ предковъ. Опричина была развитіемъ этой комнаты, только доведеннымъ до крайности, получавшимъ ненормальныя размѣры согласно съ характеромъ ея учредителя, что еще болѣе дѣлало ее похожей на реставрацію удѣла: въ ней были не только особыя ближніе бояре, окольничіе и другіе чины, но и весь дворцовый штатъ ближній, полный дворъ, даже съ особой ближней гвардіей, конной и пѣшей. Поэтому на учрежденіе опричины можно смотрѣть какъ на завершеніе того, чѣмъ была ближняя дума: имъ завершалось признаніе политическаго значенія боярства и боярскаго думы со стороны государя. Специальной, полицейской цѣлью опричины не ослаблялось, а только рѣзче обозначалось это признаніе. Опричина боролась не съ порядкомъ, а съ лицами, провозглашала неблагонадежность послѣднихъ и подтверждала удовлетворительность перваго, была направлена не противъ положенія цѣлаго правительственнаго класса въ государствѣ, а противъ отдѣльныхъ людей этого и даже не одного этого класса, навлекавшихъ на себя полицейское подозрѣніе или попадавшихъ подъ руку царя въ дурную минуту. Такъ въ опричинѣ сказалось одно изъ главныхъ основаній московскаго государственнаго порядка, создававшагося въ XV—XVI вѣкахъ; надъ *лицами* государь былъ воленъ,

могъ казнить ихъ за вины и опалы на нихъ класть, но не могъ устранить отъ власти правительственнаго класса, обойтись безъ его содѣйствія. Того же взгляда держалось само боярство. По наказу, данному боярской думой, московскіе послы кн. И. М. Воротынскій съ товарищамъ, въ 1615 г. переговариваясь съ поляками, должны были при случаѣ сказать имъ отъ имени „природныхъ“ бояръ: „видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, только во всемъ государствѣ *страва всякая была на насъ*, а худыми людьми насъ не безчестили и чести нашей природной не отнимали“. Въ такомъ исходѣ политической борьбы, разрѣшившейся лично враждой, даже не удержавшейся въ предѣлахъ борьбы съ классомъ, и сказалась существенная особенность власти московскаго государя, безграничной по отношенію къ лицамъ, но сдержанной и скромной въ отношеніи къ порядку. Это признаніе выразилось въ болѣе самостоятельной постановкѣ думы, въ томъ, что ей предоставлено было вести текущія дѣла управленія безъ участія царя, который, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу „не на великое время“. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что царь совсѣмъ пересталъ являться въ совѣтъ земскихъ бояръ. Сохранилось нѣсколько приговоровъ думы, изданныхъ во времена опричнины отъ имени первоприсутствующаго боярина съ товарищами, даже съ участіемъ духовенства, но состоявшихся безъ царя, только по царскому приказу или слову. Но извѣстны и законы, начинающіеся обычною формулой приговоровъ царя „со всѣми бояри“, согласно съ указомъ объ опричинѣ, по которому земскіе бояре должны были приходять къ царю въ случаѣ особо важныхъ земскихъ дѣлъ и ратныхъ вѣстей.

Соединяя черты, которыми обозначились взаимныя отношенія государя и боярства въ XVI в., находимъ, что обѣ стороны признавали другъ за другомъ государственное значеніе, какое для каждой изъ нихъ создалось практически, ходомъ исторіи. Государь признавалъ бояръ прямыми и необходимыми своими сотрудниками въ земскомъ строеніи и рат-

ныхъ дѣлахъ, правящимъ классомъ въ предѣлахъ существующаго порядка. Отецъ и дѣдъ Грознаго признавали это и въ теоріи, и на практикѣ; Грозный въ разгарѣ борьбы попытался отвергнуть это въ теоріи, но продолжалъ признавать на практикѣ. Боярство, съ своей стороны, видѣло въ государѣ необходимаго носителя верховной власти, какъ тогда ее понимало, и не простирало своихъ политическихъ желаній далеко за предѣлы существующаго порядка. Коренного измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя не добивается ни та, ни другая сторона: обѣ стоятъ на исторической дѣйствительности, на существующихъ фактахъ, не углубляясь въ ихъ внутреннее противорѣчіе другъ другу. Этимъ и парализовалась та доля боярскаго вниманія къ вопросамъ высшей политики, какая оставалась отъ заботъ, возбуждавшихся ходомъ народнаго хозяйства. Правда, со стороны царя обнаруживаются нѣкоторые признаки неяснаго предчувствія этого противорѣчія, смутные помыслы о томъ, что дѣйствующій соціальный составъ управленія въ государствѣ неудобенъ для государя и долженъ быть замѣненъ другими административными орудіями, болѣе соответствующими политической натурѣ московскаго монарха, какъ онъ начиналъ сознавать себя. Въ извѣстномъ комористическомъ письмѣ Грознаго къ Васюшкѣ Грязному читаемъ откровенное признаніе царя: „по грѣхамъ нашимъ учинилось, и намъ того какъ утаити, что отца нашего бояре учили намъ измѣнати, и мы васъ страдниковъ приближили, хотячи отъ васъ службы и правды“. Этой мысли царь не скрываетъ и въ письмахъ къ Курбскому; она, разумѣется, встрѣчала полное сочувствіе въ обществѣ худородныхъ „кромѣшниковъ“. Здѣсь также роились неясныя идеи дворянской демократіи. Презируя мѣстническое преданіе, упомянутый сейчасъ Васюкъ Грязный отвѣчалъ царю на его признаніе: „ты, государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаешь великимъ“. Извѣстно, какъ не любила опричина мѣстничества. Послѣ спорившіе о мѣстахъ, желая показать, что извѣстный служебный случай былъ неправиленъ и не имѣетъ

цѣны, говорили: „то дѣялось въ опришнинѣ“. Но и Грозный и Грязные, ему понадобившіеся, оставались пока при однихъ помыслахъ о новомъ порядкѣ, безъ средствъ и рѣшительныхъ попытокъ осуществить ихъ. И въ противной сторонѣ борьба вызвала нѣкоторыя новыя ощущенія, которыя облекшись въ политическія формы, въ опредѣленные планы государственнаго устройства уже въ поколѣннн, слѣдовавшемъ за сверстниками Грознаго. Такъ обѣ стороны до самаго исполненія боярскаго пророчества, до пресѣченія династіи, не нашли выхода изъ неловкаго положенія, въ какомъ себя почувствовали, хотя на одной сторонѣ стоялъ „мужъ чуднаго разсужденія, мужъ толико славенъ и толико многоразсуденъ“, какъ отзывались современники о царѣ Иванѣ, да и у противниковъ его не было недостатка ни въ напряженіи мысли, ни въ талантахъ. Это потому, что надъ талантами, идеями, капризами и страхами обѣихъ сторонъ высился порядокъ державшійся на обычаяхъ, преданіи, поколебать который онѣ были безсильны, пока онъ самъ не поколебался подъ дѣйствіемъ новыхъ обстоятельствъ.

С Л О В А Р Ъ.

- АВІЕ.** Скоро, тотчасъ, потомъ.
Аво, альво. Или.
АЕРОПЛАВАТЕЛЬНЫЙ. Воздухоплавательный.
АЕРЪ. Воздухъ.
АЖЪ, АЖЕ. Даже.
АКИ. Какъ, будто.
АКСАМИТЬ. Бархатъ золотой.
АЛАВАСТРЪ. Алебастръ, кувшинъ алебастровый безъ ручекъ; склянка съ водою.
АЛАМАНСКІЙ. Нѣмецкій, германскій.
АНЖЕВЫ. Чтобы, даже бы.
АНТИПАТЪ. Намѣстникъ.
АРГУМЕНТЪ. Доказательство, свидѣтельство.
АРМАТА. Вооруженіе, оружіе; войско.
АСПЕРЪ (польск.-лат.). Векша; куны, мордки куньи.
БЕЗВѢСТНО. Неожиданно, нечаянно.
БИСКУПЪ. Епископъ.
БЛАЗЕНЪ. Шутъ, балясникъ, фигляръ.
БЛАЗЕНСТВО. Шутовство, фиглярство.
БОККАЛЯРЪ. Бакалавръ, учитель.
БРАТЬСЯ. Сражаться, воевать.
БРАШНО. Пища, кушанье.
БРОНИТЕЛЬ. Оборонитель, защитникъ.
БРОНИТЬ. Оборонять, защищать.
БУРМИСТРЪ. Бургомистръ.
БЪДНИКЪ. Увѣчный.
БЪДНЪ. Неудобно, трудно.
ВАЖИТЬ. Вѣсить, цѣнить, почитать.
ВАЛЬНЫЙ. Всеобщій, главный.
ВДЯЧНО. Благодарно.
ВЕЖА. Башня, каланча.
ВЕЛЬМОЖНЫЙ. Великомошннй.
ВЕЩЬ ОВЩАЯ (лат. Respublica). Республика.
ВЗГОНЪ. Согнаніе, пагуба.
ВЗУСТИТЬ. Обуздать.
ВИРШЪ. Стихъ.
ВКОЛО. Около, вокругъ.

- Властель. Властитель, вла-
дѣтель.
- Вода. Начальство, предводи-
тельство.
- Водля. Подлѣ, близъ; слѣдую.
- Вожь. Вождь, проводникъ,
вожатый.
- Возвурить. Вволновать.
- Волоть. Исполить, великанъ.
- Вповенный. Врожденный, вну-
шенный.
- Вреваю. Ввергаю.
- Вручь. Врукопашную.
- Всенароднѣ. Торжественно,
предъ всѣмъ народомъ.
- Всенародство. Народъ,
чернь.
- Всероднѣ. Со всѣмъ родомъ,
съ семействомъ.
- Вуй. Дядя съ материнской
стороны.
- Вымова. Краснорѣчіе, произ-
ношеніе, выговоръ.
- Выспа. Островъ.
- Вытекатъ. *Въ военномъ смы-
слѣ*: вылазку дѣлать.
- Вытечка. Вылазка.
- Вязень. Узникъ, плѣнникъ.
- Гагриня. Антоновъ огонь;
гангрена.
- Гадка. Разсужденіе, рѣчь.
- Гаковница. Длинное огне-
стрѣльное орудіе небольшого
калибра, прилаженное къ
деревянному отрубку.
- Галія. Шлюпка, галера.
- Гарцовать. Скакать; всту-
пить въ поединокъ, въ
схватку.
- Гать. Дорога чрезъ болото
изъ насыпной земли и
хвороста.
- Гауры. Агаряне, дѣти Агари.
Такъ называли магометане
христіанъ, именуя Сарацъ-
нами, т. е. потомками Сарры.
Гауръ или *Гяуръ* есть соб-
ственно испорченное *Геберъ*,
или *Гевеъръ*, Гвебръ, Гебръ,
огнепоклонникъ, и употребле-
ется турками и персіян-
нами въ общемъ смыслѣ:
невѣрный.
- Герцовать. Скакать: всту-
пать въ поединокъ. См.
гарцовать.
- Главной. Головной; уголов-
ный.
- Глумленіе. Шутка, насмѣш-
ка, суесловіе.
- Говзить. Изобиловать.
- Година. Чась.
- Городъ. Замокъ, крѣпость.
- Гречкій и Грецкій. Грече-
скій.
- Гуфъ, гуфець. Толпа, от-
рядъ, строй.

- Декретъ.** Опредѣленіе, постановленіе; приговоръ.
- Дивій.** Лѣсной, дикій.
- Дольный.** Нижній, низовый, лежащій въ долинѣ.
- Дондеже.** Пока, доколѣ.
- Другойцы.** Индѣ, въ иномъ мѣстѣ.
- Дщица.** Доска, дощечка.
- Дѣло.** Пушка, пицаль, орудіе вообще.
- Езерко.** Озеро небольшое, или озерко.
- Елокуція.** Выраженіе, изреченіе; выговоръ.
- Жавка.** Жаба, лягушка.
- Жаловать.** Жалѣть о комъ, или чего; также щадить.
- Жартъ.** Шутка.
- Желнеръ.** Солдатъ, ратникъ наемный.
- Жертвенникъ.** Жертвенникъ.
- Живить.** Питать, кормить; дать жизнь: сохранять, спасать.
- Загонъ.** *Въ военномъ смыслѣ:* набѣгъ, вылазка; также походъ отдѣльнаго корпуса.
- Загрѣть кого.** Укорять, осуждать; загрѣть кому: завидовать.
- Заисте.** Поистинѣ.
- Замирить.** Отмѣрять, постановить границы.
- Зане.** Ибо, потому что.
- Занѣдвать.** Пренебрегать.
- Заточить дѣла.** Выстроить пушки; *заточить шанцы:* устроить окопы.
- Зацный.** Достойный, почтенный.
- Звройка.** Броня.
- Землянинъ.** Обыватель, владѣлецъ земли, помѣщикъ.
- Зверхность.** Первенство, начальство.
- Звлаще.** Особенно.
- Звязливый.** Связанный; спутанный.
- Згодиться.** Согласиться, соединиться.
- Здывать.** Улучить, поймать, встрѣтить.
- Зычить.** Желать, благопріятствовать.
- Зѣльнѣ.** Весьма, очень, сильно, жестоко.
- Иговскій.** Принадлежащій ему, ей или имъ. *Просторнѣ.* ихній.
- Изгрѣбіе.** Соръ.
- Измѣна чему, или на что.** Мѣна, обмѣнъ.
- Израда.** Измѣна, предательство.

Израдецъ. Измѣнникъ.

Икономахъ. Иконоборецъ,
разрушитель иконъ.

Интерегнумъ. Междуцар-
ствіе.

Индуды, въ. Иное мѣсто. *Индъ*, въ иномъ мѣстѣ, индѣ.

Истый. Подлинный, точный,
несомнѣнный; тотъ самый.

Казать. Велѣть, приказать;
научить, наставить.

Канцеръ. Ракъ, *болѣзнь*.

Кать. Палачъ, истязатель.

Кляшторъ. Монастырь, оби-
тель.

Кнегтъ. Солдатъ, воинъ.

Княжата. Князья удѣльные.

Кожухъ. Шуба, тулупъ.

Коло. Колесо.

Колько. Около, вокругъ; нѣ-
сколько.

Конклюдія. Заключение.

Комора. Камера, горница.

Кортуна, картауна. Стѣно-
битное орудіе, бросавшее
48 фунтовое ядро.

Кощъ. Кошель, плетенка; *въ
военномъ смыслѣ*: походный
обозъ, также движущееся
войско; переходъ, кочевка,
переночевка.

Кромъ. Сверхъ того; въ сто-
ронѣ.

Кроника. Лѣтопись, хроника.

Крыжакъ. Крестоносецъ.

Куля. Шаръ; ядро; пуля.

Кунторъ. У нѣмецкихъ кре-
стоносцевъ воевода, повѣто-
вый староста.

Латвѣе. Легче, удобнѣе.

Ледовый. Ледяной, ледови-
тый.

Ленсмаршалокъ. Ландмар-
шалъ, земскій воевода, знат-
ный сановникъ.

Летаргицкій. Летаргическій,
безчувственный.

Лехтать. Щекотать, побуж-
дать, возбуждать, подстре-
кать.

Ложничій. Постельничій, ка-
мердинеръ.

Лотровскій. Разбойническій.

Лотръ. Разбойникъ.

Лучный. Относящійся къ
луку.

Лѣпшій. Лучшій.

Лювоимѣнный. Корыстолю-
бивый, любящій наживу.

Людъ. Народъ, войско.

Люторскій. Лютеранскій.

Лядаякій. Недостойный, под-
лый, низкій.

Ляофима. Богохульство.

Ляховица. Полька, като-
личка.

МАЕСТАТЬ. Величество, престоль.	МОЖНЫЙ. Мощный; возможный.
МАЙСТРЪ. Магистръ; начальникъ Ливонскаго ордена.	МУРОВАННЫЙ. Каменный.
МАЛВАЗІЯ. Мальвазійское вино или критское, съ горы Malta.	МУРЪ. Стѣна.
МАНЬЯКЪ. Безумецъ; льстецъ, угодникъ.	МУХОЯРЪ. Полушелковая матерія.
МАРЦЫПАНЪ. Миндальное пирожное.	МШЕЛЬ. Корысть, взятка, барышъ.
МАРШАЛОКЪ. Земскій, государственный сановникъ.	МЪРНЫЙ. Посредственный; умѣренный; воздержный.
МАТЕРЬ. Сквернословіе.	МЪСКІЙ. Городской.
МАТРОНА. Жена, женщина.	МЪСТО. Городъ въ нынѣшн. значеніи этого слова.
МАШКАРА. Маска, личина; костюмъ шутовской. Также уродъ, уродливость.	МЪТЬ. Имѣть, почитать, желать, намѣреваться.
МАЮ, мѣль, мѣть. Имѣть, почитать, желать.	НАВЫТЬ. Достать, приобрѣсть, нажить.
МЕЖИ. Между.	НАВАДЪ. Навожденіе, смута, ссора.
МИРОВАТЬ. Мирить, соглашаться, соединяться.	НАЖИЛИТЬ. Насиловать.
МНИМАНЫЙ. Мнительный.	НАИЛЪПШІЙ. Наилучшій.
МНИМАТЬ. Думать, полагать.	НАКАЗЫВАТЬ. Приказывать, наставлять, научать.
МНИТЬМІЯ. Кажется мнѣ.	НАЛЯЦАТЬ. Натягивать.
МНИХЪ. Монахъ, чернецъ.	НАМОВИТЬ. Уговорить, наставить.
МНОГІЙ, много. Сильный, обильный, искусный.	НАПОЛЫ. Въ половину.
МНЪЕ. Менѣе.	НАУКИ вызволенные. Изящныя науки: artes liberales.
МНЪЙШІЙ. Меньшій, малѣйшій.	НАУСИЕ. Юношескій возрастъ, когда усъ пробивается.
МОГУТСТВО. Могущество; <i>отъ Слав.</i> могутный: сильный, мощный.	НЕГЛИ. Можетъ быть; вѣроятно; ужели.

- Недугъ огненный. Горячка, огневица.
- Неиспокой. Безпокойство.
- Нелѣпотный. Безстыдный, безчестный.
- Нендза. Нужда, горе, бѣда.
- Непщевать. Думать, мнить, полагать.
- Нехай. Пусть.
- Нечный. Недобрый, безчестный, отвратительный.
- Нужный. Необходимый; тѣсный; трудный; *также* утомленный, безсильный.
- Нѣмотующій. Нѣмой, неумѣющій говорить. *Нѣмотствовать*—лепетать.
- Нѣякій. Нѣкоторый.
- О. Около, въ, до: о десять—*до десяти*.
- Обавить. Заговорить, околдовать, оглушить.
- Обадва. Оба, и тотъ и другой.
- Обаче. Однако; тѣмъ болѣе.
- Обезчадѣть. Лишиться дѣтей.
- Овличнѣ. Лицо съ лицомъ; лично.
- Оболченный. Облаченный, одѣтый.
- Обвичующе (отъ слова обтещи—обтучу). Обѣгать, перебѣгать, переходить.
- Обточить. Окружить, остѣнить, обдать.
- Обумертвѣе. Обморокъ.
- Овщина. Община, народоправство.
- Обвѣятіе. Объемъ, окружность; мѣсто.
- Ово. Отчасти; или.
- Овый. Оный, иной, другой.
- Окаанный. Жалкій, бѣдный, достойный сожалѣнія; также негодный.
- Околько. Около, вокруг, нѣсколько.
- Окромный. Сторонній, чужеземный.
- Окупъ. Выкупъ.
- Оле! (*церковно-сл.*). О.
- Опатъ. Аббатъ, игумень.
- Оперы. Сочиненія.
- Оплазивый. Любопытный; также суесловный.
- Орацья. Рѣчь.
- Осельскій. Ослиный.
- Осифляне. Монахи монастыря Іосифа Волоколамскаго.
- Оскордъ. Заступъ, стругъ, топоръ.
- Остатный. Послѣдній, остальной; крайній, конечный.
- Остенъ. Спица, остроконечное орудіе.
- Отай. Тайно, скрытно.
- Отечь. Отчій, отеческій.

Отмовить. Отмолвить; отвѣ- тить, возразить.	Поволить. Смягчаться; со- глашаться.
Отнелъже. Съ того времени, съ тѣхъ поръ.	Повторѣ. Вторично.
Очевистый. Очевидный. Оче- вистѣ—глазъ съ глазомъ.	Повѣмъ. Повѣдаю, расскажу.
Памятамыся. Помнится мнѣ.	Повѣтренный. Воздушный; заразительный.
Паперъ. Бумага.	Пожиточный. Полезный.
Пара. Мгла, дымъ, паръ.	Позычать. Занимать и ссу- жать.
Паразитъ. Блюдолизъ, объ- ѣдало, опивало, паразитъ.	Поймовать. Понять, женить- ся, выйти замужъ.
Пареміа. Притча.	Показать. Испортить, уни- чтожить одно за другимъ.
Пахоликъ. Мальчикъ, слуга, оруженосецъ.	Поки. Пока, доколѣ.
Пашека. Челюсть, пасть.	Поляцать. Соединять, со- ставлять, совокуплять.
Певный. Увѣренный, надеж- ный.	Подвѣ. Полторы.
Певнѣ. Навѣрно, истинно.	Поле диков. Степь.
Пенязъ. Монета; деньги.	Половица. Половина; су- пруга.
Первѣ. Во-первыхъ; прежде всего; особливо; наипаче.	Польный. Полевой; дѣла польныя: полковыя, или по- левья пушки 4-фунтоваго калибра.
Печенегъ. Пекаръ; <i>также</i> объѣдало, опивало, пара- зитъ.	Попсовать. Повредить, ис- портить.
Пленица. Цѣпь, связь (<i>отъ</i> <i>слова</i> плестъ).	Постинать. Обезглавить.
Плищъ. Плесканіе; крикъ, шумъ.	Посчастить. Осчастливить.
Плювіа. Дождь.	Посядать. Владѣть, овла- дѣть.
Плюхавый. Скверный, пога- ный.	Потаковникъ. Потворщикъ, потатчикъ.
Повапленный. Обмазанный, окрашенный, выбѣленный.	Потваръ. Навѣтъ, ябеда, клевета.

- Потваряють. Клеветать.
- Потыя. До тѣхъ поръ.
- Похлѣвовать. Ласкательствовать, льстить.
- Початокъ. Начало, починъ.
- Почта. Притонъ, постъ, отрядъ, стража.
- Праща. Орудіе, которымъ бросали камни.
- Презорство. Гордость, презрѣніе.
- Прекаждать. Запрещать.
- Преплавиться. Переплыть, переправиться чрезъ рѣку.
- Префация. Предисловіе.
- Пречресліе. Боль въ поясницѣ.
- Привавлять (*приваблять до себя*). Звать; приглашать; манить.
- Привилій. Привилегія, льготная грамота.
- Пригода. Приключеніе; случай.
- Прикрый. Крутой; трудный, неудобный; досадный.
- Прискорить. Ускорить; прибавить, возбудить.
- Пришанцоваться. Ближе подкопаться.
- Продиторъ. Измѣнникъ, предатель.
- Пронзинутъ. Пронзить; провечь.
- Пронунціяція. Произношеніе; также изрѣченіе, мнѣніе.
- Простаторъ. Начальникъ, покровитель.
- Проторы. Издержки, расходы.
- Пруткий. Скорый. проворный, быстрый.
- Прѣтъ. Спорить, отрицать, отпираться, давать отпоръ.
- Псевдопрофитъ. Лжепророкъ.
- Пургаторія. Чистилище.
- Пянтикостіе. Пятидесятница, день св. Духа.
- Рада. Совѣтъ.
- Раздрочить. Возбудить; мучить, утомлять; ждать.
- Расковаться. Покрыться, укрыться, спрятаться.
- Рекгула. Правило, уставъ.
- Ретиться. Спорить, ревновать, стараться.
- Решскій. Имперскій.
- Ровить. Дѣлать, работать.
- Рогъ. *Въ воен. см.*: крыло, флангъ.
- Розмова. Разсужденіе, разговоръ, бесѣда.
- Розмовить. Переговорить.
- Роковать. Разсуждать, договариваться.

- Рокъ. Годъ; время.
Ручница. Ружье.
Ручничпый. Ружейный.
- Сатанникъ. Поклонникъ сатаны.
Свѣдокъ. Свидѣтель.
Свѣдчій. Свидѣтельствующій.
Свято. Праздникъ.
Сенсъ. Смысль, толкъ.
Серепы. Ведреные, ясные дни.
Свунчевать. Извѣщать.
Свунчъ. Вѣстникъ.
Сягклитъ. Сянклитъ, прavitельство, сановникъ.
Сикованціе. Обманъ, клевета.
Синодь. Соборъ и соборное постановленіе.
Сице. Такъ.
Скарвь. Сокровище, казна, имѣніе.
Скомрохъ. Скоморохъ; шутъ.
Скутаться. Спрятаться; исчезнуть.
Сланный. Соленый.
Словество. Даръ слова; краснорѣчіе.
Слугатай. Служитель.
Смываль. Смыватель, оказывающій наговорною водою.
Софизматы. Софизмы, ложныя заключенія.
- Спекуляторъ. Начальникъ пады палачами; также шпионъ.
Сповѣдаться. Признаться; освѣдомиться.
Сподѣваться. Надѣяться, думать.
Сполкъ. Соединеніе; товарищество.
Сполу. Вмѣстѣ; также въ половину.
Справа. Дѣло; въ воен. смыслъ: сраженіе, команда, предводительство.
Срогій. Строгій.
Ссущій. Сосущій.
Стайникъ. Конюхъ; клеветъ.
Стайня. Конюшня.
Статечный. Степенный, постоянный, хорошаго поведения; почтенный.
Стегно. Бедро, лядвія.
Сточить битву. Дать сраженіе.
Стратигъ. Главный начальникъ, гетманъ.
Стратилатъ. Воевода, полководецъ.
Строзъ. Строго, сердито.
Стрыечный. Двокородный.
Стрый. Дядя съ отцовской стороны.
Студеное море. Ледовитый океанъ.

Стужать. Докучать, неот-
ступно просить.

Стултиця. Глупость.

Субстанція. Сущность.

Схизматикъ. Раскольникъ.

Счаровать. Околдовать, за-
говорить, испортить.

Сыновець. Братнинъ сынъ,
братаннчъ.

Сѣкерка. Сѣкирка, топоръ.

Сѣчиво. Сѣкира, топоръ.

Талавень. Негодяй.

Таней. Дешевле.

Тесло. Плотничное орудіе
для тесанія деревъ; тесакъ.

Торгать. Дергать, рвать,
терзать.

Тощій. Тщетный, праздный,
пустой.

Трвать. Быть, существовать,
длиться.

Третина. Третья часть.

Трунекъ. Напитокъ, питье.

Туга. Тоска, туженіе.

Туне. Даромъ, напрасно, безъ
причины.

Тщаливый. Тщательный,
старательный.

Тщета. Уронъ, убытокъ,
вредъ.

Тыждень. Недѣля.

Ублагать. Умилоствить,
просить прощенія.

Угонзнуть. Уйти, избѣгнуть.
Уздать. Обуздывать, усма-
рять.

Уне. Лучше; *уншій*—лучшій.

Урувить. Срубить; сооронить.

Фавула. Басня.

Фолговать. Сноровлять, смяг-
чать, щадить.

Фосфорось. Свѣтящее тѣло;
утренняя звѣзда; денница.

Халить. Осмѣивать, осуж-
дать.

Хиротонисать. Рукопола-
гать, посвящать въ санъ
духовный.

Ховать кого у себя. Пря-
тать, укрывать.

Хороняка. Трусь, *отъ слова:*
хорониться, прятаться.

Худогъ. Мудръ, искусень.

Частка. Частица.

Чело. Передовое войско, от-
борное войско, первый
фронтъ.

Чимбуры. Оковы, кандалы.

Чулось. Казалось, слыша-
лось.

Чюнный. Бдительный, бод-
рый, зоркій.

Щанцовать. Дѣлать окопы,
окопаться.

Щафовать. Управлять.

Шкода. Вредъ, <i>и нарѣчіе</i> : жалко.	Эпистоля. Письмо, посланіе.
Шляхта. Дворянство.	Юргельтъ. Жалованье, пен- сія.
Шляхъ и шлягъ. Скрытная дорога, путь.	Язвина. Нора, гнѣздо.
Ѣздный. Ѣздовой, конный, всадникъ.	Якой. Какой, каковой.
Экзордія. Вступленіе, при- ступъ.	Яртаулъ. Авангардъ, пере- довой полкъ.
	Ясакъ. Знакъ, извѣстіе, го- нецъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ И. ГЛАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій, № 27.

ПРОДАЮТСЯ МЕЖДУ ПРОЧИМИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Азбука латинская** съ присоединеніемъ краткаго словаря, начертанія этимологии и простѣйшихъ разговоровъ. Спб. 1900. Ц. 20 к.
- Альхимовичъ.** Литургика. Спб. 1891. Ц. 75 к.
- Апшинъ.** Дополненіе къ I части. Спб. 1886. Ц. 35 к.*—Ч. III. Законоположенія и распоряженія о начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣйствующія въ губерніяхъ Прибалтійскаго и Привислянскаго края. Спб. 1888. Ц. 90 к.
- Антоновъ.** Русская грамматика. Младшій трехлѣтній гимназическій курсъ. Изд. 19. Спб. 1899. Ц. 70 к.
- Беренсъ.** Интегральное исчисленіе. Учебное пособіе для военноучебныхъ заведеній. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к.
- Г. Беренсъ.** Руководство къ минералогическому анализу волокнистыхъ веществъ. Переводъ Н. Н. Страховскаго. Съ 18-ю чертежами и 8-ми хромолитграфированными таблицами. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Берновъ.** Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. Письма русскаго пѣшехода. Спб. 1896. Ц. 85 к.
- Богдановъ.** На досугъ. Сборникъ стиховъ, проверенныхъ на урокахъ и чтеніяхъ въ народной школѣ для взрослыхъ и дѣтей. Подъ редакціей Виктора Острогорскаго. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Дѣдушка Крыловъ, для чтенія въ сельской школѣ. Подъ редакціей Виктора Острогорскаго. Спб. 1896. Ц. 30 к.
- Большманъ.** Полная ариметика на счетахъ или новые легчайшіе способы для производства всякаго рода ариметическихъ вычисленій на счетахъ съ нѣкоторомъ перемѣною въ ихъ устройствѣ, въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1878. Ц. 75 к.—Практическія упражненія въ алгебрѣ; въ 3 ч. Изд. 7. Ц. 1 р. — Приложение алгебры къ рѣшенію опредѣленныхъ геометрическихъ задачъ. Изд. 3. Спб. Ц. 40 к.
- Бругшъ.** Исторія фараоновъ; съ картою и четырьмя планами. Переводъ Г. К. Власова. Его же вступленіе, примѣчанія и приложенія. Спб. 1880. Ц. 5 р.
- Буссе.** Основанія геометріи. Руководство, составленное для гимназій. Изд. 9. Спб. 1896. Ц. 45 к.—Руководство къ элементарной геометріи, для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Изд. 9-е. Спб. 1896. Ц. 27 к.—Руководство къ ариметикѣ. Отдѣлъ первый. Изд. 18-е. Спб. 1877. Ц. 10 к.—Отдѣлъ второй. Изд. 16. Спб. 1876. Ц. 18 к. — Собраніе ариметическихъ задачъ, расположенныхъ по руководству къ ариметикѣ. Изд. 17. Спб. 1878. Ц. 18 к.
- Бычковъ.** Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изд. 16. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.
- Бѣловъ.** Замѣчательные русскіе историческіе дѣятели. Чтеніе для народныхъ учителей и пособіе при урокахъ русской исторіи въ учительскихъ семинаріяхъ. Спб. 1878. Ц. 1 р.—Путешествіе по Германіи и Швейцаріи, отъ Петербурга до Монблана. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к.
- Введенскій.** Руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ. Изд. 2. Спб. 1861. Ц. 1 р.
- Вислиценусъ.** Руководство къ органической химіи. Пер. Гемиліана и Руднева, дополненный по указаніямъ автора, съ предисловіемъ Бельштейна, съ поятиглавами въ текстѣ. 2 вып. Спб. 1875—1876. Цѣна каждому вып. по 1 р. 50 к.
- Властовъ.** Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаній). Спб. 1897. Ц. 3 р.
- Водовозовъ.** Элементарные рассказы изъ физики и химіи для народныхъ учителей, съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1873. Ц. 60 к. — Древняя русская литература отъ начала грамматики до Ломоносова, съ приложеніемъ „Очерка

русской народной литературы“, подъ названіемъ „по старой памяти, какъ по грамотѣ“. Спб. 1872. Ц. 1 р.

Волковъ. Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ, съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ. Изд. 2-е, исправлен. и дополнен. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Волковъ. Образовательный курсъ наглядной геометріи. Руководство для преподавателей начальныхъ и городскихъ школъ и нашихъ классовъ среднихъ образовательныхъ заведеній. Съ чертежами въ текстѣ и съ задачами. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Востоковъ. Сокращенная русская грамматика. Изд. 16. Спб. Ц. 14 к.

Гаварре. Медицинская физика. О теплотѣ, производимой живыми существами; переводъ съ французскаго Вертоградова, похъ редакціею профессора Чистовича съ 41 политипажемъ въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гавриловъ. Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ христоматіи. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Голицкій. Философскій лексиконъ. Т. 1-й, буквы А. Б. В. Ц. 2 р. 50 к.

Гончаровъ. Фрегатъ Паллада; очерки путешествія, со включеніемъ дополнительныхъ главъ, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостиннымъ. 5-е исправленное изданіе. Спб. 1895. Ц. 4 р.— Полное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. 9 т. Спб. 1896. Ц. 13 р. 50 к.

Гротъ. Стихи и проза для дѣтей. Изд. 3. Спб. 1892. Ц. 60 к.—Нѣсколько данныхъ къ его биографіи и характеристикѣ. Спб. 1895. Ц. 1 р.—Переписка съ П. А. Плетневымъ. 3 т. Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева. Спб. 1896. Ц. каждому тому 3 р.—Труды. I. Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Спб. 1898. Ц. 3 р.—Филологическія разсужденія. Спб. 1899. Ц. 3 р.—Труды II. Филологическія разсужденія. (1852—1892). Спб. 1899. Ц. 3 р.—Труды III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Спб. 1901. Ц. 3 р.—Труды IV. Изъ русской исторіи (1845—1890). Спб. 1901. Ц. 3 р.— Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Духовное врачевство отъ Священнаго писанія и отъ писаній Святыхъ Отцевъ для пользы обуреваемыхъ страстями или одиннадцать душеполезныхъ бесѣдъ въ вопросахъ и отвѣтахъ о дѣйствіи злыхъ страстей и о средствахъ побѣждать ихъ. Изд. 4-е. Спб. 1889. Ц. 25 к.

Е—ковъ. Статьи по алгебрѣ и ариметикѣ. (Отвѣты на всѣ вопросы, помѣщенные въ экзамен. программѣ). Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Жуковский. Одиссея Гомера. Переводъ. Изд. 2-е. Спб. 1894. Ц. 1 р.— Орлеанская дѣва, Шиллера, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, съ примѣчаніями Максимова. Спб. 1878. Ц. 60 к.—Собраніе стихотвореній. 4 т. Спб. 1895. Ц. 5 р.— Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Въ одномъ томѣ. Изд. 10-е, испр. и дополн. подъ ред. П. А. Ефремова. Съ прилож. 4-хъ портретовъ Жуковскаго. Спб. 1901. Ц. 2 р. 25 к.—Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть, заимствованная изъ царственной книги Ирана (Шахъ-Намѣ). Вольное подражаніе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Наль и Дамалити. Индѣйская повѣсть, подражаніе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 30 к.—Ундина. Старинная повѣсть, изъ Ламмотъ-Фуке. Спб. 1900. Ц. 35 к.

***Игнатій, архимандритъ.** Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ. 2 ч. Спб. 1875. Ц. 3 р.—Слово въ защиту русскихъ монастырей. Спб. 1874. Ц. 40 к.

Игнатій, епископъ. Сочиненія: т. 3-й и 4-й. Спб. 1866—1867. Ц. 5 р.

Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, для употребленія въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. 17. Ц. 19 к.

Ильменскій. Уроки по закону Божию для христіанскихъ воиновъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, для употребленія въ училищахъ, на русскомъ языкѣ. Ц. 17 к.

Кантемиръ. Сочиненія, письма и избранные переводы. Съ портретомъ автора, со статьями и примѣчаніями В. Я. Стоюнина и съ библиографическими замѣтками: Томъ 1-й: Сатиры, мелкія стихотворенія и переводы въ стихахъ. Ц. 2 р. Томъ 2-й: Сочиненія и переводы въ прозѣ, политическія депеши и письма. Ц. 1 р. 50 к.

Каталогъ книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова (1855—1866). Слб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.—Первое прибавленіе къ нему (1867—1869). Слб. 1869. Ц. 60 к.—Второе прибавленіе къ нему (1869—1873). Слб. 1874. Ц. 60 к.—Третье прибавленіе къ систематической росписи книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова, составлено за время съ 1873 г. по Январь 1881 года В. И. Межовымъ, съ указаніемъ переводовъ, критическихъ статей, рецензій и библиографическихъ замѣтокъ и прибавленіемъ азбучнаго указателя именъ и предметовъ. Слб. 1882. Ц. 6 р.—Четвертое прибавленіе: составлено имъ же. Слб. 1884. Ц. 3 р. 50 к.—Пятое прибавленіе составлено имъ же. Слб. 1889. Ц. 5 р.

Кеневичъ. Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2-е изданіе, съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи И. А. Крылова, имъ же собранныхъ. Слб. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время (царствованіе императора Александра I-го). Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. Слб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.—Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853—54 годахъ. Бомбардированіе Севастополя; съ планами и картою. Книга удостоена высшей преміи военно-ученаго комитета. Слб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—Странствователь по сушѣ и морямъ. Ташкентъ, Бухара, Хива, Афганистанъ, Карпаты, Нижній Дунай и Балканы. Въ 4-хъ частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Слб. 1871. Ц. 2 р.—Черногорія и славянскія земли, съ рисунками и картою. Слб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.—Путешествіе во внутреннюю Африку. Ч. 1-я. Египетъ и Нубія. Ч. 2-я. Земля негровъ. Съ картою и 17-ю рис. Слб. 1872. Ц. 2 р.

Constantin. Cours pratique de la langue française, à l'usage des écoles. 2 части. Ed. 13. Слб. 1900. Ц. 60 к.*—La statistique aux prises avec les grammairiens ou essai de simplifier l'étude du genre des substantifs et celle de la conjugaison. Ц. 1 р.

Корофъ. Жизнь графа Сперанскаго. Съ 3 портретами. 2 т. Слб. 1861. Ц. 3 р.

Красновъ. Учебникъ стилистики. Слб. 1878. Ц. 1 р.

Кузнецовъ. Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. Изд. 7-е. Слб. 1872. Ц. 75 к.—Приготовительный курсъ всеобщей географіи. Изд. 2-е. Слб. 1863. Ц. 75 к.

Лафоссъ. Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 1-й. Этимологія, фонетика и грамматическое правописаніе. Слб. 1877. Ц. 75 к.—Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 2-й. Логическій разборъ и синтаксисъ. Слб. 1879. Ц. 60 к.—Сборникъ статей для постепеннаго чередова на французскій языкъ, съ приложеніемъ словаря. Изд. 7-е. Слб. 1901. Ц. 75 к.—Tables de conjugaisons de verbes réguliers et irréguliers. Таблицы для спряженія правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Слб. 1877. Ц. 40 к.

Леженъ Диррише. Теорія чиселъ. Вып. I. О дѣлности чиселъ.—О сравненіяхъ.—О квадратичныхъ вычетахъ; переводъ Я. М. Назаревскаго. Со сборникомъ упражненій и задачъ. Слб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Ленцъ. Руководство къ физикѣ. Изд. 7-е. Слб. Ц. 82 к.

Лермонтовъ. Сочиненія, съ портретомъ его, двумя снимками съ рукописи и библиографическимъ очеркомъ. Изд. 7-е, вновь исправленное подъ редакціей П. А. Ефремова, 2 т. Слб. 1889. Ц. 3 р.—Сочиненія въ 1 томѣ. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., въ бумажѣ 1 р.—Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 11 картинками и съ портретомъ Лермонтова. Изд. 4-е. Слб. 1885. Ц. 5 к.

L' Nomond. Epitome historiae Sacrae ad usum tironum linguae latinae. Слб. 1897. Ц. 75 к.

Лукинъ и Ельчаниновъ. Сочиненія и переводы. Съ портретомъ Ельчанинова, со статьёю о Лукинѣ А. Н. Пыпина и съ библиографическими замѣтками, подъ редакціей П. А. Ефремова. Слб. 1868. Ц. 2 р.

Маахъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ I-й. Изд. 8-е. Слб. 1901. Ц. 25 к.—Курсъ II-й. Изд. 6-е. Слб. 1888. Ц. 50 к.—Курсъ III-й. Изд. 4-е. Слб. 1881. Ц. 65 к.—Курсъ IV. Изд. 3-е. Слб. 1888. Ц. 50 к.

для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 30 к.—Вып. II. Домострой Сильвестровскаго завода. Текст памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія [образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западно-европейскѣхъ], объяснительныя статьи и словарь. Спб. 1902. Ц. 45 к.—Вып. III. Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи. Текстъ басенъ Крылова, Дмитриева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго, и др. въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Спб. 1891. Ц. 40 к.—Вып. IV. Григорій Котошихинъ. Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторіи памятника, біографія автора. Спб. 1891. Ц. 30 к.—Вып. V. Баллады В. А. Жуковскаго. Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 65 к.—Вып. VI. А. С. Грибоедовъ. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критич. отзывы Пушкина, Гоголя и Вѣдлинскаго, „Милонъ терзаній“, крит. этюдъ И. А. Гончарова. Спб. 1891. Ц. 45 к.—Вып. VII. Д. И. Фонъ-Визинъ. Избранныя сочиненія. Недоросль.—Бригадиръ.—Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 50 к.—Вып. VIII. Н. М. Карамзинъ.—Ч. I. Повѣсти.—Разсужденія.—Стихотворенія. Спб. 1892. Ц. 55 к.—Вып. IX. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Часть вторая. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Спб. 1892. Ц. 60 к.—Вып. X. М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія.—Прозаческія статьи.—Матеріалы для изученія его сочиненій. Спб. 1892. Ц. 35 к.—Вып. XI. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 40 к.—Вып. XII. Кн. А. Д. Кантемиръ. Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1893. Ц. 40 к.—Вып. XIII. Былины. Былины про старшихъ богатырей.—Былины кievскаго и новгородскаго цикловъ.—Духовныя стихи.—Историческія пѣсни.—Восемь объяснительныхъ статей.—Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XIV. А. П. Сумароковъ. Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Олекулъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XV. Тилия скупого въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ.—Кубышка, ком. Шавта.—Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ, Гоголя.—Скупой рыцарь, Пушкина.—Три характеристивы Теофраста.—Русскія пословицы о скупости. Спб. 1893. Ц. 40 к.—Вып. XVI. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями.—Поученія Владиміра Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XVII. Императрица Екатерина II. Избранныя сочиненія. Начальное ученіе.—Пословицы.—Сказы.—Были и небылицы.—О время! ком.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 45 к.—Вып. XVIII. Русская народная лирика. Пѣсни обрядовыя.—Пѣсни семейныя.—Пѣсни бытовыя.—Пѣсни удалыя.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 40 к.—Вып. XIX. Древне-русскія повѣсти и романы.—Слово о Бовѣ.—Троянскія сказанія.—Девгеніево дѣяніе.—Соломонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ.—Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ.—Судное дѣло у Леща съ Ершомъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 40 к.—Вып. XX. М. М. Херасковъ. (1733—1807). Россіада; поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 60 к.—Вып. XXI. И. И. Дмитриевъ. Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказы.—Басни.—Апологи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 40 к.—Вып. XXII. Василій Никитичъ Татищевъ, 1685—1750. Духовная моему сыну. Тексты Духовной и Увѣщанія.—Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 30 к.—Вып. XXIII. Е. А. Баратынскій. 1800—1844. Избранныя сочиненія. Лирическія стихотворенія.—Поэмы.—Прозаческія статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Вып. XXIV. Житіе и хоженіе Давида Русскыя земли игумена. 1106—1108. Текстъ воспроизведень по древнѣйшему списку XV вѣка, изданному Православнымъ Палестин-

скимъ Обществомъ. Текстъ памятникъ.—Объяснительныя статьи, съ приложеніемъ 2-хъ картъ. Спб. 1896. Ц. 50 к. — Вып. XXV. Н. И. Новиковъ. 1744—1778. Живописецъ. 1772—1773. Избранныя статьи изъ „Живописца“.—Извлеченіе изъ „Трута“.—Материалы для изученія писателя. Спб. 1896. Ц. 35 к.—Вып. XXVI. Древне-русскія драматическія произведенія. Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи.—Пещное дѣйство и вертепъ.—Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навходоносорѣ.—„Владиміръ“, трагедокомедія Теофана Прокоповича.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 40 к.—Вып. XXVII. В. Г. Бѣлинскій. (1810—1848). Критическіе этюды. Часть первая. „Ревизоръ“ Гоголя. — „Горе отъ ума“ Грибоедова.—„Борисъ Годуновъ“ Пушкина. Спб. 1898. Ц. 30 к.—Вып. XXVIII. Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный. Избранныя сочиненія. Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Тоже. Серия вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературы въ переводахъ русскихъ писателей: Вып. I. Пѣснь о Роландѣ. Французскій народный эпосъ. Переводъ Чудинова. Текстъ памятникъ, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Вып. II. Пѣснь о Нibelунгахъ. Нѣмецкій народный эпосъ, переводъ Кудряшева. Текстъ авантюръ: I, П, XV—XVII, XXXVI—XXXIX и изложеніе содержанія остальныхъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 45 к.—Вып. III. Поэмы Оссіана Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Фингалъ, поэма въ VI пѣсняхъ. — Смерть Кухулина, поэма и ирландское сказаніе.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 35 к. — Вып. IV. Старшая Эдда (Семунда мудраго). Сборникъ мифологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсней, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-скандинавскій народный эпосъ. I—II мифологическія пѣсни. —I гномическая. —I—XV эпическихъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 40 к.—Вып. V. Поэма и избранныя романсы о Сидѣ, въ переводахъ русскихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. VI. Луисъ Камоньенъ. Лузіады. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. VII. Данте Алигьери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть I. Адъ. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIV пѣсней.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 55 к. — Вып. VIII. Данте Алигьери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть II. Чистилище. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсней.—Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. IX. Данте Алигьери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть III. Рай. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсней.—Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 55 к.—Вып. X. Лидовико Аріосто. (1474—1533). Невостовъ Роландъ. Поэма въ сорока шести пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержаніе поэмы Воардо „Влюбленный Роландъ“.—Текстъ 17-ти пѣсней Аріосто и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ отрывковъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 75 к.—Вып. XI. Франческо Петрарка. (1304—1374). Избранные советы и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV советовъ. —I—III канцоны.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 25 к. — Вып. XII. Пьеръ Бомарше. Избранныя сочиненія. Переводъ Чудинова. Спб. 1898. Ц. 55 к. — Вып. XIII. Торквато Тассо. 1544 — 1595. Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ двадцати пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Переводъ I—IV, XII, XIII, XV, XVI и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ. — Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Вып. XIV. Адельбертъ Шамиссо де-Бонкуръ. (1781—1838). Избранныя произведенія въ переводахъ русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемля.—Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 35 к.—Вып. XV. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. (1805—1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Часть I-я. Сказка моей жизни.—Книга картинъ безъ картинъ. — Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 75 к.—Вып. XVI. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. (1805—1875). Импрровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.—Вып. XVII. Джованни Боккаччо. (1313—1375). Декамеронъ. Собраніе избранныхъ

новелль въ переводахъ русскихъ писателей. Вступленіе. Текстъ XX новелль. — Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Вып. XVIII. Дени Дидро. (1712—1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Племянникъ Рамо.—Биографическій очеркъ. Спб. 1900. Ц. 40 к.—Вып. XIX. I. Вольфгангъ Гёте. (1749—1832). Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. Переводъ М. П. Вронченко. Текстъ I-й части. — Изложене II-й части. — Объяснительныя статьи. Спб. 1900. Ц. 55 к.—Вып. XX. Альфредъ де-Мюссе. (1810—1857). Избранныя сочиненія переводъ Чешихина и другихъ. Лирика поэмы Ива, Порція.—Комедіи: Луизонъ, Двѣвчьи грезы, Капризъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.—Вып. XXI. Дж. Р. Байронъ. (1788—1824). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ постовъ. Лирическія стихотворенія. — Поэмы: Шильонскій узникъ.—Абидосская Невста.—Отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана.—Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.—Вып. XXII. Вильямъ Шекспиръ. (1564—1616). Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ трагедіи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 40 к.—Вып. XXIII. Іоаннъ Людвигъ Уландъ. (1787—1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ постовъ. Пѣсни.—Баллады и романсы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Русскій букварь (новый); для дѣтей. Изд. 10-е. Спб. 1889. Ц. 3 к.

Рылѣвъ. Сочиненія и переписка. Изд. 2-е, его дочерн. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Священная исторія (краткая) церкви ветхаго и новаго завета, изданная для народныхъ училищъ Россійской Имперіи. Изд. 24. Спб. Ц. 10 к.

Семеновъ. Лѣто. Первая большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Зима. Вторая большая раскрашенная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—

Осень. Третья большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Весна. Четвертая большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—

Комментарій къ наглядному обученію по картинамъ. Спб. 1880. Ц. 35 к.—

Педагогическій ежегодникъ Кубанской Учительской Семинаріи. Годъ 1-й. (1873). Спб. 1874. Ц. 75 к.—

Опытъ методическаго руководства къ преподаванію роднаго языка по книгѣ „Даръ слова“. Спб. 1881. Ц. 50 к.—

Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями.—Вып. 1-й. Составъ рѣчи. Изд. 2. Спб. 1882. Ц. 20 к.—

Вып. 2-й. Этимологія. Изд. 2-е. Спб. 1885. Ц. 35 к.—

Упрощенный элементарный курсъ русской грамматики, для пригтовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и для городскихъ школъ. Спб. 1877. Ц. 15 к.—

Пригтовительный курсъ русскаго языка, облегчающій преподаваніе и пониманіе грамматики. Спб. 1877. Ц. 15 к.

Симашко. Зоологія. 2 ч. Изд. 3-е. Спб. 1861. Ц. 2 р.

Скопинъ и Кеневичъ. Сборникъ произведеній русской литературы. Пособіе при преподаваніи исторіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ч. 1-я, до-Петровскій періодъ. Изд. 3. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Сладковъ. Простая и двойная итальянская бухгалтерія. Руководство составлено по опытамъ многолѣтней практики преподаванія этой науки, а равно и веденія торговыхъ книгъ въ лучшихъ коммерческихъ конторахъ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Собольщиковъ. Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и дурноты. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1872. Ц. 1 р.

Соколовъ. Странички и странички. Спб. 1879. Ц. 10 к.

Спирidonовъ. Географія Россійской Имперіи въ связи съ общими свѣдѣніями изъ физической, политической и коммерческой географіи для народныхъ, городскихъ, церковно-приходскихъ и другихъ низшихъ училищъ. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Стебловъ. Сборникъ ариметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, Изданіе четвертое исправленное и дополненное. Спб. 1901. Ц. 70 к.

Тиханова. Разказы и повѣсть: Слово и дѣло. Мой другъ Антоновъ. Тайственный гость. Спб. 1902. Ц. 1 р.—

Я хочу быть актрисой. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1902. Ц. 25 к.—

Ласточка. Разказы для юности: Сирота.—

Глазъ Божій.—Иванъ-да-Марья. — Счастливый четвергъ.—Самоварь.—Жертва.—Воспоминанія одной булды. Съ 6-ю хромолитографированными картинками художника Зимина, въ красивой хромолитографированной папкѣ. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Троицкій. Руководство къ изученію Латинской Этимологіи для 2-го и 3-го классовъ духовныхъ училищъ. Изданіе четвертое, перепечатанное безъ перемѣнъ съ перваго изданія, одобреннаго Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ училищъ. Спб. 1898. Ц. 50 к.—Руководство къ изученію Латинскаго Синтаксиса для 3-го и 4-го классовъ духовныхъ училищъ. Изданіе 4-е. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, 10 томовъ, съ портретомъ автора и факсимиле. Изд. 4-е. Спб. 1897. Ц. 15 р.—Записки Охотника. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ (1847—1876). 11 изд. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Филоновъ. Русская хрестоматія съ примѣч. для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній:—Т. I. Эпическая поэзія. Изд. 8. Спб. 1897. Ц. 1 р. 30 к.—Т. II. Лирическая поэзія. Изд. 6. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.—Т. III. Драматическая поэзія. Изд. 6. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.—Т. IV. Проза. Изд. 4. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.—Поэты Пушкинъ. Общедоступное чтеніе. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 50 к.—Учебникъ по словесности: Стихотвора.—Теорія прозы.—Теорія повѣи. Изд. 7. Спб. 1890. Ц. 1 р.—Борисъ Годуновъ. А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Французскіе, нѣмецкіе и русскіе общественные разговоры, съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ рѣченій для упражненія. Изд. 9. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Цытовичъ. Свойство пропорцій и основанныя на ономъ свойства, рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ. Спб. 1874. Ц. 30 к.—Теорія Гамильтона — Якоби-ли въ механикѣ. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Шимовскій. Краткая ботаника. Курсъ гимназическій. Изд. 4. Съ атласомъ, 29 таблицъ изображеній и рисунками въ текстѣ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ. Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь, 2 ч. Спб. Ц. 1 р. 50 к. въ перепл. съ футляромъ 2 р. 50 к.

Щербина. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Съ картинками, изд. 7. Спб. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

*Oertel. (Эртель). Hilfsbuch zum praktischen Unterrichts in der deutschen Sprache. Л. 1896. Ц. 75 к.—Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій вмѣстѣ съ словаремъ. Л. 1895. Ц. 60 к.—Сокращенная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Л. 1888. Ц. 60 к.

ДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 1.	Тургеневъ. Пѣвцы, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.
№ 2.	” Одноговорецъ Овсянниковъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 3.	Хоръ и Калинычъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1900. Ц. 7 к.
№ 4.	Малиновая вода, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 6 к.
№ 5.	Льговъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1900. Ц. 8 к.
№ 6.	Бѣжинъ лугъ, разсказъ. Изд. 5. Спб. 1901. Ц. 10 к.
№ 7.	Касьянъ съ Красивой Мечи, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 10 к.
№ 8.	Бирюкъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 8 к.
№ 9.	Лебедянь, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 10.	Живыя мощи, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1898. Ц. 10 к.
№ 11.	Стучитъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 12.	Лѣсъ и степь, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 8 к.
№ 13.	Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь. Спб. 1885. Ц. 5 к.
№ 14.	Пегасъ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 15.	Пожаръ на морѣ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.

- № 16. **Тургеневъ.** Муму, повѣсть. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 17. " Пѣздка въ Полѣсье, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1898. Ц. 8 к.
 № 18. " Собака, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
 № 19. " Бригадиръ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 10 к.
 № 20. " Стужъ... стужъ... стужъ...! разсказъ. Изд. 2. Спб. 1899. Ц. 10 к.
 № 21. " Перепелка, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 5 к.
 № 22. " Постоялый дворъ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 15 к.
 № 23. **Жуковский.** Странствующій жидъ. (Агасверъ), поэма. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 30 к.
 № 24. Коть въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 25. **Студитскій.** Школа въ лѣсу. Разсказъ. Изд. 4. Спб. 1896. Ц. 10 к.
 № 26. **Жуковский.** Сказка о Спящей Царевнѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.
 № 27. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 15 к.
 № 28. Сказка о Царѣ Берендѣѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кошея Безсмертнаго, и о премудрости Марьи Царевны, Кошеевой дочери. Спб. 1900. Ц. 10 к.
 № 29. **Кодокольниковъ.** Яша; разсказъ. Спб. 1896. Ц. 15 к.
 № 30. **Тиханова.** Свято-Троицкая Рековская пустынь и возстановитель ея схимонахъ о. Амфилохій. Спб. 1901. Ц. 15 к.
 № 31. **Жуковский.** Война мышей и лягушекъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 32. " Камозинъ. Драматическая поэма. Спб. 1902. Ц. 7 к.
 № 33. " Разрушеніе Трои. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 34. Капитанъ Бошичъ. Маттео Фальконе. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 35. Судъ въ подземельѣ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 36. Пери и Ангелъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 37. Шильонскій узникъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 38. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная повѣсть въ 2-хъ балладахъ. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 39. В. А. Биографическій очеркъ П. Смирновскаго. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 40. Народный гимнъ. Патріотическія пѣсни. Святая Русь. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 41. Баллада о старухѣ. Варвикъ. Судъ Божій надъ епископомъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакцію А. Н. Чудинова. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей:

- Калевала. Финская народная эпопея.
- Древне-сѣверныя саги и пѣсни скальдовъ.
- Жанъ Расинъ. Избранныя сочиненія.
- Жанъ Батистъ Покеленъ-Мольеръ. Избранныя комедіи.
- Эрнестъ Т. В. Гоффманъ. Избранныя сочиненія.
- Джонъ Мильтонъ. Потерянный рай. Поэма въ XII пѣсняхъ.

